

may 16

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

Издание С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

1888

1-2

КНИГА ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ

— ЗАКОНЪ —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1888

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

I. Узаконенія и распоряженія правительства	CLXI-CLXXII.
II. Личный составъ	I — 2.
III. Правда въ гражданскомъ процессѣ <i>Д. Азаревича</i>	1 — 25.
IV. Къ вопросу о правѣ наследованія послѣ иностранцевъ въ Россіи <i>Н. Барковского</i>	26 — 48.
V. Отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими <i>В. Яроцкаго</i>	49 — 112.
VI. Критика и библиографія: 1) <i>Н. Д. Градовскій</i> . Торговыя и дру- гія права евреевъ въ Россіи; 2) <i>М. И. Мышь</i> . Сборникъ узаконеній правительственныхъ и судебныхъ разъясненій о мѣщанскихъ и ре- месленныхъ управленіяхъ; 3) <i>В. Г. Яроцкій</i> . Экономическая отвѣт- ственность предпринимателей ч. 1; 4) <i>Н. Кирпичниковъ</i> . За три мѣсяца: июль, августъ и сентябрь 1886 г. Справочный сборникъ; 5) Размышленія Киѣв Мокієвича о нѣкоторыхъ экономическихъ и юри- дическихъ вопросахъ <i>М. Гребенчикова</i> . 6) <i>Н. Д. Губаревъ</i> . Проектъ гражданскаго управленія въ Россіи. N.; 7) <i>Paul Laffitte</i> . Paradoxe de l'égalité. <i>Владиміра Ренненкампфа</i>	113-- 147.
VII. Иностранная юридическая хроника. I. Международный Союзъ для покровительства литературныхъ и художественныхъ произведе- ній.—Исторія его образованія, составъ. Бернская союзная кон- венція 1886 г.—Главныя руководящія положенія этой конвенціи, пра- вила и характеристичныя частности ея постановленій касательно авторскаго права. II. Итальянскіе проекты судебной реформы (Пред- сѣдатель суда съ присяжными—единоличныи судья) и проектъ новаго итальянскаго уголовного уложенія. III. Научное колебаніе философ- скихъ основъ нынѣшняго уголовного права и принциповъ уголовно-су- дебнаго правосудія.—Врачи и юристы.—Уголовно-, антропологическая— лекція—рефератъ профессора Морица Бенедикта въ собраніи Вѣн- скаго юридическаго общества и „уголовно-соціологическій“ Essai профессора Пренса <i>Н. Я.</i>	148—182.
VIII. За мѣсяць (юридическая хроника). <i>А. Б. Думашевскій</i> .—Отказъ присяжнаго зсѣдателя отъ принятія присяги.—Дѣло о Преображен- скомъ плацѣ <i>З.</i>	183—198.
Замѣтки.	
IX. Наши тюремные порядки	I — 38.
X. Обязанъ ли банкъ приостанавливать платежъ по чеку, вслѣд- ствіе своевременно заявленнаго о семъ требованія чекопод- писателя <i>М. Шафиръ</i>	39 — 43.
XI. Объявленія	I — XXI.
Приложенія.	
XII. Пререканія и другіе юридическіе вопросы, разрѣшенные общимъ собраніемъ и особымъ присутствіемъ Варшавской судебной палаты <i>К. Зальскаго</i>	I — 48.

Рис. Мау 18, 1905

См. на слѣд. стр.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го ноября по 15-е декабря).

ОТДѢЛЪ I.

А) Высочайшія повелѣнія.

96) *Объ усиленіи личнаго состава и канцелярскихъ средствъ архива справокъ о судимости (№ 972).*

97) *Объ измѣненіи статьи 968 устава уголовнаго судопроизводства.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Статью 968 устава уголовнаго судопроизводства (суд. уст. Императора Александра II, изд. 1883 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Время, проведенное по вступленіи приговора въ законную силу подъ стражею лицами, присужденными къ каторжнымъ работамъ, или къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, въ крѣпости, въ тюрьмѣ или подъ арестомъ, засчитывается въ срокъ заключенія. Если приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, то ему засчитывается въ срокъ заключенія и время, проведенное подъ стражею послѣ провозглашенія приговора. Лицамъ, не состоявшимъ подъ предварительнымъ арестомъ, срокъ заключенія считается со дня задержанія ихъ для исполненія приговора, а бѣжавшихъ изъ подъ стражи до отбытія опредѣленнаго имъ судомъ наказанія, срокъ заключенія исчисляется со дня новаго задержанія ихъ для исполненія приговора.

II. Статью 312 уложенія о наказаніяхъ изд. 1885 г. изложить слѣдующимъ образомъ:

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1888 г.

Если кто изъ заключенныхъ или находящихся подъ стражею бѣжить до окончанія надъ нимъ слѣдствія и суда, или до исполненія приговора, или же, буде онъ подвергается сему заключенію по прежнему уже послѣдовавшему о немъ рѣшенію за какое либо преступленіе или проступокъ, прежде опредѣленнаго оному срока, и при томъ употребить для побѣга какое либо противъ стражи насиліе, то за сіе онъ подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по пятой степени 31 статьи сего уложенія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленіе, по которому виновный содержался подъ стражею, онъ долженъ подлежать другому болѣе тяжкому наказанію, приговоръ о немъ постановляется

по правиламъ о совокупности преступленій (ст. 152).

III. Статью 249 устава о содержащихся подъ стражею (свод. зак. т. XIV) изд. 1886 г. изложить слѣдующимъ образомъ:

Если кто изъ заключенныхъ въ наказаніе за преступленіе или проступокъ, до истеченія опредѣленнаго ему срока, бѣжить, хотя и безъ всякаго противъ стражи насилія, то, по поимкѣ, независимо отъ мѣръ взысканія, означенныхъ въ статьѣ 233, срокъ заключенія исчисляется ему вновь, въ общемъ порядкѣ исполненія приговоровъ (ст. 968 уст. угол. судопр.), со дня новаго задержанія для исполненія приговора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 10 ноября Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 973).

88) *Объ усиленіи канцелярскихъ средствъ созѣда мировыхъ судей Бѣлостоко-Сокольскаго округа, Гродненской губерніи (№ 982).*

89) *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ избранія мировыхъ судей и засѣдателей окружныхъ оекъ въ области войска Донскаго.*

Въ комитетѣ министровъ слушана записка военнаго министра о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ избранія мировыхъ судей и засѣдателей окружныхъ оекъ въ области войска Донскаго.

Не встрѣчая препятствій къ осуществленію настоящихъ предположеній военнаго министра, комитетъ полагалъ:

Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденныхъ Его Императорскимъ Величествомъ, по положенію комитета министровъ 11 мая 1883 г., временныхъ правилъ о порядкѣ избранія мировыхъ судей и засѣдателей окружныхъ опекъ и составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей въ области войска Донскаго и приложенной къ этимъ правиламъ вѣдомости числа гласныхъ, избираемыхъ въ окружныя избирательныя собранія, постановить:

1) На временныя окружныя избирательныя собранія возлагается и опредѣленіе числа и границъ мировыхъ участковъ.

2) Списки лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи по Черкасскому, Ростовскому и Таганрогскому округамъ, составляются при участіи полиціймейстеровъ городовъ Новочеркасска, Ростова и Таганрога.

3) Въ составъ окружныхъ избирательныхъ собраній Ростовскаго и Таганрогскаго округовъ входятъ гласные отъ городовъ.

4) Выборъ гласныхъ отъ городовъ въ Ростовскомъ и Таганрогскомъ округахъ производится на городскихъ избирательныхъ сѣздахъ.

5) Къ городскимъ избирательнымъ сѣздамъ примѣняются правила, изложенныя въ статьяхъ 28 и 29 полож. о земск. учр. (изд. 1886 г.).

и 6) Число гласныхъ, избираемыхъ въ окружныя избирательныя собранія по округамъ Черкасскому, Ростовскому и Таганрогскому опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Число гласныхъ по сословіямъ:

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	отъ земле- владельцевъ.	отъ городовъ.	отъ торго- выхъ сослов.	отъ станич- ныхъ общ.	отъ крестьян- скихъ обществъ.	Общее число.
Черкасскій	10	—	2	14	2	28
Ростовскій	21	17	2	2	11	53
Таганрогскій	20	8	2	2	24	56

Государь Императоръ, въ 19 день ноября 1887 г., положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ (№ 984).

100) *Объ измѣненіяхъ въ штатахъ судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ Императора Александра II.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ Высочайше утвержденныхъ временныхъ штатахъ судебныхъ установленій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ Императора Александра Второго, сдѣлать слѣдующія измѣненія и дополненія: 1) упразднить: а) одну должность товарища предсѣдателя и одну должность секретаря въ Гродненскомъ окружномъ судѣ; б) одну должность члена въ Симбирскомъ окружномъ судѣ; в) по одной должности секретаря при прокурорахъ Московской, Харьковской и Казанской судебныхъ палатъ; 2) добавить: а) одну должность члена въ Виленской судебной палатѣ; б) двѣ должности членовъ и одну должность помощника секретаря въ Гродненскомъ окружномъ судѣ, и в) по одной должности помощника секретаря при прокурорахъ Московской, Харьковской и Казанской судебныхъ палатъ, съ годовымъ окладомъ содержанія въ *восемьсотъ* рублей (въ томъ числѣ 400 руб. жалованья, 200 руб. столовыхъ и 200 руб. квартирныхъ денегъ) и съ присвоеніемъ ей IX класса по чинопроизводству, IX разряда по мундиру и VIII разряда по пенсіи; 3) назначить на усиленіе канцеляріи прокурора Кіевскаго окружнаго суда по *пятисотъ* рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была обращена на вознагражденіе лица, которое будетъ опредѣлено въ помощь секретарю, состоящему при означенномъ прокурорѣ.

II. Предоставить министру юстиціи упомянутыя въ статьѣ I измѣненія штатовъ привести въ дѣйствіе въ сроки по его усмотрѣнію, съ такимъ расчетомъ, чтобы добавляемыя новыя должности замѣщались не прежде освобожденія назначенныхъ на содержаніе ихъ суммъ изъ кредитовъ, ассигнованныхъ по упраздняемымъ должностямъ.

III. На покрытіе расхода, вызываемаго мѣрами, означенными въ пунктахъ 2 и 3 статьи I настоящаго узаконенія, въ размѣрѣ *одиннадцати тысячъ четырехсотъ* рублей, обратить равную сумму, имѣющую освободиться отъ упраздненія должностей, означенныхъ въ пунктѣ 1 той же статьи.

IV. Лицъ, занимающихъ упраздняемыя должности (ст. 1 п. 1), если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на

общемъ основаніи, съ отнесеніемъ расхода на выдачу заштатнаго жалованья на остатки отъ кредитовъ, вносимыхъ въ расходныя смѣты министерства юстиціи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 8 ноября Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 987).

В) Распоряженія правительства.

Министра юстиціи.

№ 3) *Объ утвержденіи правилъ счетоводства по эмеритальному капиталу министерства юстиціи.*

На основаніи ст. 90 устава эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи, министромъ юстиціи, по соглашенію съ управляющимъ министерствомъ финансовъ, утверждены правила счетоводства по эмеритальному капиталу министерства юстиціи, съ тѣмъ, чтобы таковыя были введены въ дѣйствіе съ 1 января 1888 года.

Означенныя правила министр юстиціи, 10 ноября 1887 года, предложилъ правительствующему сенату (№ 932).

ПРАВИЛА СЧЕТОВОДСТВА

ПО ЭМЕРИТАЛЬНОМУ КАПИТАЛУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ,

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Общія постановленія.

1. Денежныя средства эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи принадлежатъ къ спеціальнымъ средствамъ онаго и носятъ названіе *эмеритальнаго капитала министерства юстиціи*.

2. Суммы эмеритальнаго капитала хранятся: а) процентныя бумаги—въ государственномъ банкѣ и б) наличныя деньги—въ государственномъ банкѣ и (частью) въ главномъ казначействѣ.

Примѣчаніе. Впредь до передачи принадлежащихъ къ эмеритальному капиталу процентныхъ бумагъ въ государственный банкъ,

таковыя хранятся въ главномъ казначействѣ по правиламъ, для спеціальныхъ средствъ установленнымъ.

3. Общее наблюденіе за оборотами суммъ эмеритальнаго капитала и счетоводство по оному сосредоточиваются въ управленіи кассы. Главное казначейство ведетъ по суммамъ эмеритальной кассы счетоводство по правиламъ, установленнымъ для спеціальныхъ средствъ, а казенныя палаты, губернскія и уѣздныя казначейства— по правиламъ, установленнымъ для расчетовъ съ посторонними капиталами. Въ государственномъ банкѣ по эмеритальному капиталу открыть процентный текущій счетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Объ оборотахъ эмеритальнаго капитала въ кассахъ министерства финансовъ.

А. Обороты по приходу.

4. Приходъ эмеритальнаго капитала по кассамъ министерства финансовъ образуется изъ слѣдующихъ поступленій:

а) 4% вычетовъ изъ содержанія участниковъ кассы (ст. 6 и 9 устава кассы);

б) такихъ же вычетовъ изъ вознагражденія, получаемого судебными приставами (ст. 10 устава),

и в) случайныхъ поступленій, каковы: взысканіе эмеритальныхъ вычетовъ, своевременно неудержанныхъ съ участниковъ кассы; взносы кандидатовъ на судебныя должности по 7 ст. устава; добровольныя пожертвованія въ пользу кассы и т. п.

5. Слѣдующія къ поступленію въ эмеритальный капиталъ суммы принимаются всѣми кассами министерства финансовъ и переводятся, по распоряженію казенныхъ палатъ, на главное казначейство.

6. Согласно 72 ст. устава кассы, 4% вычетъ изъ содержанія участниковъ, получающихъ такое по смѣтѣ министерства юстиціи, отчисляется валовою суммою за весь предстоящій смѣтный годъ при составленіи годовыхъ кассовыхъ росписаній и оставляется на главномъ казначействѣ, а за симъ, по утвержденіи государственной росписи, перечисляется въ эмеритальный капиталъ по ассигновкѣ департамента министерства юстиціи.

7. Вся сумма годового 4% вычета изъ содержанія участниковъ кассы, получающихъ оное изъ суммъ губернскаго земскаго сбора въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской и Ставропольской, а также въ Туркестанскомъ краѣ (73 ст. уст. кассы), перечисляется губернскими казначействами, въ началѣ января каждого года, въ общіе государственные доходы за главное казначейство по ассигновкамъ казенныхъ палатъ. Квитанціи на перечисленные суммы губернскія казначейства отсылаютъ въ главное казначейство не позже, какъ на *четвертый* день по полученіи ассигновки.

Примѣчаніе. Для составленія ассигновокъ управленіе кассы къ 1 января каждого года доставляетъ казеннымъ палатамъ, въ двухъ экземплярахъ, расчетные листы по формѣ № 1 о количествѣ означеннаго вычета. Одинъ экземпляръ листа передается казенными палатами, какъ оправдательный документъ ассигновки, въ контрольныя палаты, а другой—отсылается одновременно съ ассигновками въ губернскія казначейства, которыя обязаны отослать этотъ экземпляръ въ главное казначейство вмѣстѣ съ упомянутою квитанціею.

8. Главное казначейство, перечисливъ показанную въ квитанціи сумму въ эмеритальный капиталъ изъ фонда государственныхъ доходовъ по счету суммъ, полученныхъ за него другими кассами, отсылаетъ расчетный листъ также не позже, какъ на *четвертый* день по полученіи, въ управленіе кассы вмѣстѣ съ своею квитанціею о зачисленіи денегъ въ эмеритальный капиталъ.

9. При учрежденіи въ теченіи года новыхъ должностей 4% эмеритальный вычетъ удерживается изъ кредита, назначеннаго на ихъ содержаніе, за остальную часть года впередъ:

а) если кредитъ открытъ по смѣтѣ министерства юстиціи—порядкомъ, указаннымъ въ ст. 6 правилъ;

б) если содержаніе должности отнесено на земскіе сборы въ мѣстностяхъ, упомянутыхъ въ ст. 7 правилъ, — по ассигновкѣ казенной палаты; причемъ удержанные деньги обращаются въ доходъ эмеритальной кассы порядкомъ, указаннымъ въ ст. 11—13 правилъ.

10. Вычеты изъ содержанія участниковъ, получающихъ оное изъ источниковъ, не упомянутыхъ въ ст. 6 и 7, а равно и всякія

другія поступленія въ эмеритальный капиталъ принимаются кассами министерства финансовъ не иначе, какъ при вѣдомостяхъ, составленныхъ управленіемъ кассы по формѣ № 2, или при объявленіяхъ, написанныхъ по формѣ № 3. Вѣдомости и объявленія доставляются въ казначейства въ двухъ экземплярахъ.

Примѣчаніе. Въ пріемѣ денегъ, внесенныхъ наличностью, кассы министерства финансовъ выдаютъ плательщикамъ и распорядительнымъ управленіямъ квитанціи, талоны которыхъ никому не посылаются.

11. Поступившія по ст. 9 и 10 правилъ суммы записываются губернскими и уѣздными казначействами въ суммы государственнаго казначейства по расчету съ посторонними капиталами и документы отправляются въ казенныя палаты въ сроки, установленныя 283 ст. инстр. казнач., т. е. 11 и 21 числа отчетнаго и 1 числа слѣдующаго за отчетнымъ мѣсяцемъ.

12. На основаніи полученныхъ отъ казначействъ документовъ (ст. 11), казенныя палаты, по истеченіи мѣсяца, составляютъ вѣдомости о суммахъ, поступившихъ въ подвѣдомственные имъ казначейства за счетъ эмеритальнаго капитала министерства юстиціи, и эти вѣдомости отсылаютъ въ главное казначейство, съ приложеніемъ по одному экземпляру всѣхъ расчетныхъ листовъ, приходныхъ вѣдомостей и объявленій; вторые же экземпляры этихъ документовъ передаются въ контрольныя палаты.

Примѣчаніе 1. Въ вѣдомостяхъ слѣдуетъ обозначать, сколько поступило (ст. 9 и 10) въ теченіи минувшаго мѣсяца денегъ по каждому казначейству отдѣльно, а въ концѣ вѣдомости долженъ быть подведенъ итогъ.

Примѣчаніе 2. Въ означенныя вѣдомости ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ заносить вычеты, удержанные по ст. 7 правилъ и перечисляемые главнымъ казначействомъ въ эмеритальный капиталъ по квитанціямъ губернскихъ казначействъ.

13. Главное казначейство перечисляетъ показанныя въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ суммы изъ фонда государственныхъ доходовъ въ эмеритальный капиталъ и доставляетъ управленію кассы 1 и 16 числа каждаго мѣсяца вѣдомости о всѣхъ перечисленныхъ такимъ образомъ за истекшій полумѣсяцъ суммахъ, съ приложеніемъ полученныхъ отъ казенныхъ палатъ расчетныхъ листовъ и объявленій.

14. Удержаніе денегъ въ эмеритальный капиталъ по ст. 74

устава кассы производится казначействами, съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ ст. 74 и 75 устава, а также общихъ правилъ о вычетахъ изъ содержанія и пенсій, на основаніи вѣдомостей (форма № 2), доставленныхъ управленіемъ кассы, въ двухъ экземплярахъ: непосредственно въ казначейства—если взысканіе обращено на пенсію или на содержаніе, лично получаемое участникомъ кассы изъ казначейства, или въ подлежащее распорядительное управленіе, если вычетъ слѣдуетъ производить изъ содержанія, отпускаемаго по требованію сего управленія. Въ послѣднемъ случаѣ распорядительное управленіе доставляетъ вѣдомости въ казначейства при требованіи содержанія. Съ вѣдомостями и удержанными деньгами учрежденія министерства финансовъ поступаютъ, какъ объяснено въ ст. 11—13.

15. Главное казначейство принимаетъ съ почты адресованные на имя кассы денежные пакеты и, по зачисленіи заключающихся въ нихъ денегъ въ эмеритальный капиталъ, поступаетъ съ документами, какъ указано въ ст. 13.

Б. Обороты по расходу.

16. Передача главнымъ казначействомъ эмеритальныхъ денегъ въ государственный банкъ, на текущій счетъ эмеритальной кассы, а также перечисленіе эмеритальныхъ суммъ въ государственные доходы, для производства расходовъ за счетъ кассы, дѣлаются по ассигновкамъ департамента министерства юстиціи, при составленіи которыхъ департаментъ руководствуется общими правилами счетоводства для распорядительныхъ управленій. Суммы эмеритального капитала по прямымъ ассигновкамъ вовсе не выдаются.

17. Пенсіи, пособія и слѣдующія къ возврату изъ эмеритального капитала суммы ассигнуются департаментомъ государственнаго казначейства на основаніи доставленныхъ управленіемъ кассы именныхъ списковъ и производятся изъ государственнаго казначейства, а именно—изъ кредита, отпускаемаго сему департаменту на расходы за счетъ постороннихъ источниковъ.

18. Къ 15 числу декабря cadaго года управленіе кассы отсылаетъ въ департаментъ государственнаго казначейства по два экземпляра—отдѣльныхъ для главнаго казначейства и каждой изъ казенныхъ палатъ—*иодовыхъ списковъ пенсіонеровъ*, которымъ слѣдуетъ продолжать производство пенсій изъ кассы въ слѣдующемъ году (форма № 4), и общій сводъ пенсіонеровъ для департамента.

Примѣчаніе. Неполученіе кассами министерства финансовъ списковъ не служитъ препятствіемъ къ своевременной выдачѣ пенсіонерамъ расчетныхъ листовъ и къ производству имъ пенсій.

19. Суммы, слѣдующія къ уплатѣ пенсіонерамъ, внесеннымъ въ годовые списки, перечисляются изъ эмеритальнаго капитала въ государственный доходъ три раза въ годъ: 1 января, 1 мая и 1 сентября—равными частями.

20. О новыхъ пенсіонерахъ управленіе кассы составляетъ, въ двухъ экземплярахъ, *дополнительные списки* по формѣ № 5 и отсылаетъ ихъ въ главное казначейство, вмѣстѣ съ препроводительными отношеніями на имя департамента государственнаго казначейства. По полученіи ассигновки на перечисленіе изъ эмеритальнаго капитала въ государственный доходъ суммы, потребной на производство тѣхъ пенсій въ теченіи остальной части года, главное казначейство, сдѣлавъ на препроводительныхъ отношеніяхъ надпись о времени перечисленія денегъ въ государственный доходъ, отсылаетъ отношенія и списки въ департаментъ государственнаго казначейства, для распоряженія о производствѣ пенсій.

Примѣчаніе. Пенсіи, назначенныя послѣ 15 декабря, рассчитываются къ производству и на весь слѣдующій годъ.

21. Для ассигнованія пособій и выдачъ, причитающихся къ возврату изъ эмеритальнаго капитала, управленіе доставляетъ департаменту государственнаго казначейства особые списки (форма № 6) и перечисляетъ деньги изъ эмеритальнаго капитала порядкомъ, указаннымъ въ ст. 20.

22. Главное казначейство высылаетъ управленію кассы квитанціи въ перечисленіи въ доходъ казны денегъ, упомянутыхъ въ ст. 19—21.

23. Выдача пенсій и переводъ оныхъ изъ одного казначейства въ другое производится на общихъ основаніяхъ, съ примѣненіемъ условій, изложенныхъ въ ст. 24 и 25 настоящихъ правилъ.

24. При выдачѣ пенсій соблюдаются слѣдующія правила:

1) въ случаѣ поступленія несовершеннолѣтняго пенсіонера въ учебное заведеніе на счетъ казны, обществъ, учрежденій, сословій или постороннихъ лицъ, казначейство передаетъ, согласно ст. 41 устава кассы, пенсію начальству заведенія, не ожидая распоряженій о семъ казенной палаты или управленія кассы;

и) если отъ прекращенія пенсій дѣтамъ размѣръ пенсіи не уменьшается (уст. ст. 46), то казначейство дѣлитъ назначенную

пенсію между оставшимися дѣтьми собственною властью, не ожидая распоряженія казенной палаты или управленія кассы;

3) если пенсіонеръ не явится за полученіемъ пенсіи въ теченіи двухъ лѣтъ, то вся сумма причитавшейся ему пенсіи исключается изъ отпуска и пенсія возобновляется не иначе, какъ по назначеніи ея вновь комитетомъ кассы.

25. При переводѣ пенсій соблюдаются слѣдующія правила:

1) при каждомъ переводѣ пенсіи изъ вѣдомства одной казенной палаты въ вѣдомство другой сообщается палатою въ управленіе кассы копія пенсіоннаго листа, въ которомъ непременно должны быть обозначены: предписаніе, коимъ ассигнована пенсія, званіе, имя и фамилія пенсіонера, окладъ пенсіи, время, за которое она выдана, казначество и казенная палата, куда пенсія переведена, и количество денегъ, слѣдующихъ къ отпуску въ текущемъ году;

2) въ случаѣ, если пенсіи, переведенныя въ концѣ года, управленіемъ кассы будутъ назначены на слѣдующій годъ къ производству по вѣдомству прежнихъ палатъ, эти послѣднія, а равно и главное казначейство обязаны, не ожидая заявленія пенсіонеровъ, послать въ дополненіе къ пенсіонному листу увѣдомленіе по формѣ № 7.

В. Объ отчетности главнаго казначейства и казенныхъ палатъ предъ эмеритальною кассою.

26. Главное казначейство и казенныя палаты доставляютъ въ управленіе кассы, не позже 1 ноября, вѣдомости о выбывшихъ пенсіонерахъ за время съ 1 октября по 1 октября, съ обозначеніемъ званія, имени и фамиліи пенсіонера, оклада пенсіи и причины исключенія пенсіи изъ расхода. Въ эти вѣдомости не вносятся пенсіонеры, пенсіи коихъ переведены на другія кассы. Въ случаѣ, когда изъ числа пенсіонеровъ ни одинъ не убудетъ, казенныя палаты и объ этомъ обстоятельстве увѣдомляютъ управленіе.

27. По окончаніи года, губернскія и уѣздныя казначейства исключаютъ изъ назначенія къ отпуску такія суммы, которыя, за окончательнымъ прекращеніемъ производства пенсій по одному изъ случаевъ, указанныхъ въ 44 и 45 ст. устава кассы, или же за нетребованіемъ болѣе двухъ лѣтъ, подлежатъ возврату кассѣ, и не позже 1 февраля увѣдомляютъ объ этомъ казенныя палаты; вмѣстѣ съ тѣмъ, казначейства доставляютъ палатамъ необходимыя для

заполненія 8—13 графъ годоваго списка свѣдѣнія о всѣхъ эмеритальныхъ пенсіонерахъ за минувшій годъ.

28. Казенныя палаты, дополнивъ годовые списки за минувшій годъ всѣми вновь ассигнованными и переведенными въ теченіи того года пенсіями, вносятъ въ графы 8—13 этихъ списковъ свѣдѣнія, полученныя ими отъ казначействъ (палаты обязаны проверить эти свѣдѣнія), и одинъ экземпляръ списка оставляютъ у себя, а другой отсылаютъ, не позже 1 марта, въ главное казначейство, при увѣдомленіи, въ которомъ должно быть объяснено, сколько всего исключено по вѣдомству палаты денегъ для возврата кассѣ.

29. Показанныя въ увѣдомленіяхъ казенныхъ палатъ (ст. 28) суммы главное казначейство перечисляетъ изъ кредита смѣты департамента государственнаго казначейства на расходы за счетъ постороннихъ источниковъ—въ эмеритальный капиталъ министерства юстиціи и отсылаетъ списки въ управленіе кассы порядкомъ, указаннымъ въ 13 ст. настоящихъ правилъ, а увѣдомленія палатъ оставляетъ у себя, какъ оправдательные документы перечисленія.

30. Изложенный въ ст. 28 и 29 порядокъ отчетности и возврата денегъ эмеритальной кассѣ примѣняется и къ пенсіямъ, производящимся по главному казначейству, которое доставляетъ отчетные годовые списки непосредственно въ управленіе кассы.

31. При помѣщеніи отчетныхъ свѣдѣній въ годовые списки соблюдаются слѣдующія правила:

1) пенсіи, исключенныя по счетамъ одной казенной палаты за переводомъ на другую палату, показываются этою послѣднею по годовому отчетному списку того года, въ которомъ была исключена сумма и отосланъ пенсіонный листъ о переводѣ, хотя бы этотъ листъ былъ полученъ въ слѣдующемъ году;

2) объ исключеніи дѣтей изъ числа пенсіонеровъ дѣлается отмѣтка въ списокъ во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ, хотя бы таковое исключеніе не влекло за собою даже уменьшенія размѣра назначенной семейству пенсіи (ст. 46 уст.);

3) всѣ пенсіонеры, пенсіи коимъ въ отчетномъ году вновь назначены или переведены изъ другихъ казенныхъ палатъ, показываются и въ томъ случаѣ, если пенсіи вовсе не выдавались.

32. О времени отпуска единовременныхъ пособій и денегъ, назначенныхъ къ возврату на основаніи особыхъ списковъ, главное казначейство и казенныя палаты увѣдомляютъ управленіе кассы. (№ 932).

К4) *Объ учрежденіи въ Осинскомъ уѣздѣ одной должности добавочнаго мирового судьи (№ 975).*

К5) *О назначеніи на 1888 г. издаваемыхъ на иностранныхъ языкахъ газетъ для припечатанія публикацій о вызовѣ къ суду и о заочныхъ рѣшеніяхъ (№ 976).*

ОТДѢЛЪ П.

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

НАЗНАЧАЮТСЯ: членъ лужскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Гончаровъ—членомъ курскаго окружнаго суда; участковый мировой судья кievскаго округа, коллежскій ассесоръ Пашкевичъ — членомъ кievскаго окружнаго суда; участковый мировой судья виленскаго округа, надворный совѣтникъ Блшшевъ—членомъ гродненскаго окружнаго суда; прокуроръ кievскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Медвѣтъ—товарищемъ прокурора кievской судебной палаты; товарищъ предсѣдателя нижегородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Насакинъ—членомъ виленской судебной палаты; товарищъ предсѣдателя стародубскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Шугуровъ—членомъ кievской судебной палаты; предсѣдатель олонекской палаты уголовного и гражданскаго суда, статскій совѣтникъ Ворцовъ—товарищемъ предсѣдателя стародубскаго окружнаго суда; членъ екатериндарскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Михинъ—членомъ самарскаго окружнаго суда; исправляющій должность старшаго нотаріуса нижегородскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Петровский—членомъ ярославскаго окружнаго суда; исправляющій должность старшаго нотаріуса каменецъ-подольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Вулдескулъ—членомъ кievскаго окружнаго суда; участковый мировой судья полоцкаго округа, Витебской губерніи, коллежскій ассесоръ Людвигъ—членомъ курскаго окружнаго суда; участковый мировой судья муромскаго округа, Владимірской губерніи, титулярный совѣтникъ Толстой — членомъ владимірскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора ковенскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Малевичъ—членомъ ковенскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора кишиневскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Супруненко—членомъ кишиневскаго окружнаго суда; судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ округѣ екатеринбургскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Бодинскій—членомъ екатеринбургскаго окружнаго суда; судебный слѣдова-

тель 1 участка города Тулы, титулярный совѣтникъ Булахъ — членомъ тульского окружнаго суда; судебный слѣдователь алексинскаго уѣзда, округа тульского окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Звѣревъ — членомъ саратовскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора харьковской судебной палаты, статскій совѣтникъ Денисьевъ — товарищемъ прокурора казанской судебной палаты.

УВОЛЬНЯЮТСЯ отъ службы: членъ бакинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Богдановъ — согласно прошенію; предсѣдатель бакинскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лисовскій — согласно прошенію и за болѣзнію, съ правомъ ношенія въ отставку мундира, должности предсѣдателя окружнаго суда присвоеннаго.

УМЕРШІЙ исключается изъ списковъ: членъ вятскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Аленицынъ.

ПРАВДА ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРОЦЕССѢ.

(Изъ теоріи гражданского процесса ¹⁾).

По господствующему учению различаютъ двѣ сферы правъ: частно-гражданскія и публичныя права. Первыя выражаютъ непосредственно интересы отдѣльнаго лица, вторыя—интересы всего общества. Оба вида снабжены свойствомъ принудительнаго осуществленія въ жизни, путемъ примѣненія судебныхъ средствъ. Искъ по гражданскимъ правамъ будетъ искъ частный (*actio privata*), по публичнымъ правамъ—искъ публичный (*actio publica*).

Осуществленіе притязаній частно-правового характера непосредственно не интересуется все общество. Поэтому предъявленіе или непредъявленіе частнаго иска зависитъ отъ уполномоченныхъ субъектовъ, тогда какъ публично-правовыя (напр. уголовныя) притязанія должны быть осуществляемы публичными органами всегда (*ex officio*), когда наступаютъ условія этого осуществленія, безъ вниманія къ интересамъ напр. потерпѣвшаго отъ преступленія лица ²⁾. Такое свободное отношеніе къ своему частному праву судебная сторона сохраняетъ и въ продолженіи самаго процесса. Такъ, гражданскій приговоръ можетъ быть основанъ на признаніи пра-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ императорскомъ варшавскомъ университетѣ 4 сентября 1887 г.

²⁾ См. *Menger*, *System d. oesterr. Civilprocessrechts*, В. I, 1876, р. 12—19.
ж. гр. и уг. пр. кн. 1 1888 г.

вого притязанія, на фактахъ, признанныхъ противной стороной, какъ бы ни противорѣчило это признание истинѣ ¹⁾). Что же касается публичнаго притязанія, то напр. не только само преслѣдованіе уголовное независимо отъ произвола частныхъ лицъ, независимы отъ него и фактическія основы уголовного приговора. Такъ, признание стороны вопреки правды не принимается, оставляется безъ вниманія согласіе сторонъ на какіе либо факты, могущіе лечь въ основу приговора и т. д. ²⁾).

Такой отличительный признакъ частно-гражданскихъ притязаній названъ правомъ свободнаго распоряженія (*Dispositionsbefugniss*). Это право открываетъ возможность отказываться въ гражданскомъ процессѣ, въ той или другой мѣрѣ, отъ правовыхъ притязаній и тѣмъ способствовать различію между дѣйствительно установившимся правомъ и правомъ процессуально осуществленнымъ. Невозможность же отказываться отъ правъ, о которыхъ идетъ рѣчь, напр. въ уголовномъ процессѣ, исключаетъ подобное различіе. Однимъ словомъ, можно думать ³⁾, что гражданскій процессъ довольствуется *формальной* правдой, тогда какъ въ уголовномъ процессѣ должна быть добыта *матеріальная* правда, иначе—*историческая* правда, т. е. такая правда, въ которой нуждается историкъ для установленія факта, лежащаго въ прошедшемъ ⁴⁾).

„Установленіе матеріальной правды, говоритъ Вахъ ⁵⁾, не есть цѣль гражданского процесса и не можетъ ею быть. Оно можетъ быть только случайнымъ его результатомъ“.

Съ такимъ взглядомъ согласиться никоимъ образомъ нельзя. Есть только одна правда, правда—матеріальная, которая со-

¹⁾ Iohn, Strafprocessordnung, Bd. I. 1884, p. 13, 14.

²⁾ Glaser, Handbuch des Strafprocesses, 1883, p. 35

³⁾ См. напр. Zachariae, Handbuch des Strafprocesses, 1860, I p. 39; Wach, Vorträge über d. Reichs—Civilprocessordn. 1879, p. 148 и въ Archiv f. d. civ. Praxis 64 p. 204 п. 3.

⁴⁾ Iohn, Das deutsche Strafprozessrecht изъ 3 Aufl. d. v. Holtzend. Encyclopädie, 1880, p. 5.

⁵⁾ Wach, Vorträge, p. 149.

стоитъ въ согласіи представленія съ дѣйствительностью ¹⁾). Такъ назыв. формальная или юридическая правда не есть правда, а есть простая фикція, т. е. положеніе, принятое лишь по повелѣнію положительнаго закона. Общее же назначеніе гражданскаго процесса, какъ и всякаго другаго процесса—достигнуть рѣшенія, согласнаго съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Въ силу этого, по общему началу, и гражданскій процессъ долженъ стремиться къ матеріальной правдѣ. Возьмемъ самый обыкновенный случай гражданскаго спора. Стороны предъявляютъ къ суду требованіе на получение всего слѣдуемаго имъ по праву, безъ всякихъ ограничительныхъ оговорокъ, т. е. требуютъ судебного осуществленія своего права такимъ, какимъ оно въ дѣйствительности есть ²⁾). Несомнѣнною, цѣлью процесса въ этихъ случаяхъ можетъ быть только распознаніе того, что „истинно“, а не того, что только „формально истинно“ ³⁾). Ставя формальный судебный споръ, стороны ожидаютъ рѣшенія, соотвѣтствующаго дѣйствительному положенію дѣла и праву; съ своей стороны и судья, которому предстоитъ дать рѣшеніе согласно своему убѣжденію, можетъ успокоиться опять таки лишь по достиженіи матеріальной правды ⁴⁾). Но выше мы указали на одно существенное различіе гражданскаго процесса отъ уголовнаго, различіе, на которомъ главнымъ образомъ строится ученіе о формальной правдѣ, а именно—на право стороны, вытекающее изъ самаго свойства гражданскаго притязанія, рѣшать, будетъ ли она оспаривать истинность извѣстнаго обстоятельства и, такимъ образомъ, требовать установленія правды, или же признаетъ истинность даннаго факта. Въ первомъ случаѣ установленіе правды, какъ мы видѣли, со-

¹⁾ Canstein, Die rationellen Grundlagen des Civilprozesses, 1877, p. 27.

²⁾ Въ средніе вѣка была даже особая формула, *clausula salutaris*, которою стороны отдавали все дѣло въ руки суда. См. Wetzell, System d. ordentl. Civilprocesses § 43, p. 541 п. 45.

³⁾ Loh n, Strafprocessordn. B. 1, p. 19.

⁴⁾ Canstein, Die rationell. Grundlag p. 11, 29. Но сравни Bähr, Die Grenzen der freien Beweisstheorie вѣ Jahrb. f. Dogm. Bd. 3, p. 394 413.

ставляетъ право и обязанность сторонъ и судьи. Но какъ будетъ во второмъ случаѣ? Съ перваго взгляда тутъ гражданскій процессъ можетъ достигать лишь формальной правды. Но право распоряженія сторонъ въ гражданскомъ процессѣ опредѣляетъ въ существѣ только положеніе сторонъ между собою, тогда какъ процессъ есть отношеніе между сторонами и судомъ ¹⁾. Для положенія же судьи право отказа отъ предмета притязанія или признаніе его, само по себѣ, не имѣетъ особеннаго значенія ²⁾. Изъ того, что судья обязывается построить приговоръ на признанныхъ сторонами притязаніяхъ и фактахъ вовсе не слѣдуетъ, что онъ принуждается признать истиннымъ то, что противно его убѣжденію. Судью въ гражданскихъ дѣлахъ ограничиваетъ свобода въ распоряженіи сторонами ихъ правами, что касается предмета изслѣдованія и рѣшенія. Поэтому и въ этихъ случаяхъ неосновательно говорить о формальной правдѣ ³⁾.

И такъ, и въ гражданскомъ, какъ и въ уголовномъ процессѣ одинаково дѣло идетъ объ установленіи правды ⁴⁾. То обстоятельство, что въ первомъ это происходитъ непосредственно въ интересѣ частномъ, а во второмъ—непосредственно въ интересѣ публичномъ, никакого значенія имѣть не можетъ. Но кромѣ того можно задать себѣ слѣдующій вопросъ: Основательно ли предполагать, что государственное общество вовсе или мало заинтересовано въ исходѣ частно-гражданскаго спора? Поставимъ дѣло такъ: если по отношенію къ уголовному процессу держаться того взгляда, что лучше оправдать 10 виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго, то спрашивается, какъ посмотреть все общество на тотъ фактъ, если гражданскій судъ будетъ ошибаться 9 разъ на десять, т. е. будетъ ставить неправильные по существу приговоры по интересамъ ежедневнымъ, самымъ близкимъ и

¹⁾ Planck, Lehrbuch d. deutschen Civilprozessrechts I B. 1887, p. 201, 203.

²⁾ Canstein, D. rationell, Grundlagen d. Civilprocess. p. 169 п.

³⁾ Iohn, Strafprocessordn. Bd. I, p. 16.

⁴⁾ Сравни Hepp, Anklageschaft Oeffentl. u. Mündl. d. Strafverf. 1842, p. 17.

дорогимъ каждому гражданину? Несомнѣнно, государственная власть непосредственнаго интереса не имѣетъ въ осуществленіи отдѣльнаго конкретнаго гражданскаго права. Но предлагая себя въ услуги по осуществленію этихъ правъ, государственная власть преслѣдуетъ свой личный высокій интересъ публично-правовой природы ¹⁾, а именно — она этимъ устраняетъ другіе пути (напр. самопомощь) къ осуществленію частныхъ интересовъ, лежащихъ въ основѣ гражданскихъ правъ, пути, которые могли бы причинить ущербъ правовому порядку, надъ охраной котораго стоитъ государственная власть ²⁾. Но этого мало. Точное (и быстрое) осуществленіе матеріальнаго (а не одного формальнаго) права имѣетъ еще другое важное значеніе для всего общежитія. Оно приучаетъ уважать законъ и тѣмъ закрѣпляетъ правовой порядокъ — съ другой стороны, во всѣхъ его проявленіяхъ ³⁾. Наконецъ, только такое осуществленіе правъ способствуетъ развитію частно-гражданскаго оборота, который болѣе, чѣмъ другая какая сторона соціальной жизни, требуетъ обезпеченности и устойчивости.

По этому всему нельзя не признать, что публичный правовой порядокъ принялъ бы на себя тяжелый упрекъ, если бы на жалобу стороны, требующей своего права такимъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, былъ бы данъ отвѣтъ, что природа частно-гражданскаго притязанія устраняетъ объективную установку истиннаго положенія дѣла.

Однимъ изъ нежелательныхъ, для всего общежитія, результатовъ такого отношенія суда было бы развитіе сутяжничества, всегда поощряемаго признаніемъ и укрѣпленіемъ формальнаго, а не матеріальнаго права.

Воззрѣніе о формальной правдѣ, достигаемой будто бы гражданскимъ процессомъ, находитъ свое обоснованіе въ самой формѣ гражданскаго судопроизводства.

¹⁾ B a l o w въ Archiv für die Civilist. Praxis Bd. 64, p. 12, 13.

²⁾ S c h u l t z e, Privatrecht und Process in ihrer Wechselbeziehung, 1883, p. 82.

³⁾ См. B a r, Becht und Beweis im Civilprocesse, 1867, § 18.

Какъ извѣстно, существуетъ два типа процесса: состязательный и слѣдственный. Производство характеризуется тѣмъ или другимъ названіемъ, смотря по положенію, какое занимаетъ судья при раскрытіи правды.

Главнѣйшіе признаки состязательнаго процесса заключаются въ слѣдующемъ: имѣющій право на искъ можетъ, по своему усмотрѣнію, вчинать его или не вчинать и даже брать назадъ уже вчиненный искъ; судебное рѣшеніе должно покоиться только на данныхъ, приведенныхъ сторонами ¹⁾. Наоборотъ, при слѣдственномъ процессѣ управомоченное къ преслѣдованію государство изслѣдуетъ дѣло, не считаясь съ желаніемъ или нежеланіемъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ; самое собраніе фактическихъ данныхъ нестѣснено никакими формальными правилами ²⁾.

И вотъ весьма распространено воззрѣніе, что слѣдственный процессъ характеризуется стремленіемъ къ матеріальной правдѣ, тогда какъ состязательный имѣетъ задачей установить лишь правду формальную. Но теперь уже многіе ученые покидаютъ такое воззрѣніе. Дѣйствительно, нельзя отождествлять принципъ слѣдственный съ принципомъ матеріальной правды ³⁾. Первый относится ко второму, какъ средство къ цѣли, но можно ли сказать, что это единственное, исключительное средство къ достиженію данной цѣли ⁴⁾? Наоборотъ, строгое проведеніе этого слѣдственнаго начала въ процессѣ признается весьма опаснымъ для правды. Slѣдственный процессъ угрожаетъ ей односторонностью суда при безпомощности и слабости сторонъ ⁵⁾. Съ другой стороны, чисто состязательный процессъ можетъ въ иныхъ дѣлахъ, а именно—

¹⁾ *Nemo iudex sine actore; nemo invitus agere cogatur; iudex ne procedat ex officio; ne eat iudex ultra petita partium; quod non est in actis non est in mundo.* См. Wetzell, System d. ordentl. Civilprocess § 43.

²⁾ Подробности смотри у Glaser, Handbuch des Strafprozesses 1883, p. 27, и слѣд.

³⁾ Zachariae, Gebrechen und Reform d. deutsch. Strafverf. 1846, p. 40, 41; Hepp, Anklageschaft Oeffentlich. u. Mündl. d. Strafverf. 1842, p. 18.

⁴⁾ Planck, Lehrb. d. deutsch. Civilprozessrechts, B. I, 1887, p. 196.

⁵⁾ Glaser, Strafprozess. p. 35.

публичнаго интереса, всегда угрожать матеріальной правдѣ; тоже самое можетъ имѣть мѣсто, какъ это будетъ указано ниже, и въ дѣлахъ частнаго интереса, при извѣстной ихъ обстановкѣ. Поэтому многія современные законодательства, признавая общую форму для всякаго процесса — форму состязательную, обставляютъ ее болѣе или менѣе слѣдственнымъ началомъ, насколько оно дѣлаетъ нахожденіе правды болѣе обеспеченнымъ и твердымъ ¹⁾).

Нѣтъ основанія смотрѣть на слѣдственное и состязательное начало, какъ на взаимно исключаящія формы производства и по этому же основанію строго разграничивать уголовный процессъ отъ гражданскаго, признавая въ первомъ господство исключительно слѣдственного начала, а во второмъ — исключительно состязательнаго ²⁾).

Вопросъ о томъ, какое начало — слѣдственное или состязательное, и въ какомъ объемѣ то или другое — положить въ основу гражданскаго процесса, есть чистый вопросъ политики, а не права ³⁾. На первыхъ порахъ все говоритъ за состязательное начало. Въ гражданскомъ процессѣ стороны преслѣдуютъ свои частные интересы. Въ этомъ уже достаточно побужденія къ предъявленію судебного притязанія въ случаѣ нарушенія правъ, а съ другой стороны, частный характеръ этихъ интересовъ — право свободного распоряженія ими, не допускаетъ вмѣшательства государства со стороны требованія такого осуществленія. Подобное давленіе было бы невыносимой опекой государства надъ частной сферой жизни. Засимъ, нельзя не признать, что по вчиненному уже иску сторонамъ легче чѣмъ судья собрать необходимый матеріалъ, такъ какъ они стоятъ къ обсуждаемымъ отношеніямъ гораздо ближе, чѣмъ судья. А кромѣ того прямой ихъ интересъ заставляетъ

¹⁾ Объ объемѣ состязательнаго начала въ современныхъ судебныхъ уставахъ см. статьи *А. Окольскаго*, Состязательный процессъ въ уставѣ гражд. судопроизводства 20 ноября 1864 г. (въ Журн. гражд. и уголовного права, 1880 г. кн. 1—4).

²⁾ *Claser*, Strafprozess p. 36, 37.

³⁾ *Planck*, Lehrbuch des deutschen Civilprozessrechts B. I. 1887 p. 197.

стороны стараться о собраніи матеріала, основнаго для приговора, въ возможно полномъ видѣ, лишь слѣдуетъ предоставить имъ свободу пользоваться всѣми средствами для раскрытія истины. Правда, тѣже интересы могутъ побуждать стороны къ невѣрной окраскѣ фактовъ, но противъ этого опасенія будетъ противоположность ихъ интересовъ, которая сама по себѣ побуждаетъ къ раскрытію неправды, заключающейся въ утвержденіяхъ противника. Такимъ образомъ судья въ гражданскихъ дѣлахъ можетъ получить вѣрный взглядъ на обсуждаемый вопросъ, если онъ въ началѣ и не самъ собираетъ матеріалъ ¹⁾).

Изъ сказаннаго пока нѣтъ основанія ограничивать состязательное начало въ гражданскомъ процессѣ со стороны раскрытія матеріальной правды. Частный характеръ и непосредственность интересовъ могутъ оправдывать пассивное отношеніе судьи, предъ которымъ дѣйствуютъ стороны (такъ назыв. *Verhandlungsmaxime*) по раскрытію правды, ограничивая роль его, помимо формальнаго руководства, простымъ восполненіемъ, осмотромъ, выясненіемъ ²⁾).

Если же въ гражданскихъ также дѣлахъ частные интересы лицъ не обезпечиваютъ осуществленія правъ и притомъ въ полнотѣ ихъ содержанія, а публичный интересъ требуетъ такого осуществленія, то право распоряженія сторонъ ограничивается, дѣло начинается оффиціально (*ex officio judicis*) и судья освобождается отъ какихъ либо формальныхъ правилъ доказательства. Таковы на Западѣ напр. дѣла о ничтожности брака въ силу публично-правовыхъ основаній, о наложеніи опеки на расточителя, душевно-больнаго и т. д. ³⁾). Въ подобныхъ дѣлахъ раскрытіе правды не можетъ быть довѣрено инициативѣ и дѣятельности сторонъ ⁴⁾). Тѣмъ болѣе чисто публичные иски, какъ-то уголовные, не могутъ быть постав-

¹⁾ Birkmeyer в Zeitschr. f. deutsch. Civilpr., 7 p. 192, 193.

²⁾ Birkmeyer, *ibid.* p. 210, 211.

³⁾ См. Birkmeyer., Das officialverfahren im Civilprozess в Zeitschr für deutsch. Civilprozess, Bd. 7. 1884, p. 154—228, 375—499.

⁴⁾ Wach., Vorträge p. 149.

лены въ зависимость отъ воли частнаго лица ¹⁾), равно какъ и раскрытіе правды въ нихъ мыслимо, по тому же отсутствію непосредственнаго частнаго интереса, только при свободномъ началѣ изслѣдованія органами государственными.

Такимъ образомъ исключительно интересами правосудія, т. е. раскрытія правды, должно объяснить примѣненіе къ однимъ дѣламъ состязательнаго, къ другимъ— слѣдственнаго начала. Но тоже стремленіе къ правдѣ, вопреки господствующему рѣзкому разграниченію гражданскаго и уголовнаго процесса, будетъ противъ строгаго проведенія въ первомъ началѣ невмѣшательства, пассивности судьи.

Всякая правда будетъ субъективною ²⁾), такъ какъ она опредѣляется отношеніемъ дѣйствительности къ представленію. Опредѣляютъ же это представленіе факты, доказанные въ подтвержденіе правъ сторонъ. Доказательства, поэтому, составляютъ, такъ сказать, зерно процесса. И вотъ, послѣдовательное развитіе взгляда на правду въ гражданскомъ процессѣ, въ связи съ состязательнымъ началомъ, выдвигаетъ положеніе: судья судить *secundum allegata et probata partium*, а не *secundum suam conscientiam*. Судья получаетъ весь фактическій матеріалъ процесса отъ сторонъ. Самъ онъ не можетъ ни дополнять фактовъ, ни ввести въ процессъ новыхъ доказательствъ ³⁾). Приговоръ можетъ состоять только въ обсужденіи представленныхъ сторонами утверждений и доказательствъ. Свободное изслѣдованіе дѣла судьей было бы вмѣшательствомъ въ чуждые государству частные интересы ⁴⁾). Но съ этимъ нельзя согласиться. Разъ стороны обращаются къ суду за помощью въ разрѣшеніи вопроса о спорныхъ правахъ и за установленіемъ ихъ согласно дѣйствительности, то судья не только имѣетъ право, но и обязанъ выяснить обстоятельства дѣла въ полнотѣ и правильно, а для этого ему необхо-

¹⁾ Zacharie, Handbuch des d. Strafproz. I, p. 41 п. 2.

²⁾ Wach, Vortraege ueber d. Reichs-Civilpr. p. 48.

³⁾ Wach, ibid. p. 149.

⁴⁾ Zachariae, Handb. d. deutsch. Strafprocesses, 1868 г., Bd. 2 p. 399.

димо дѣлать употребленіе изъ всѣхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ для раскрытія дѣла, хотя бы они и не были указаны ему сторонами. Такъ, не слѣдовало бы отвергать за судьей права вызывать свидѣтелей, которыхъ только назвали, но не предъявили стороны; вытребовать документы, которые находятся въ рукахъ сторонъ или официальнаго мѣста, разъ онъ самъ лично знаетъ объ ихъ существованіи; самому поднимать вопросъ о давности ¹⁾; дѣлать постановленіе, безъ инициативы сторонъ объ осмотрѣ, заключеніи экспертовъ и т. д. ²⁾. Мало того, нельзя отвергать за судьей права идти даже дальше сторонъ по пути къ выясненію дѣла. Такъ, представимъ себѣ, что приводимыя сторонами доказательства не убѣждаютъ судью только потому, что по его личнымъ свѣдѣніямъ другія данныя (напр. документы, свидѣтели въ другомъ процессѣ) доказывали совсѣмъ противное. Неужели въ подобныхъ случаяхъ судья, вопреки своему убѣжденію, долженъ постановить завѣдомо несправедливый приговоръ? ³⁾ Поэтому слѣдуетъ допустить, чтобы въ основу судебного приговора вошло и то, что могло быть самолично судѣй извѣстно изъ фактическаго матеріала разбираемаго дѣла ⁴⁾.

Большая же степень свободы, предоставленной судѣй въ опредѣленіи истинности или неистинности факта, иначе—меньшее ограниченіе его правилами доказательствъ ⁵⁾, составляетъ признакъ стремленія къ матеріальной правдѣ. Какъ извѣстно, въ уголовномъ процессѣ признается за судомъ безграничная свобода въ собираніи и въ оцѣнкѣ доказательствъ. И въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, не слѣдуетъ допускать особенно рѣзкаго различія между уголовнымъ и гражданскимъ процессами.

¹⁾ См. Zink, Ermittl. des Sachverh. p. 354 и слѣд. 358, 361.

²⁾ См. Heusler въ Archiv f. d. civilist. Praxis, 62, p. 256 и слѣд.

³⁾ Ср. ст. 706 уст. гражд. суд.

⁴⁾ См. Heusler, Die Grundlagen d. Beweisrechts въ Archiv f. d. civilist. Praxis, 62 p. 209—319. Тутъ мы не касаемся вопроса о формѣ, въ какой могутъ быть утилизированы самолично судѣй извѣстныя обстоятельства.

⁵⁾ Мы, конечно, не говоримъ о тѣхъ правилахъ, которыми опредѣляются формы пользованія допускаемыми средствами доказательствъ.

Помимо сказаннаго объ отношеніи судьи къ представляемому сторонами матеріалу, и въ литературѣ нерѣдко теперь сознають, что полное развитіе состязательнаго начала не безъ опасности для достиженія матеріально справедливаго приговора, ибо по возможному упущенію или сравнительной безпомощности сторонъ въ употребленіи ими ихъ процессуальныхъ правъ можетъ случиться, что матеріаль, основной для рѣшенія, будетъ представленъ не вполнѣ и неправильно. Находятъ даже средство избѣжать этой опасности, несрывая состязательнаго начала, а именно, въ допущеніи, и даже принужденіи сторонъ принимать для веденія дѣла особыхъ, спеціально подготовленныхъ пособниковъ, т. е. повѣренныхъ ¹⁾. Раздѣляя приведенное опасеніе, нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы раскрытіе правды въ рукахъ лица, посторонняго дѣлу и не отвѣтственнаго за приговоръ было больше обезпечено, чѣмъ простымъ представленіемъ права полного изслѣдованія судьѣ, несущему всякую отвѣтственность за свой приговоръ. Въ этомъ отношеніи поучительно указаніе на германскіе судебные уставы, въ которыхъ изъ подъ теоретической оболочки пробивается болѣе или менѣе сильно жизненная потребность въ матеріальной правдѣ путемъ признанія въ извѣстной степени слѣдственнаго начала.

Такъ, уже въ прусскомъ судебномъ уставѣ 1793 г., рядомъ съ признаніемъ свободы сторонъ въ распоряженіи спорнымъ правомъ, въ тоже время судьѣ предписывалось изслѣдовать и раскрывать истинность фактовъ, положенныхъ въ основу процесса, ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ. Съ этою цѣлью онъ долженъ, прежде всего, обратиться къ сторонамъ, которыхъ законъ, подъ страхомъ наказанія, обязываетъ показывать правду, указывать судьѣ средства, которыя могли бы служить выясненію истинности данныхъ фактовъ. Но судья не былъ связанъ указаніями сторонъ. Законъ вмѣнялъ ему въ обязанность и въ право самому и непосредственно изслѣдовать вопросъ объ основательности проявляю-

¹⁾ P l a n c k, Lehrbuch d. deutsch. Civilprozesses p. 197.

щихся въ процессѣ фактовъ. Онъ былъ обязанъ и имѣлъ право примѣнить и другія, кромѣ указанныхъ сторонами и даже помимо ихъ явнаго желанія, средства раскрытія правды. Однимъ словомъ, судья вмѣнялась широкая официальная дѣятельность, въ гражданскомъ процессѣ, съ цѣлью, по мѣрѣ возможности, достигнуть матеріальнаго, а не одного только формальнаго права ¹⁾.

Въ новомъ германскомъ имперскомъ гражданскомъ процессѣ 1877 г. опять-таки, съ одной стороны, признана свобода распоряженія сторонъ матеріаломъ процесса, но съ другой—судья предоставляется не только общее право на выясненіе дѣла (въ такъ назыв. *Landgericht*) ²⁾, но въ низшихъ судахъ (такъ назыв. *Amtsgericht*) онъ является свѣдущимъ въ правѣ совѣтникомъ сторонъ, предостерегающимъ и охраняющимъ ихъ отъ промаховъ ³⁾, разъясняющимъ неясность не только въ прошеніяхъ и указаніяхъ сторонъ, но и вызывающимъ ихъ на полезныя для дѣла и полныя указанія ⁴⁾.

Въ обоихъ уставахъ отношеніе судьи къ процессу далеко не пассивное. Обширное право его вмѣшательства по прусскому уставу заставляло даже нѣкоторыхъ ученыхъ видѣть въ немъ слѣдственный, а не состязательный процессъ ⁵⁾.

Но мы видели, что, въ принципѣ, свобода распоряженія сторонъ ихъ правомъ этимъ вмѣшательствомъ не отмѣняется, только руководство судьи не ограничивается одною формальною стороною процесса, но распространяется и на матеріальную его сторону болѣе или менѣе широко ⁶⁾. Поэтому нельзя признать абсолютной, исключющей противоположности ме-

¹⁾ См. Puchta, Das Prozessleitungsamt des deutschen Civilrichters, 1836, p. 64, 68, 69, 78, 79. Birkmeyer cit. p. 157, 158.

²⁾ Civilprozessordnung §§ 130, 132—135.

³⁾ Civ. P. Ord. napr. §§ 463, 468.

⁴⁾ C. P. Ord. § 464.

⁵⁾ Goenner, Handbuch d. deutschen gemeinen Prozesses (2 Aufl.), VIII Abh § 10 p. 190; Gaertner, Kritik des Untersuchungs-Principes d. preuss. Civil-Prozesses, 1832.

⁶⁾ Примѣняется такъ назыв. у нѣмцевъ *Instruktionsmaxime*. См. Heinze, Dispositionsprinzip, p. 267.

жду состязательнымъ и слѣдственнымъ началомъ ¹⁾). Изъ указанныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что избѣгая неудобныхъ сторонъ слѣдственного производства, отъ него однако не слѣдуетъ отворачиваться, насколько примѣненіе его въ состязательномъ процессѣ можетъ способствовать раскрытію правды. Допустимость его указываетъ на стремленіе къ этой правдѣ. Судъ долженъ быть правымъ, т. е. осуществлять своимъ приговоромъ матеріальную правду. Даже противники матеріальной правды въ гражданскомъ процессѣ не могли устроить въ себѣ сознанія, что въ концѣ концовъ матеріальную правду должно желать всѣми силами и въ гражданскихъ дѣлахъ ²⁾), т. е. что приговоръ долженъ быть не только формально, но и матеріально справедливымъ, отвѣчающимъ дѣйствительному содержанію отношенія сторонъ ³⁾). Осуществляется эта правда въ процессѣ тѣмъ, что прежде всего стремятся къ установленію фактической обстановки даннаго случая, къ раскрытію историческаго факта, а затѣмъ приводятъ его въ соглашеніе съ предположеніями опредѣленной правовой нормы. Такимъ образомъ въ каждомъ процессѣ разрѣшается двоякая задача по судебному осуществленію правды. Первая—разсмотрѣна, остается сказать о второй задачѣ, представляющей, по своей природѣ, специально юридической задачей.

Стороны въ процессѣ выводятъ свои субъективныя права изъ нормъ объективнаго права. Разъ будутъ раскрыты фактическія обстоятельства дѣла, стороны могутъ требовать примѣненія соотвѣтствующаго закона и, притомъ, въ точномъ его смыслѣ; этимъ они выражаютъ свое ожиданіе правды отъ суда. Существо правосудія заключается въ примѣненіи къ данному случаю соотвѣтствующей ему нормы, въ точномъ ея смыслѣ.

И вотъ, по господствующему ученію, судья обязывается строго придерживаться закона, т. е. при разрѣшеніи случая

¹⁾ Puchta, cit. p. 63.

²⁾ Wach, Vortraege p. 159.

³⁾ Planck. Civilprozessrecht p. 193.

не отступать отъ того смысла, который данъ ему законодателемъ. „Судья лишень права исправлять законъ“; „онъ не можетъ толковать его въ другомъ смыслѣ, котораго онъ не имѣетъ“ ¹⁾). Назовемъ это, пожалуй, „принципомъ пассивнаго отношенія суда къ закону“. Такое отношеніе обыкновенно считается залогомъ правосудія. Но теперь съ этимъ не всегда соглашались, полагая, что такое примѣненіе закона можетъ дать только формальное право. Не касаясь самого содержанія закона, думаютъ, можно отмѣтить такіе случаи, когда ихъ особенности претятъ строгому примѣненію данной нормы. Замѣченное такое явленіе заставляетъ нѣкоторыхъ писателей высказывать такую мысль ²⁾), что справедливое рѣшеніе судебное должно отличаться индивидуализмомъ; „стремленіе же къ индивидуализму подрываетъ обязательное рѣшеніе юридическихъ нормъ“. Судья „одинъ есть непосредственный творецъ гражданско-правоваго порядка“. При этомъ творествѣ онъ не только устраняетъ противорѣчія и пополняетъ пробѣлы закона, но онъ вообще имѣетъ „постоянную тенденцію *измѣнять законъ* въ духѣ его совершенствованія“. Всѣ такіе факторы, какъ „законъ, обычай, наука, общественныя воззрѣнія на справедливость и нравственность—авторитеты, которые неминуемо руководятъ судьей, но которыми онъ *не подчиняется*“.

Общимъ началомъ всѣхъ современныхъ судебныхъ уставовъ, въ томъ числѣ и нашего, не только допускается, но и вмѣняется суду въ обязанность распространительное толкованіе, толкованіе по аналогіи. Но подобное толкованіе должно имѣть мѣсто при неполнотѣ, неясности, недостаткахъ или противорѣчіяхъ закона ³⁾). Изложенное воззрѣніе, очевидно, идетъ далѣе, ставя судью распорядителемъ даже совсѣмъ яснаго закона, т. е. допускаетъ перемѣну,

¹⁾ См. Уставъ гражд. судопр. изд. Боровикова, вып. I, стр. 109, 110.

²⁾ У насъ см. *Муромцевъ* Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ, въ Юридич. Вѣстникѣ 1880 г. № 11, стр. 377—393. Справ. кн. 9 за 1887 г. стр. 117.

³⁾ Ст. 13 уст. угол. судопр. и ст. 10 уст. гражд. судопр.

измѣненіе содержанія закона судебными рѣшеніями. Но послѣдняя функція судьи была бы крайне опасна для правового порядка, требующаго устойчивости и постоянства въ примѣненіи нормъ, къ которымъ всѣ и каждый возводятъ свои субъективныя права. Правовой порядокъ, опредѣляя гражданскую жизнь нормами, долженъ дать увѣренность каждому гражданину, что извѣстныя дѣйствія или факты вызовутъ только опредѣленные правовыя послѣдствія ¹⁾. Тамъ же, гдѣ право можетъ быть создано однимъ судьей для конкретнаго случая и, притомъ, судья опредѣляетъ содержаніе этого конкретнаго положенія субъективнымъ своимъ представленіемъ того, что должно быть правомъ,—тамъ судебныя приговоры необходимо будутъ неустойчивыми и въ концѣ концовъ могутъ сводиться къ личному мнѣнію, произволу ²⁾. Трудно даже исчерпать все зло, которое могло бы произойти отъ такого усмотрѣнія судьи признавать или не признавать право, не смотря на признающій ихъ законъ. Насколько можно рассчитывать на согласіе общества къ подобной правовой жизни, могутъ дать приблизительное указаніе у насъ горькія жалобы на нерѣдкія противорѣчія въ рѣшеніяхъ кассационныхъ и, быть можетъ, сознаніе кассационнаго суда въ основательности такихъ жалобъ, сознаніе, выражающееся въ томъ, что теперь онъ усвоилъ обыкновеніе держаться рѣшенія, разъ имъ положеннаго, не считаясь съ особенностями даннаго дѣла. Общее начало правового порядка то, чтобы къ однороднымъ случаямъ законъ примѣнялся въ одномъ и томъ же смыслѣ. Каждый гражданинъ имѣетъ право рассчитывать на то, что его дѣло будетъ рѣшено также, какъ были до того рѣшаемы подобныя же дѣла ³⁾. И практики наши сознаютъ вредъ отъ отрицательной критики закона и отказываютъ судьямъ въ правѣ руководствоваться при отправленіи своихъ обя-

¹⁾ А. Градовскій въ Журналѣ гражд. и уголовн. права 1873 г. кн. 4 стр. 9.

²⁾ Schultze, Privatrecht und Process in. W. p. 1.0.

³⁾ А. Градовскій въ Журналѣ гражд. и уголовн. права 1874 г. кн. 1 стр. 37.

занностей личными симпатіями и антипатіями къ закону. „Для судьи — существующій законъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непреложная правда. Нѣтъ произвола болѣе вреднаго для общества, чѣмъ произволъ судейскій. Совѣсть личная руководитъ судьей только въ установленіи факта, но отнюдь не въ примѣненіи къ установленному факту закона—совѣсти государственной власти. Судья долженъ крѣпко держаться закона“¹⁾. Законъ долженъ имѣть всеобщую обязательную силу независимо отъ его юридическаго достоинства съ точки зрѣнія кого бы то ни было. Подорвавъ безусловный авторитетъ закона, лишимъ его всякаго значенія²⁾.

Разсматриваемое воззрѣніе имѣетъ, какъ уже указано, ту привлекательную сторону, что оно выходитъ изъ стремленія установить по каждому дѣлу матеріальную правду, въ тоже время признавая, что индивидуальныя его фактическія основы не всегда могутъ вполнѣ соответствовать по существу (а не формально) предположеніямъ закона и такимъ образомъ подведеніе къ нему даннаго закона согласно точному его смыслу, можетъ дать не вполнѣ справедливый приговоръ³⁾. Но если бы это и было такъ, то и для побочных случаевъ мы признаемъ крайне опаснымъ сводить приговоръ къ такому шаткому источнику, какъ личное чувство справедливости и требуемъ, какъ необходимое условіе обезпеченности правъ гражданина, чтобы судебное рѣшеніе было ничѣмъ инымъ, какъ *примѣненіемъ* закона. Дѣйствительно, нельзя допустить, чтобы мнѣніе даже самаго беспристрастнаго и образованнаго юриста могло выражать, вопреки смысла закона, матеріальное право. Последнее не имѣетъ своимъ источникомъ лишь субъективное представленіе одного лица, не можетъ въ немъ находить и свое выраженіе. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы разсматриваемое нежелательное

¹⁾ Боровиковскій, Вступительная лекція къ практическому курсу русск. гражд. права Сиб. 1887 г. стр. 9 и 10.

²⁾ А. Градовскій, О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву, въ Журналѣ гражд. и уголовн. права 1874 г. кн. 1 стр. 62.

³⁾ См. Canstein, D. rationell. Grundlagen d. Civilprozesses p. 44, 45.

явленіе не могло быть устраиваемо инымъ путемъ, чѣмъ нарушеніемъ неотмѣненнаго закона. Мы убѣждены, что свободное активное участіе суда въ раскрытіи обстоятельствъ дѣла, способствуя установкѣ матеріальной, а не формальной, правды, дастъ всегда возможность устранить несоотвѣтствіе условій дѣла съ предположеніями закона, не нанося ущерба точному его смыслу ¹⁾).

Эта же идея объ индивидуализаціи въ судебныхъ приговорахъ заставляетъ многихъ ученыхъ обращать взоры къ суду присяжныхъ.

„Судъ присяжныхъ есть идеаль, къ которому рано или поздно приблизится и гражданскій судъ“ ²⁾).

Извѣстно, что судъ присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ практикуется въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, Канадѣ, Австраліи и въ другихъ англійскихъ колоніяхъ. Кромѣ того, онъ извѣстенъ для опредѣленной категоріи дѣлъ въ Португаліи, въ Швеціи. Въ другихъ странахъ нерѣдко поднимался вопросъ за введеніе суда присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Такъ, во Франціи, начиная съ первой революціи (1790 г.) и кончая новѣйшими временами, часто, но безъ успѣха, ратовали за этотъ судъ ³⁾. Въ Германіи, на съѣздахъ юристовъ, извѣстные ученые поднимали голоса за судъ присяжныхъ, въ особенности въ торговыхъ дѣлахъ ⁴⁾ и въ процессахъ объ убыткахъ ⁵⁾. Сами англійскіе писатели видятъ въ судѣ присяжныхъ залогъ правосудія и много другихъ хорошихъ сторонъ, какъ-то: ознакомленіе, путемъ его, народной массы съ положительнымъ правомъ, выработку въ народѣ чувства законности,

¹⁾ См. Kohler въ Jahrb. f. d. Dogmatik d. h. röm. R. 25 и приводимый имъ примѣръ.

²⁾ Муромцевъ, въ Юрид. Вѣстн. cit. стр. 392.

³⁾ См. R. Berdeau x, Philosophie de la procedure civile 1857 p. 273—277. Специально въ защиту этого суда изъ новѣйшихъ см. напр. Saglier, De l'application du jury en matiere civile. Discours 8 janv. 1870.

⁴⁾ Pfeiffer въ Verhandl. d. deutsch. Juristentages V, 2.

⁵⁾ Bar. Brunner въ Verhandl. d. deutsch. Juristentag. IX, Bd. 2 p. 317—358. См. также Bar, Recht und Beweis im Civilprocesse 1867 § 15 и p. 244, 245.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1888 г.

уваженія и довѣрія къ суду; укрѣпленіе судебной власти по отношенію къ власти исполнительной, и т. д. ¹⁾

Основную идею суда присяжныхъ составляетъ отдѣленіе вопросовъ права отъ вопросовъ факта. Первое предоставляется на разрѣшеніе особому судебскому сословію (*de jure respondent judices*), а только второе—присяжнымъ (*de facto respondent juratores*).

Но теперь нерѣдко сознаютъ, что полного отдѣленія вопроса права отъ вопроса факта въ гражданскихъ дѣлахъ достигнуть невозможно ²⁾. Присяжнымъ ставится вопросъ: слѣдуетъ ли изъ данныхъ обстоятельствъ установленіе истцу спорнаго права? Такимъ образомъ общій вердиктъ будетъ необходимо заключительнымъ выводомъ какъ изъ фактовъ даннаго дѣла, такъ и изъ положительнаго закона, т. е. вмѣстѣ съ фактами подвергаются разсмотрѣнію и разрѣшенію присяжныхъ и всѣ соединенные съ нимъ вопросы права. По самому свойству гражданскихъ дѣлъ почти никогда нельзя отдѣлить вопросъ факта отъ правовыхъ элементовъ. Даже въ такихъ дѣлахъ, какъ владѣльческіе иски и требованія объ убыткахъ, когда фактъ и право отдѣлить всего легче, и въ этихъ случаяхъ приходится весьма часто высказываться о существованіи и характерѣ правонарушенія, рѣшать вопросъ, не пользовался ли нанесшій ущербъ законнымъ своимъ правомъ ³⁾.

Если даже лишить присяжныхъ права общаго приговора, а предоставить имъ установку только отдѣльныхъ спорныхъ фактовъ, ⁴⁾ то и тогда нельзя будетъ устранить рѣшеніе ихъ по многимъ вопросамъ права. Такъ вопросъ факта, купилъ ли А. домъ у Б., можетъ заключать въ себѣ слѣдующіе, напр., вопросы права: были ли контрагенты дѣеспособны, совершали ли они сдѣлку съ серьезнымъ намѣреніемъ, полу-

¹⁾ За всѣхъ см. Blackstone, Commentaries on the laws of England y. 3 p. 379 и слѣд.

²⁾ Наоборотъ, см. Brunner въ Verh. d. IX. d. Juristent. p. 347—349.

³⁾ Garsonnet. Traité de procedure, 1882, 1 p. 80, 81.

⁴⁾ Brunner въ Verhandl. d. IX d. Juristent., Bd. 2, p. 349.

чила ли ихъ воля достаточно опредѣленное выраженіе, соблюдены ли формы, требуемыя для продажи недвижимости ¹⁾).

Отдѣленіе вопросовъ права и факта весьма трудно даже для кассационнаго суда, въ который дѣло поступаетъ уже разработаннымъ и выясненнымъ. Нельзя ссылаться, какъ это дѣлаютъ иногда, на судъ присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ. На вопросы о виновности и обстоятельствахъ для снисхожденія обыкновенно нетрудно дать должный отвѣтъ людямъ добросовѣстнымъ и обладающимъ простымъ здравымъ смысломъ. Далеко не такъ легко, безъ специальной подготовки въ гражданскомъ правѣ, рѣшать соотвѣтствующіе вопросы, въ которыхъ рѣчь идетъ о конструкціи данныхъ отношеній согласно извѣстнымъ правовымъ понятіямъ, чисто объективнымъ, извѣстнымъ предположеніямъ правоваго института ²⁾. Да и въ уголовныхъ дѣлахъ главнѣйшій доводъ поднявшагося возраженія противъ суда присяжныхъ заключается въ томъ, что и тутъ невозможно полное отдѣленіе вопросовъ факта и права ³⁾. Присяжные необходимо дѣлаютъ субсумпцію принятаго ими факта подъ извѣстное понятіе преступленія и на основаніи этого рѣшаютъ вопросъ о виновности.

Общеизвѣстно, что во многихъ случаяхъ для некористовъ правильный анализъ факта съ правовой стороны—весьма нелегкое дѣло ⁴⁾. Въ виду этого измышлялись различные способы разъясненія присяжнымъ права; такъ напр. хотѣли открыть доступъ въ совѣщательную комнату присяжныхъ особому совѣтнику изъ числа членовъ суда ⁵⁾; хотѣли предоста-вить право присяжнымъ обращаться къ суду съ вопросами о правовыхъ положеніяхъ, необходимымъ для вердикта ⁶⁾ и

¹⁾ Westerkamp. Soll die Jury in den deutsch. Civilprozess eingeführt werden въ Verhandl. d. XII deutsch. Juristentag. B. I., p. 106.

²⁾ Bar въ Verhandl. d. IX deutsch. Juristent., Bd. 2, p. 318, 319.

³⁾ Bar., Zur Frage der Geschworenen—und Schöffengerichte. 1873, p. 3. См. Н. Meyer, That und Rechtsfrage im Geschworenengericht, 1860.

⁴⁾ См. примѣры у Bar, cit. p. 13, 14.

⁵⁾ Heinze, Ein deutsches Geschworenengericht, 1863, p. 166 и слѣд.

⁶⁾ Herrmann въ Gerichtssaal 1866 p. 197 и слѣд.

т. д. Въ Англіи предсѣдательствующій судья даетъ самъ наставленіе присяжнымъ въ правѣ (charge), изъ чего состоитъ главная часть производства въ гражданскихъ дѣлахъ. Изъ этого наставленія обыкновенно можно уже предвидѣть рѣшеніе присяжныхъ. Судья какъ бы указываетъ пальцемъ на рѣшеніе, на которомъ должны остановиться присяжные ¹⁾).

Сказанное достаточно выясняетъ ту опасность, которой грозитъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ однообразію рѣшеній, а слѣдовательно и твердому, одинаковому примѣненію положеній права.

Введеніе суда присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ несомнѣнно поведетъ за собой упадокъ настоящей юриспруденціи. Защитники такого суда, хотя и отвергаютъ это общее опасеніе, но тѣмъ не менѣе они признають ²⁾), что юриспруденція сдѣлается болѣе реалистическою, освободится отъ абстрактныхъ понятій. Черезъ судъ присяжныхъ, думаютъ, правовѣдѣніе станетъ въ тѣсную связь съ правовымъ сознаніемъ общества ³⁾).

Но если, съ одной стороны, отъ присяжныхъ ожидаютъ привнесенія въ рѣшенія гражданскихъ дѣлъ жизненной практичности, то, съ другой стороны, можно ожидать и противнаго, а именно — предубѣжденія, произвола, невѣжества ⁴⁾). Самое свойство гражданскихъ правъ, повторяю, предполагаетъ особенную юридическую подготовку въ судьяхъ.

Однимъ словомъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ способенъ давать самыя различныя рѣшенія по одному и тому же спору, ибо единственнымъ мѣриломъ тутъ будетъ лишь субъективное чувство права, а тѣмъ, конечно, дѣйствующее право легко можетъ подлежать нарушенію.

Правовой порядокъ и оборотъ не могутъ терпѣть такого шаткаго, неувѣреннаго положенія субъективныхъ правъ. Правовая жизнь требуетъ, чтобы нормы ея стояли твердо, неза-

¹⁾ R. Bordeaux cit. p. 279.

²⁾ Bar, Recht und Beweis p. 221.

³⁾ Bar, ibid. p. 211.

⁴⁾ Westerkamp въ Verhandl. d. deutsch. Juristent., 1874, B. I. p. 108.

висимо отъ времени и людей, чтобы выяснившаяся несостоятельность этихъ нормъ вела къ общей и всѣмъ извѣстной ихъ отмѣнѣ; до того же должна быть увѣренность въ неукоснительномъ ихъ примѣненіи судомъ всякій разъ, какъ установленные факты подойдутъ подъ ихъ условія. Правда, сторонники суда присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ полагаютъ ¹⁾, что при отправленіи своихъ обязанностей присяжные научаются положительному праву и приучаются его уважать. Но прежде всего судъ не можетъ быть школой поученія праву въ возможный ущербъ правосудія ²⁾, а во вторыхъ, насколько судъ присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ неудовлетворяетъ увѣренности въ правахъ, показываетъ уже то обстоятельство, что въ странахъ, издавна признававшихъ такой судъ, въ настоящее время все сильнѣе и сильнѣе сознаютъ ³⁾ его несостоятельность и если до сихъ поръ вполне и не отмѣнили его, за то обставили его разными ограничительными условіями ⁴⁾.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о судѣ присяжныхъ для гражданскихъ дѣлъ находится попытка, по однимъ и тѣмъ же исходнымъ основаніямъ, ввести смѣшанную организацію судовъ. Многіе писатели, находя болѣе или менѣе основательнымъ вышеизложенныя возраженія противъ суда присяжныхъ, останавливаются на идеѣ смѣшаннаго суда; но едва

¹⁾ Brunner въ *Verhandl. d. IX d. Juristent.* p. 342.

²⁾ Garsonnet *cit.*, I, p. 83.

³⁾ См. уже Bentham, *De l'organisation judiciaire trad. par Dumolêt* 1828 p. 225—237.

⁴⁾ Такъ, въ Шотландіи явно стремятся къ отмѣнѣ суда присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Въ кодексѣ гражд. процесса для штата Нью-Йоркъ отъ 1877 г. постановлено, что гражданскія дѣла рѣшаются судомъ присяжныхъ только по соглашенію обѣихъ сторонъ. Въ Луизианѣ весьма рѣдко прибѣгаютъ къ суду присяжныхъ. Въ Португаліи, съ того времени, какъ дозволено отказываться отъ суда присяжныхъ, онъ не примѣняется вовсе. И въ самой, наконецъ, Англіи весьма рѣдко прибѣгаютъ къ суду присяжныхъ, пользуясь правомъ отказываться отъ него, и т. д. Съ другой стороны допущена апеллія одного жюри къ другому; судѣ предоставлено право кассировать вердиктъ и передавать дѣло другому жюри, и т. д. См. у Garsonnet *Traité théorique et pratique de procédure* T. I p. 83 n. 28.

ли можно признать и эту попытку ограничить исключительное вліяніе судей-юристовъ въ гражданскомъ судѣ.

Сказанное о судѣ присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ еще съ большею силою относится къ смѣшаннымъ судамъ, въ которыхъ вершить будутъ юристы, вмѣстѣ съ представителями народа, т. е. къ такъ назыв. судамъ шеффеновъ, возвратъ къ которымъ отмѣчается въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ то въ Саксоніи, въ Гамбургѣ—по торговымъ дѣламъ, въ Канадѣ и др. Еще раньше идея о совмѣстномъ обсужденіи и рѣшеніи дѣла судьями и присяжными возникла по поводу уголовного суда ¹⁾.

Въ судахъ шеффеновъ рѣшеніе вопросовъ права и факта предоставляется нераздѣльно постояннымъ и временнымъ судьямъ по большинству голосовъ. Тутъ однообразію рѣшенія вопросовъ права предстоить большая опасность. Если судъ состоятъ изъ трехъ постоянныхъ судей и четырехъ шеффеновъ, которые постоянно мѣняются, то никогда нельзя ручаться, что одни и тѣже правовые вопросы будутъ въ различныхъ случаяхъ одинаково рѣшены. Искъ, признанный сегодня, будетъ отвергнутъ завтра; возраженіе, допущенное сегодня, не будетъ принято завтра, и т. д. ²⁾. Прошедшее представляетъ намъ уже подобную практику. Средневѣковые суды шеффеновъ ³⁾ судили по индивидуальнымъ свойствамъ каждаго дѣла, устанавливали право только для даннаго случая, руководствуясь лишь субъективнымъ правовымъ мышленіемъ и чувствованіемъ и не признавая обязательность какихъ либо нормъ. И что же въ результатъ? Рядомъ съ жалобами на произволъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ, замѣчается страстное стремленіе замѣнить усмотрѣніе судьи какимъ либо устойчивымъ содержаніемъ права. Этимъ объясняется широкое вліяніе сак-

¹⁾ См. Zachariae, Das moderne Schöffengericht (въ Deutsche Zeit-u. Streitfragen v. Holtzendorff u. Oucken Heft 12); Справ. Mayer, Geschworenengericht u. Schöffengerichte, 1872.

²⁾ Westerkamp въ Verhandl. d. XII deutsch. Juristent., B. I, p. 115.

³⁾ См. Schultze, Privatrecht und Process p. 101—103; 111, 117—123.

сонскаго зеркала и еще болѣе странное и общее явленіе рецепціи римскаго права. И въ современной практикѣ смѣшанныхъ судовъ отмѣчаютъ не особенно высокій уровень правоваго сознанія ¹⁾).

Правда, при совмѣстномъ обсужденіи дѣла, шеффены могутъ подвергаться вліянію судей-юристовъ. Стремленіе провести руководство шеффенами со стороны судей нельзя не замѣтить въ томъ постановленіи саксонскаго закона, по которому судьи голосуютъ первыми. И дѣйствительно, въ литературѣ ²⁾ было обращено вниманіе на то, что шеффены, принимая участіе въ обсужденіяхъ профессиональныхъ юристовъ, часто не могутъ удержать за собою самостоятельное отношеніе къ дѣлу. Но при этомъ тайная форма вліянія и отвѣтственности за рѣшеніе, падающее на весь составъ суда, могутъ давать въ результатѣ приговоры весьма не желательные въ интересѣ правосудія ³⁾).

Разсматриваемый вопросъ имѣетъ особенное значеніе для коммерческихъ судовъ. Западная наука обыкновенно связываетъ его съ организаціею этихъ судовъ. И вотъ можно отмѣтить значительное число писателей, которые или вовсе отказываютъ представителямъ отъ купечества въ участіи въ торговой юрисдикціи, или если и допускаютъ привлеченіе ихъ, то во всякомъ случаѣ стоятъ за рѣшительное преобладаніе въ коммерческихъ судахъ юристовъ ⁴⁾). Противъ исходныхъ основаній этого воззрѣнія трудно высказать что либо вѣское ⁵⁾). Кратко можно ихъ формулировать въ такіе положенія: кодифицированное торговое право уже даетъ юристамъ главный матеріалъ для познанія свойства торговыхъ отношеній, да и въ остальныхъ данныхъ торговаго

¹⁾ Garsonnet. *Precis d. procédure civile*, 1885, p. 56.

²⁾ См. Wellmann, *Geschworene oder Schöffen*, 1873, p. 130.

³⁾ Brunner въ *Verhandl. d. IX Juristen. B. 2*, p. 353.

⁴⁾ См. наприм. рефератъ Holzschuher по поводу предложенія Borchart'a въ *Verhandlung d. deutsch. Juristentages V*, 1 p. 37—42.

⁵⁾ См. пренія на сѣздѣ юристовъ въ *Verhandl. d. V deutsch. Juristentag. Bd. 2*, отъ p. 134 и слѣд.

быта (торговые обычаи—въ обширномъ смыслѣ слова) юристъ, посвятившій себя торговымъ дѣламъ, можетъ легко приобрести достаточныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ участіе представителей купечества въ торговомъ судѣ является едва ли не лишнимъ. Главное основаніе, на которомъ можно было бы защищать подобное участіе — специальное знакомство купечества съ жизнью и съ постановкой торговаго оборота и ознакомленіе ихъ съ этимъ ученыхъ юристовъ—имѣеть одинаково приложеніе и къ массѣ другихъ судебныхъ дѣлъ. Такъ, не было бы основанія отказывать въ особыхъ судахъ съ представителями отъ народа разнымъ корпораціямъ ремесленниковъ и т. д. Если и допустить для нѣкоторыхъ дѣлъ затрудненія въ правильной оцѣнѣ факта судомъ, то его легко избѣгнуть общимъ для всѣхъ судовъ путемъ привлеченія къ допросу свѣдущихъ людей, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ смѣшаннымъ судамъ.

И такъ, все говоритъ за то, что только постоянные суды гарантируютъ однообразіе рѣшенія вопросовъ права и при условіи, если они обязаны будутъ примѣнять положительный законъ, по точному его смыслу, одинаково какъ сегодня, такъ и завтра.

Мы не останавливаемся здѣсь еще на болѣе крайнихъ взглядахъ. Сказанное всецѣло относится къ мнѣнію тѣхъ писателей, которые хотятъ предоставлять въ процессахъ одному народу рѣшающій голосъ, за судьей же оставить только совѣщательный голосъ ¹⁾, или же которые высказываютъ еще болѣе оригинальную мысль, что вообще юристъ не долженъ отправлять и неспособенъ къ отправленію правосудія ²⁾. Субъективное представленіе о правѣ, повторяю, не въ состояніи дать судебной дѣятельности, а вмѣстѣ и всей правовой жизни, той степени обезпеченности и устойчивости, которая составляетъ необходимое условіе всякаго правоваго порядка при постоянно усложняющемся гражданскомъ оборотѣ.

¹⁾ Wieding, Der Justinianeische Libellprocess p. 753.

²⁾ Wielke въ Verhandlung des deutschen Juristentags V, 2 p. 156.

Для этого требуется неукоснительное наблюдение определенных правовых начал, а следовательно должна быть оставлена и мысль отбснить юристовъ въ процессъ на задній планъ ¹⁾).

Право должно представляться народу въ формъ определенно и твердо сложившихся началъ, чтобы сохранить за собою уваженіе и силу ²⁾). Прибавимъ, точное примѣненіе его нормъ, на основаніи исполнѣ раскрытыхъ фактовъ дѣла, и составляетъ задачу правосудія.

Въ заключеніе нашего очерка подводимъ слѣдующій итогъ:

Суду должна быть предоставлена большая свобода въ раскрытіи фактической основы спора, чѣмъ это предоставляется уставами, пытающимися строго провести состязательное начало (типъ французскаго кодекса, а за нимъ—и нашихъ уставовъ).

По раскрытымъ признакамъ дѣла должна примѣняться соотвѣтствующая норма права всегда въ точномъ ея смыслѣ и, поэтому, всякая такая организація гражданскаго суда, которая допускаетъ отклоненіе отъ такого примѣненія закона, нежелательна.

Изъ полного раскрытія дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла и точнаго примѣненія къ нимъ, положительнаго закона и состоитъ все назначеніе суда, который бы осуществлялъ своими рѣшеніями матеріальную, а не только формальную правду.

Д. Азаревичъ.

¹⁾ См. у Bar. Zur Frage d. Geschworenen—u. Schöffengerichte, p. 20 и примѣч. 21.

²⁾ Wellmann, Geschworene oder Schoeffen p. 132.

КЪ ВОПРОСУ О ПРАВѢ НАСЛѢДОВАНІЯ ПОСЛѢ ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Въ октябрьской книжкѣ Журнала гражд. и угол. права за истекшій годъ, помѣщена была статья М. Мыша о правѣ наслѣдованія послѣ иностранцевъ въ Россіи. Трудъ этотъ содержитъ въ себѣ довольно интересный матеріалъ, тщательно собранный авторомъ по обсуживаемому въ немъ предмету. Кромѣ того, вопросъ о правѣ наслѣдованія послѣ иностранцевъ въ Россіи принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу немало-важныхъ вопросовъ нашего гражданского права. Поэтому нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ сдѣланной г. Мышемъ попыткѣ выяснить и—такъ или иначе,—рѣшить этотъ вопросъ. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько бѣглыхъ мыслей, вызванныхъ у насъ чтеніемъ означенной статьи.

Изложивъ положеніе вопроса о правѣ наслѣдованія послѣ иностранцевъ какъ въ наукѣ частнаго международного права, такъ и въ дѣйствующихъ законодательствахъ Россіи и иностранныхъ государствъ, авторъ, въ концѣ своей статьи, указываетъ на измѣненія, которыя, по его мнѣнію, желательны по сему предмету въ нашихъ законахъ. Измѣненія эти онъ формулируетъ въ четырехъ тезисахъ подѣ литерами А.—Г. Мы избираемъ для нашего обсужденія первый тезисъ подѣ лит. А. Въ тезисѣ этомъ предполагается ввести у насъ правило, въ силу котораго право наслѣдованія въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществѣхъ, оставшихся послѣ иностранцевъ въ Россіи, должно опредѣляться національнымъ (отечественнымъ) закономъ наслѣдодателя, подѣ условіемъ взаимности

относительно русских подданных въ отечествѣ иностранца; при отсутствіи же взаимности—право наслѣдованія должно подчиняться территоріальному закону Имперіи. Такимъ образомъ г. Мышь считаетъ необходимымъ установить въ нашемъ законодательствѣ, по отношенію къ наслѣдованію во всякаго рода имуществахъ послѣ иностранцевъ, одинъ общій принципъ личнаго статута, ограниченный только условіемъ взаимности. Оставляя пока въ сторонѣ условіе взаимности, котораго мы коснемся ниже, остановимся на принципѣ, предлагаемомъ авторомъ.

I.

Въ защиту своего взгляда авторъ приводитъ два наиболѣе существенныхъ довода. Одинъ основанъ на особенной юридической природѣ наслѣдства; другой—на теоріи, такъ называемой, предполагаемой воли наслѣдодателя. Начнемъ съ *перваго довода*. По мнѣнію автора, необходимость примѣненія личнаго (національнаго) закона къ наслѣдованію какъ въ движимыхъ, такъ и въ недвижимыхъ имуществахъ, вызывается универсальнымъ характеромъ наслѣдственного преемства и особымъ свойствомъ наслѣдства, какъ единого цѣлаго, приуроченнаго къ покойному, имущественно-юридическую личность котораго продолжаетъ наслѣдникъ (стр. 45 in fine). Прежде всего для насъ представляется вполне ясною только мысль, выраженная въ концѣ этого объясненія, а именно: что наслѣдникъ продолжаетъ имущественно-юридическую личность наслѣдодателя. Что касается остальной его части, то она, по неопредѣленности своей, невольно возбуждаетъ сомнѣнія. Что именно разумѣетъ авторъ подъ выраженіемъ *наслѣдство, какъ единое цѣлое, приуроченное къ покойному*, въ связи съ указываемымъ имъ универсальнымъ характеромъ наслѣдственного преемства? Если онъ понимаетъ подъ этимъ *имущественную* или хозяйственную цѣлость наслѣдства, въ виду которой неудобно было бы примѣнять къ нему разные территоріальные законы, такъ какъ это повело бы къ раздробленію наслѣдства на нѣсколько, независимыхъ другъ отъ

друга, частей, то противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что на практикѣ цѣлость наслѣдства, въ этомъ отношеніи, почти нигдѣ не соблюдается. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ странахъ (кромѣ Италіи) наслѣдство, когда оно состоитъ изъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, неизбѣжно подвергается дробленію вслѣдствіе того, что вездѣ (за исключеніемъ Италіи) къ наслѣдственнымъ имуществамъ движимымъ примѣняется личный законъ наслѣдодателя, а къ недвижимымъ—разные территоріальные законы, сообразуясь съ мѣстомъ нахождения недвижимости ¹⁾. Если же упомянутымъ выраженіемъ авторъ имѣлъ въ виду ту мысль, которая точнѣе изложена на стр. 20 его статьи, а именно, что наслѣдство, какъ юридическое цѣлое (*universitas juris*) и *имущественная совокупность* покойнаго, представляетъ собою *продолженіе его личности*, то по поводу этого, мы позволяемъ себѣ замѣтить слѣдующее.

Идея продолженія личности покойнаго въ наслѣдствѣ возводитъ наслѣдство на степень самостоятельной личности. Идея эта основана, въ сущности, на томъ, что наслѣдственное право, какъ въ римскомъ правѣ, такъ и во всѣхъ почти современныхъ законодательствахъ, покоится на принципѣ универсальнаго преемства (*successio per universitatem*). Исключение въ этомъ отношеніи составляютъ только англійское и американское законодательства, которыя означеннаго принципа не признаютъ въ наслѣдственномъ правѣ ²⁾. Въ виду этого наслѣдство разсматривается какъ совокупность имущественныхъ правъ и обязанностей умершаго, которая образуетъ собой идеальное цѣлое, неимѣющее опредѣленнаго содержанія и независимое отъ отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ его, индивидуально опредѣленныхъ имуществъ. Отсюда заключаютъ, что наслѣдство есть имущественно-правовая личность умершаго, продолжающаяся въ наслѣдствѣ и въ на-

¹⁾ Мы не включаемъ сюда Саксонію (ст. 17 сакс. гражд. кодекса), какъ по незначительности этого маленькаго государства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ нѣмецкими владѣніями, такъ и потому, что она вошла уже въ составъ германской Имперіи.

²⁾ *См. Свини, Система римскаго права т. 8 § 176, IV.*

слѣдникѣ. Намъ случилось даже встрѣтиться во французской судебной практикѣ съ рѣшеніемъ одного суда, который, примѣнивъ на этомъ основаніи личный законъ наслѣдодателя къ наслѣдству, оставшемуся послѣ иностранца, выразился, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, что самое наслѣдованіе есть ничто иное, какъ переходъ идеальной личности покойнаго отъ одного носителя ея (покойнаго) на другаго ея носителя (наслѣдника ¹⁾).

Въ теоріи этой невольно обращаетъ на себя вниманіе ея искусственность.

II.

Понятіе о личности, по самому существу своему, связывается съ представленіемъ о чемъ - то единомъ, цѣльномъ, недѣлимомъ. Поэтому идея продолженія имущественно-правовой личности покойнаго въ наслѣдствѣ или наслѣдникѣ предполагаетъ перенесеніе ея, *во всей цѣлости*, на наслѣдство или на наслѣдника. При этомъ только условіи можно было бы, строго говоря, признать вѣрнымъ и основной принципъ наслѣдственного права, на который опирается изложенная теорія, принципъ универсальнаго преемства (*successio per universitatem*), обнимающаго собой всю имущественную совокупность умершаго. Между тѣмъ, съ одной стороны, имущественно-правовая личность покойнаго переносится на нѣсколькихъ наслѣдниковъ, между которыми она, въ активѣ и въ пассивѣ своемъ, какъ бы дробится на части: каждый наслѣдникъ, получая извѣстную часть имущества покойнаго, пропорціонально этой части только отвѣтствуетъ и за долги его. Отвѣтственность эта не солидарная, а раздѣльная ²⁾. Съ другой стороны, извѣстно, что многія изъ правоотношеній,

¹⁾ Рѣшеніе это помѣщено въ Сборникъ частнаго международнаго права Клюэа и принадлежитъ, если память намъ не измѣняетъ, гаврскому или алжирскому суду. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками означеннаго Сборника, мы лишены возможности привести здѣсь болѣе точную объ этомъ справку.

²⁾ Впрочемъ австрійское и прусское право устанавливаютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, солидарную отвѣтственность наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя.

образующихъ, въ своей совокупности, эту личность, разрушаются, отпадая отъ нея въ моментъ смерти наслѣдодателя. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, *въ сферѣ обязательственнаго права*—отношенія, вытекающія изъ договоровъ товарищества, довѣренности, комисіи, личнаго найма и даже, по нѣкоторымъ законодательствамъ (швейцарск. code feder. des obligart. 316), изъ договора аренды, обязательство давать и право получать алименты; *въ сферѣ вещнаго права*—пользовладѣніе (ususfructus), личное *пользованіе* (usus), право на жилье (habitatio) и проч. (сравни ст. 617 и 625 франц. гражд. код.). Всѣ эти правоотношенія прекращаются со смертью наслѣдодателя.

Изъ этого видно, что на наслѣдство и на наслѣдника переносится не вся имущественно-правовая личность покойнаго въ ея цѣлости, а только часть ея.

Кромѣ того, извѣстно также, что наслѣдникъ можетъ принять наслѣдство условно на правѣ инвентарномъ (beneficium inventarii). Правило это, существовавшее еще въ римскомъ правѣ, дѣйствуетъ и понынѣ въ разныхъ европейскихъ законодательствахъ (французское, австрійское и друг.). Въ силу такого условнаго принятія наслѣдства, обязанность платить долги умершаго переходить на наслѣдника только въ размѣрѣ доставшагося ему наслѣдственнаго имущества. При этомъ ему дозволяется даже требовать съ наслѣдства уплаты своихъ долговыхъ претензій, хотя по общему правилу такіа требованія погашаются въ лицѣ наслѣдника (code civil art. 802; австрійскаго гражданскаго уложенія статья 802). Такимъ образомъ наслѣдникъ можетъ, по вѣрному замѣчанію К. П. Побѣдоносцева (курсъ гражд. права, ч. 2, стр. 259), уклониться отъ полнаго представленія личности покойнаго.

Наконецъ, разбираемое ученіе несомнѣстимо съ институтомъ veragatio bologum, дѣйствующимъ въ большей части современныхъ законодательствъ Европы. Въ силу этого института кредиторы наслѣдодателя могутъ, во всякомъ случаѣ и противъ каждаго изъ кредиторовъ наслѣдника, при условіи соблюденія особыхъ предписанныхъ законами формальностей, требовать отдѣленія имущества, принадлежавшаго умершему,

отъ собственнаго имущества наслѣдника ¹⁾). Между тѣмъ, это противорѣчитъ единству личности, существующему, по означенному ученію, въ имущественномъ отношеніи, между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ.

Все это указываетъ уже на шаткость какъ теорія продолженія личности умершаго, такъ и, положеннаго въ основу ея, принципа универсальнаго преемства въ наслѣдствѣ.

III.

Если наслѣдство представляетъ собой совокупность имущественныхъ правъ и обязанностей умершаго, то изъ этого положенія можно сдѣлать только одинъ выводъ—что наслѣдство есть *все активное и пассивное имущество* наслѣдодателя. То обстоятельство, что наслѣдство представляетъ собой это имущество въ его идеальной цѣлости, а не въ отдѣльныхъ, индивидуально опредѣленныхъ частяхъ его, вовсе не измѣняетъ сущность наслѣдства, какъ *имущества*. Къ имуществу же, съ точки зрѣнія юридической, примѣнимо понятіе о личности только тогда, когда оно, въ качествѣ юридическаго лица, является субъектомъ гражданскихъ правъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, больницы, благотворительныя заведенія и другія подобныя учрежденія. Но наслѣдство не есть юридическое лицо: оно является не субъектомъ какихъ либо гражданскихъ правъ, а объектомъ имущественнаго права наслѣдниковъ. Въ этомъ отношеніи наслѣдство имѣетъ аналогію съ конкурсною массою должника, объявленнаго несостоятельнымъ. Извѣстно, какое глубокое измѣненіе происходитъ въ личности и въ имущественномъ положеніи должника въ моментъ открытія его несостоятельности. Въ сферѣ политической, уголовной и семейственной, должникъ, объявленный несостоятельнымъ, сохраняетъ еще свое прежнее юридическое положеніе: онъ не утрачиваетъ своей правоспособности и остается, вообще, въ обладаніи правами, присвоенными ему какъ гражданину и члену семьи, до тѣхъ поръ, пока

¹⁾ Art. 878 code civil; ст. 812 австр. гражд. улож.

не будет лишенъ этихъ правъ приговоромъ уголовного суда, въ случаѣ признанія его злостнымъ банкротомъ. Но въ имущественныхъ отношеніяхъ его совершается цѣлый переворотъ, непосредственно связанный съ измѣненіемъ въ положеніи его личности, при самомъ открытіи несостоятельности. Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній совершенно разрушаются, прекращая свое существованіе, подобно тому, какъ и въ случаѣ смери. Таковы, на примѣръ, обязательственныя отношенія, вытекающія изъ товарищества, довѣренности, коммисіоннаго договора, а по нѣкоторымъ законодательствамъ (Швейцарск. art. 315 Code fédér. des oblig.) и изъ договора аренды. Въ остальныхъ имущественныхъ отношеніяхъ личность должника поражается неправопособностью. Все его имущество обращается въ конкурсную массу и переходитъ въ завѣдываніе конкурснаго управленія. Конкурсная масса, подобно наслѣдству, изображаетъ собой совокупность имущественныхъ правъ и обязанностей несостоятельнаго должника, т. е. все его активное и пассивное имущество. Она также, какъ и наслѣдство, представляетъ собой это имущество въ его идеальной цѣлости, а не въ отдѣльныхъ, индивидуально опредѣленныхъ частяхъ его. Но эту имущественную совокупность нельзя приурочить къ понятію о личности и придавать ей значеніе юридическаго лица потому только, что она изображаетъ собою юридическое цѣлое. Она является не субъектомъ какихъ либо правъ, а объектомъ правъ кредиторовъ (а отчасти и должника, которому, послѣ полного удовлетворенія кредиторовъ, возвращается остатокъ).

Въ особыхъ условіяхъ находится такъ называемое лежащее наслѣдство (*haereditas jacens*), въ промежуткѣ времени между открытіемъ наслѣдства и принятіемъ его наслѣдниками. Нѣкоторые юристы признаютъ за такимъ наслѣдствомъ значеніе юридическаго лица. Таково, между прочимъ, мнѣніе Виндшейда и Унгера ¹⁾. Но мнѣніе это совершенно основательно не раздѣляется другими юристами (Бринцъ, Деме-

¹⁾ Windscheid 1. § 49 Anm. 4; Unger, Erbrecht § 7.

ліусъ и проч.) ¹⁾). Въ этомъ случаѣ опредѣляются закономъ мѣры охраненія наслѣдства, причемъ, если нѣтъ въ виду извѣстныхъ наслѣдниковъ, то надъ нимъ учреждается опека. Учрежденіе опеки есть особая мѣра охраненія наслѣдственного имущества, допускаемая въ интересѣ наслѣдниковъ, кредиторовъ наслѣдодателя и государства. Наслѣдники, не находясь на лицо, лишены возможности распоряжаться имуществомъ умершаго и осуществлять связанныя съ нимъ права. Кредиторы наслѣдодателя заинтересованы въ сбереженіи наслѣдственного имущества, составляющаго общее обезпеченіе ихъ претензій, а также и въ томъ, чтобы былъ кто нибудь, къ кому они, за смертью должника, могли обращаться съ требованіемъ объ удовлетвореніи этихъ претензій. Наконецъ государство, богатство котораго слагается изъ совокупности частныхъ имуществъ, не можетъ допустить, чтобы наслѣдственное имущество находилось въ положеніи безхозяйнаго. Независимо отъ этого оно заинтересовано въ сохраненіи означеннаго имущества и потому, что если наслѣдниковъ впоследствии вовсе не окажется, или они, въ теченіи давности, не заявятъ своихъ правъ на наслѣдство, то оно, по праву выморочному, поступаетъ въ собственность казны. Согласно этому опекунъ управляетъ наслѣдственной массой на правѣ временнаго хозяина ея. Онъ заботится о сбереженіи и сохраненіи ея, удовлетворяетъ долги наслѣдодателя и дѣйствуетъ на судѣ по дѣламъ, касающимся массы, въ качествѣ истца и отвѣтника. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ не какъ представитель умершаго или наслѣдственной массы. Ибо, съ одной стороны, идея представительства (въ опекѣ, какъ и въ довѣренности) неразрывно связано съ понятіемъ о юридическомъ *интересѣ* представляемаго; мертвые же не могутъ имѣть такихъ интересовъ ²⁾). Съ другой

¹⁾ Brinz Pandecten 2 Abth. (1860) §§ 154, 156; Demelius Die Rechtsfiction. Dogm. Jahrb. IV (1860).

²⁾ Случай представительства умершаго встрѣчается, впрочемъ, въ институтѣ душеприкащиковъ. Но здѣсь оно допускается какъ особая юридическая факція, безъ которой нельзя обойтись по самому свойству этого института.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1888 г.

оно связано съ понятіемъ о *лицѣ* представляемаго, которое, согласно вышесказанному, не примѣнимо къ наслѣдству. Опекунъ дѣйствуетъ какъ законный представитель *предполагаемыхъ собственниковъ* охраняемаго имъ имущества, т. е. *наслѣдниковъ*, впредь до ихъ явки. Съ этой точки зрѣнія наслѣдственный опекунъ можетъ быть приравненъ къ опекуну надъ имуществомъ лица безвѣстно отсутствующаго. Послѣдній представляетъ лицо, существованіе котораго, какъ и неявившагося или неизвѣстнаго наслѣдника, подлежитъ сомнѣнію, т. е. предполагаемаго собственника. Слѣдовательно представительство наслѣдственнаго опекуна вполне аналогично съ представительствомъ опекуна надъ имуществомъ лица безвѣстно отсутствующаго.

Вышеизложенными соображеніями достаточно разъясняется юридическое положеніе лежащаго наслѣдства (*haereditas jacens*), какъ *охраненнаго имущества*, и роль опекуна, какъ *представителя наслѣдниковъ*. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ нѣтъ основанія связывать съ наслѣдствомъ понятія о какой то идеальной имущественно-правовой личности умершаго или о юридическомъ лицѣ, представляемомъ опекуномъ. Во всякомъ случаѣ лежащее наслѣдство есть явленіе исключительное, а не общее. Поэтому мы не вправе основывать на немъ какіе либо выводы о юридическомъ характерѣ наслѣдства *вообще*. Подобные выводы представлялись бы вполне произвольными, такъ какъ нельзя заключать отъ явленія исключительнаго къ общему.

IV.

Нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующій странный выводъ, къ которому приводитъ разбираемая теорія. Если и наслѣдство и наслѣдники представляютъ собой продолженіе личности покойнаго, то выходитъ, что право на наслѣдство есть право одного продолжателя этой личности (наслѣдника) на другого ея продолжателя (наслѣдство). Другими словами это есть право на (продолжающуюся въ наслѣдствѣ)

личность покойного, принадлежащее наследнику (какъ ея продолжателю)!

Въ искусственности означенной теоріи лучше всего можно убѣдиться еще изъ объясненія, даннаго ей нѣмецкимъ юристомъ Huschke. Въ своемъ изслѣдованіи на извѣстную, затасканную юридическую тему: *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest*,—этотъ ученый юристъ, отстаивая упомянутую теорію, какъ аксіому наследственнаго права, рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ. „Когда, говоритъ онъ, человѣкъ умираетъ, то его личность (Person), вмѣстѣ съ личнымъ правомъ (mit dem persönlichen Recht), переходитъ въ священное право (geht in das heilige Recht über, wird Dii Manes); но имущественно-правовая личность его (Vermögensrechtliche Persönlichkeit) остается въ человѣческомъ правѣ (jus humanum) и образуетъ собой haereditas; эта послѣдняя отличается отъ живаго лица только тѣмъ, что она представляетъ собой личность имущественно-правовую, отдѣленную отъ дѣйствительной и такимъ способомъ образуетъ имущество“. Можетъ ли быть что нибудь курьезнѣе этого метафизическаго объясненія? Правозглашая какой то новый догматъ безсмертія имущественно-правовой личности человѣка, продолжающей свое земное странствованіе въ потомствѣ, Huschke опредѣляетъ въ то же время наследство и какъ личность и какъ имущество покойнаго. Изъ дальнѣйшихъ разъясненій его слѣдуетъ, что haereditas принадлежитъ частью къ одушевленной, частью къ неодушевленной природѣ; что она представляетъ собой, съ одной стороны, наследство, съ другой — наследодателя. Вольтеръ, рассуждая о метафизикѣ, опредѣлилъ ея сущность слѣдующимъ образомъ: „Quand celui, qui parle, cesse de se comprendre et celui, à qui l'on parle, n'entend plus rien,—c'est de la métaphysique.“ Если это остроумное опредѣленіе вѣрно — а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться — то оно какъ нельзя болѣе примѣняется къ вышеприведенному объясненію ученаго юриста. Недаромъ Герингъ, пораженный въ этомъ объясненіи загадочнымъ образомъ haereditas, сравниваетъ это явленіе съ тѣмъ дивнымъ существомъ въ загадкѣ, пред-

ложенной сфинксомъ Эдипу, у котораго было, утромъ четыре ноги, въ полдень—три и вечеромъ—двѣ. Намъ кажется, что *haereditas* въ ученіи Huschke являетъ собой зрѣлище еще болѣе величественное и чудесное. Именно, ее можно было бы сравнить съ существомъ, имѣющимъ одновременно и четыре, и три, и двѣ ноги. Къ сожалѣнію, преданіе не даетъ намъ матеріала для такого сравненія, потому что оно не сохранило воспоминанія о такомъ чудѣ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, теорія продолженія личности наслѣдодателя въ наслѣдствѣ и въ наслѣдникѣ оказывается, по нашему мнѣнію, несостоятельною съ точки зрѣнія какъ гражданскаго права, такъ и законовъ логики. Вообще вся эта теорія есть плодъ того спекулятивнаго направленія созерцательной юриспруденціи, которое еще недавно подверглось такому беспощадному осмѣянію въ извѣстномъ сочиненіи Iеринга „*Scherz und Ernst in der Jurisprudenz*.“ Конечно теорія эта сводится въ простой фикціи. Фикціи въ правѣ слѣдуетъ допускать только тогда, когда безъ нихъ нельзя обойтись для достиженія практическихъ цѣлей, которымъ служить право (напр. въ ученіи о юридическихъ лицахъ, о представительствахъ душеприкащиковъ и пр.). Въ остальныхъ случаяхъ онѣ не только не приносятъ пользы, но напротивъ того, вредятъ правильной оцѣнкѣ явленій дѣйствительной жизни, потому что всякая фикція основана на вымыслѣ, противномъ дѣйствительности. Правило о томъ, что къ наслѣднику переходятъ права и обязанности умершаго, оправдывается цѣлесообразностью и само по себѣ достаточно понятно, не нуждаясь въ поясненіи и оправданіи его еще какими-то туманными, апріористическими теоріями и фикціями. Не смотря на то, юристы считаютъ почему-то необходимымъ прибѣгать къ нимъ въ этомъ случаѣ, какъ будто законъ чрезъ это что нибудь выиграетъ. Не мѣшало бы помнить, что фикціи нерѣдко служатъ признакомъ шаткости юридической теоріи, къ которой онѣ прилагаются, прикрывая собой отсутствіе яснаго и разумнаго пониманія юридическихъ отношеній.

Высказывая все это, мы, впрочемъ, не упускаемъ изъ

виду того, что теорія продолженія личности наследодателя признается, болѣе или менѣе, вездѣ и превратилась почти въ общее мѣсто. Но мы думаемъ, что и общія мѣста должны доказывать свое право на существованіе. Уклоняться отъ критики ихъ—значить отрекаться отъ права свободнаго анализа. Если мы и позволяемъ себѣ отступить въ этомъ случаѣ, отъ господствующей теоріи, опирающейся на авторитеты; если отступая отъ общепринятаго мнѣнія, мы рискуемъ, можетъ быть, сами впасть въ ошибку, то насъ, полагаемъ, нельзя упрекнуть за наше самостоятельное отношеніе къ явленію, не исключаящему, во всякомъ случаѣ, возможности различныхъ толкованій.

Отрѣшаясь, съ своей стороны, отъ упомянутой теоріи, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію по обсуждаемому вопросу. По коренному началу, признанному въ ученіи о статутахъ и въ современной практикѣ частнаго международного права, юридическое положеніе лица регулируется личнымъ закономъ (*lex personalis*); юридическое же положеніе имущества—территоріальнымъ закономъ (*lex rei sitae*). Имущество, какъ предметъ гражданскаго оборота, обнимаетъ собой не только *физическія* вещи, составляющія предметъ вещнаго права (*res corporales*), но и такъ называемыя *бездѣльные* или *моральныя* вещи (*res incorporales*), т. е. долговыя требованія или обязательства, составляющія предметъ обязательственнаго права. Сообразно этому принято, что вещное право опредѣляется территоріальнымъ закономъ мѣста нахождения вещи, обязательственное же право—территоріальнымъ закономъ мѣста возникновенія обязательства — *in quo negotio gestum est* (или, какъ это признается иногда ошибочно, мѣста его исполненія) ¹⁾. Наслѣдственное право, по природѣ своей, имѣетъ двойственный характеръ. Прежде всего оно, имѣя своимъ предметомъ активное и пассивное *имущество* покойнаго, вхо-

¹⁾ Это послѣднее положеніе подлежитъ, впрочемъ, нѣкоторымъ ограниченіямъ, о которыхъ мы не распространяемся здѣсь, потому что это выходило бы изъ предѣловъ вопроса, составляющаго предметъ настоящаго изложенія (ср. *Droit Intern. prive* par Pasquale Fiore traduit de l'italien p.p. 337—417).

дѣть непосредственно въ сферу дѣйствія территоріальнаго закона, регулирующаго юридическое положеніе имущества. Но въ то же время, будучи основано на кровномъ родствѣ, наслѣдственное право тѣсно связано и съ юридическимъ положеніемъ лица въ семействѣ и въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ сферѣ дѣйствія личнаго закона. Въ силу такого двойственнаго характера своего наслѣдственное право не можетъ, по природѣ своей, быть приурочено ни къ одному изъ указанныхъ двухъ статутовъ въ отдѣльности.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мнѣніе г. Мыша о необходимости подчиненія права наслѣдованія послѣ иностранцевъ одному личному (національному) закону наслѣдодателя не оправдывается юридической природой наслѣдства.

V.

Перейдемъ ко *второму доводу* г. Мыша, основанному на такъ называемой предполагаемой волѣ наслѣдодателя (*taciti voluntas*). Теорія эта, со словъ одного изъ новѣйшихъ писателей по частному международному праву—Лорана, изображается слѣдующимъ образомъ въ разбираемой нами статьѣ: Наслѣдованіе по закону рассматривается какъ безмолвное завѣщаніе. Не распорядившись своимъ имуществомъ посредствомъ акта послѣдней воли, наслѣдодатель, въ этомъ отношеніи, ссылается безмолвно на законъ, опредѣляющій судьбу этого имущества. Но воля человѣка, выражена ли она положительно или безмолвно, не знаетъ территоріальныхъ границъ: она обнимаетъ весь міръ. Невозможно утверждать, что завѣщатель желалъ подчинить свои распоряженія дѣйствію сотни различныхъ законовъ, которыхъ онъ даже не знаетъ. Въ завѣщаніи его воля служитъ закономъ на случай смерти; не оставляя же завѣщанія, онъ молчаливо избираетъ законъ, опредѣляющій переходъ наслѣдства. Такимъ закономъ является его національный законъ, служащій выраженіемъ чувствъ, идей и, можно сказать, воли его.

Теорія эта представляется, по содержанію своему, на первый взглядъ весьма заманчивой. Этимъ, можетъ быть, и объясняется то, что г. Мышъ, допуская въ одномъ мѣстѣ

(стр. 45) возможность оспаривать ее, приводит ее въ другомъ (стр. 37), какъ самостоятельный аргументъ въ пользу примѣненія личнаго закона къ наслѣдованію послѣ иностранцевъ.

По поводу этой теоріи мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующія соображенія: Законы о правѣ наслѣдованія часто сообразуются не столько съ личной предполагаемой волей наслѣдодателя, сколько съ цѣлями политическими или сословными. Во всей системѣ гражданскаго права замѣчается господство двухъ элементовъ: частнаго и публичнаго. Этотъ дуализмъ въ правѣ объясняется тѣмъ, что право (равно какъ и законы нравственности, рядомъ съ нимъ регулирующіе социальную жизнь) возникаетъ изъ борьбы двухъ вѣчно враждующихъ взаимно силъ: частнаго произвола и силы общественнаго принужденія. Подобно тому, какъ весь механизмъ мірозданія покоится на законѣ взаимодѣйствія силъ, центробѣжной и центростремительной, и механизмъ правоваго порядка опирается на тотъ же законъ. Частный произволъ—это, такъ сказать, центробѣжная сила, стремящаяся все обособить и разрушить; сила общественнаго принужденія—центростремительная, стремящаяся все объединить и организовать. Развиваясь подъ взаимодѣйствіемъ означенныхъ соперничающихъ силъ, право представляетъ собою, въ сущности, мировую сдѣлку индивидуума съ обществомъ, въ которой оно выражается, какъ равнодѣйствующая этихъ двухъ силъ. Но нигдѣ помянутый дуализмъ не проявляется такъ рельефно, какъ въ наслѣдственномъ правѣ, въ силу особенно тѣсной связи этой области права съ политическими условіями жизни данной страны. Отсюда сильное преобладаніе въ наслѣдственномъ правѣ публичнаго элемента, который красною нитью проходитъ чрезъ всю его систему. Въ этомъ кроется причина замѣтнаго различія въ порядкѣ и доляхъ наслѣдованія въ разныхъ странахъ. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе: аристократическое право старшинства и, рядомъ съ этимъ, исключеніе женщинъ мужчинами въ равныхъ степеняхъ родства въ Англіи; демократи-

ческое равенство наслѣдниковъ обоого пола во Франціи, ограждаемое притомъ обязательною долею, ограничивающею завѣщательную свободу; особыя постановленія въ Россіи о преимуществахъ въ наслѣдованіи лицъ мужскаго пола предъ лицами женскаго пола, о правѣ наслѣдованія въ родовыхъ имѣніяхъ и проч. Всѣ эти и другія подобныя постановленія наслѣдственнаго права основаны не на предполагаемой волѣ наслѣдодателя, а на соображеніяхъ политическихъ или сословныхъ. Самое различіе этихъ постановленій обуславливается различіемъ общественнаго склада отдѣльныхъ странъ. Ясно, что здѣсь не можетъ имѣть примѣненія теорія предполагаемой воли.

Засимъ теорія эта если и сохраняетъ, при всемъ томъ, нѣкоторое значеніе, то развѣ по отношенію къ наслѣдованію послѣ иностранцевъ, не имѣвшихъ постоянного жительства въ Россіи. Невозможно допустить, чтобы иностранецъ, временно пребывающій въ Россіи, законы которой ему совершенно чужды, желалъ подчинить свои распоряженія дѣйствию этихъ законовъ, въ силу одного чисто случайнаго факта нахождения его имущества, въ моментъ смерти, на русской территоріи. Но этого нельзя сказать о наслѣдованіи послѣ иностранцевъ, имѣвшихъ постоянную осѣдность въ Россіи. Поселясь въ Россіи, они, въ теченіи времени, мало по малу, знакомятся съ нашими законами, которыми постоянно руководствуются въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ и нерѣдко свѣдѣются съ ними не менѣе, чѣмъ съ своими отечественными законами. Русскій законъ становится для нихъ какъ бы ихъ отечественнымъ закономъ. Поэтому, примѣненіе къ такимъ иностранцамъ русскихъ законовъ о наслѣдованіи едва ли можетъ составлять и особенное для нихъ стѣсненіе. Сюда слѣдуетъ отнести, въ особенности, иностранцевъ, владѣющихъ недвижимою собственностью въ Россіи; ибо приобретаемая таковую въ Россіи, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно приобретаютъ и постоянную осѣдность въ Россіи. Такимъ образомъ подчиненіе права наслѣдованія въ недвижимомъ имуществѣ иностранцевъ въ Россіи, ихъ національному закону,

въ всякомъ случаѣ, не находитъ себѣ оправданія въ теоріи предполагаемой воли наслѣдодателя.

Въ связи съ вышеизложеннымъ получаетъ значеніе и слѣдующее соображеніе. Нерѣдко наслѣдодатель умираетъ безъ завѣщанія не потому, что онъ желалъ подчинить свое распоряженіе дѣйствию даннаго закона, а потому, что не успѣлъ распорядиться своимъ имуществомъ иначе. Кромѣ того, при отсутствіи близкихъ родственниковъ, наслѣдство переходитъ заурядъ къ лицамъ, не только не связаннымъ съ покойнымъ узами любви, но и совершенно чуждымъ ему. Наконецъ, въ случаяхъ наслѣдованія послѣ лицъ, неспособныхъ выражать свою волю (несовершеннолѣтнихъ, слабоумныхъ и проч.), не можетъ быть и рѣчи о предполагаемой волѣ наслѣдодателя.

VI.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одно весьма важное обстоятельство, которое имѣетъ, мнѣ кажется, рѣшающее въ нашемъ вопросѣ значеніе по отношенію къ *недвижимымъ имуществамъ*. Несомнѣнно, что каждое правоотношеніе должно имѣть свой центръ тяжести, съ которымъ должны сообразоваться его матеріальныя и процессуальныя условія. Право наслѣдованія въ недвижимомъ имуществѣ естественно тяготеетъ къ мѣсту, съ которымъ связана недвижимость. Хотя и движимое имущество, подобно недвижимому, обрѣтается въ предѣлахъ даннаго государства, но связь съ государствомъ того и другого имущества различная. Различіе это, основанное на самой природѣ вещей, заключается въ томъ, что движимость можетъ свободно переходить изъ одной страны въ другую, слѣдуя за судьбой и положеніемъ собственника, тогда какъ недвижимость приврѣплена къ мѣсту, съ которымъ она связана. Въ первомъ случаѣ связь имущества съ данною страной случайная и временная, во второмъ — необходимая и вѣчная. Недвижимость, составляя предметъ частнаго обладанія, есть въ тоже время нераздѣльная часть государственной территоріи, составляющей матеріальную основу жизни данной страны, какъ самостоятельнаго политическаго цѣлаго. Въ виду

такого особеннаго характера недвижимости право наслѣдованія въ недвижимыхъ имуществахъ послѣ иностранцевъ въ Россіи не можетъ и не должно быть подчиняемо дѣйствию иностранныхъ законовъ, а должно регулироваться, какъ и весь порядокъ нашего землевладѣнія, коренными русскими законами, дѣйствующими въ имперіи. Приэтомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что примѣненіе въ семь случаевъ иностранныхъ законовъ, различно опредѣляющихъ порядокъ наслѣдованія, не можетъ не отразиться на распредѣленіи поземельной собственности. То или другое распредѣленіе ея болѣе всего отражается на экономическомъ строѣ государства и, слѣдовательно, составляя вопросъ первостепенной государственной важности, не должно зависѣть отъ случайнаго примѣненія къ наслѣдованію въ недвижимомъ имуществѣ тѣхъ или другихъ иностранныхъ законовъ.

Цѣлесообразность изложеннаго взгляда доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ принятъ въ современной законодательной практикѣ всѣхъ иностранныхъ государствъ (за исключеніемъ Италіи). Этотъ взглядъ вполне согласуется и съ духомъ нашего законодательства. Даже въ позднѣйшихъ конвенціяхъ, заключенныхъ Россіей въ 1874, 1875 и 1876 годахъ съ Франціей, Германіей, Италіей и Испаніей, на особенно льготныхъ для иностранцевъ условіяхъ по отношенію къ наслѣдованію въ движимостяхъ, вездѣ строго и послѣдовательно проводится то коренное начало, усвоенное русскимъ законодательствомъ, что наслѣдованіе въ недвижимомъ имуществѣ послѣ иностранцевъ въ Россіи опредѣляется только русскими законами. Этотъ взглядъ на силу иностранныхъ законовъ проводится въ нашемъ законодательствѣ и по отношенію къ силѣ рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ. Содержащіяся по этому предмету въ уставѣ гражд. судопр. постановленія (ст. 1273—1281), признавая, при извѣстныхъ условіяхъ, силу означенныхъ рѣшеній въ имперіи, безусловно отвергаютъ ее въ томъ случаѣ, когда ими разрѣшаются споры о правѣ на недвижимыя имѣнія, въ Россіи находящіяся.

Колебать означенное коренное начало и отступать от дѣйствующаго нынѣ у насъ порядка нѣтъ основанія еще и въ виду особенныхъ, своеобразныхъ условій нашего землевладѣнія, во многомъ отличныхъ, по характеру своему, отъ условій поземельнаго быта иностранныхъ государствъ. Условія же эти находятся въ связи съ той или другой системой наслѣдованія въ недвижимыхъ имуществѣхъ. Наконецъ, еслибъ, вопреки вышесказанному, примѣненіе русскаго закона къ наслѣдованію въ недвижимыхъ имуществѣхъ, оставшихся послѣ иностранцевъ въ Россіи, и могло стѣснить въ чемъ нибудь иностранцевъ, то, съ одной стороны, обстоятельство это, въ виду приведенныхъ здѣсь соображеній, едва ли можетъ имѣть особенную важность, съ другой -- оно послужитъ къ весьма желательному утвержденію въ нашемъ отечествѣ русскаго землевладѣнія, которое, къ сожалѣнію, не мало пострадало отъ неумѣреннаго расширенія землевладѣнія иностранцевъ, что и вызвало извѣстный всѣмъ законъ 14 мая 1887 года.

VII.

Отвергая, по изложеннымъ основаніямъ, принципъ личнаго (національнаго) закона въ примѣненіи къ наслѣдованію въ недвижимомъ имуществѣ иностранцевъ, мы тѣмъ не менѣе, согласно мнѣнію г. Мыша, признаемъ вполне раціональнымъ подчинить этому принципу наслѣдованіе въ движимомъ имуществѣ. Къ такому выводу мы приходимъ, однакожъ, не по соображеніямъ, основаннымъ на фивіціяхъ, а по чисто практическимъ мотивамъ, основаннымъ на цѣлесообразности этого правила въ интересахъ международнаго обмѣна. Мотивы эти кратко и точно формулированы въ извѣстномъ сочиненіи Aubry и Rau „Cours du droit civil francais“ (t. 1 p. 103). Поэтому, чтобы не останавливаться долго на этомъ вопросѣ, мы считаемъ достаточнымъ привести относящееся сюда мѣсто изъ упомянутаго сочиненія. Вотъ, что говоритъ, Aubry и Rau по поводу этого правила: „По нашему мнѣнію“ объясняютъ они, „правило это основано на международной уступкѣ, которая оправдывается слѣдующими двумя соображеніями: не раціонально было бы ставить порядокъ

наслѣдованія въ движимостяхъ въ зависимость отъ того чисто случайнаго обстоятельства, что лицо, умершее на иностранной территоріи, перенесло туда болѣе или менѣе значительныя движимыя цѣнности. Съ другой стороны, опасеніе примѣненія иностраннаго закона къ порядку наслѣдованія въ движимостяхъ, могло бы, къ общему ущербу всѣхъ націй, послужить препятствіемъ для поселенія и даже для путешествій въ чужихъ странахъ“. Это объясненіе гораздо проще и убѣдительнѣе, чѣмъ разныя фивціи о продолженіи личности наслѣдодателя, о томъ, что движимость прилегаеть къ востямъ ея (*mobilia ossibus personae inhaerent*) и проч., которыми теоретики силятся иногда объяснить и оправдать правило безъ того достаточно ясное и оправдывающееся цѣлесообразностью.

Въ пользу подчиненія права наслѣдованія *въ движимостяхъ* личному закону наслѣдодателя можно сослаться также, какъ это правильно замѣчаетъ г. Мышь, на примѣръ всѣхъ иностранныхъ государствъ, которыя твердо усвоили себѣ это правило, а равнымъ образомъ и на позднѣйшія конвенціи Россіи съ четырьмя, упомянутыми выше иностранными державами, въ которыхъ проводится тотъ же принципъ.

VIII.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ условіи взаимности. Въ вышеприведенномъ тезисѣ своемъ г. Мышь предлагаетъ: при отсутствіи взаимности, т. е. въ томъ случаѣ, когда въ отечествѣ иностранца къ наслѣдованію послѣ русскихъ подданныхъ не примѣняется ихъ національный законъ, подчинить право наслѣдованія послѣ иностранцевъ въ Россіи (какъ въ недвижимомъ, такъ и въ движимомъ имуществѣ) территоріальному закону Имперіи. Въ оправданіе этого, авторъ ссылагается на то, что принципъ взаимности вообще соблюдается въ международныхъ отношеніяхъ. Относительно этого слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, что система взаимности далеко не имѣетъ значенія такого непреложнаго начала, которое всегда и вездѣ соблюдалось бы въ практикѣ частнаго международнаго права. Въ доказательство этого достаточно указать на нѣсколько примѣровъ. Извѣстно, что

еще не особенно давно иностранцы, въ силу такъ называемаго *jus albinagii* (*droit d'aubaine*), признавались неспособными ни наследовать, ни оставлять наследство. Когда во Франціи закономъ 14 іюля 1819 года означенное право было отмѣнено, то отмѣна эта, въ интересѣ національномъ, не была ограничена условіемъ взаимности. То же случилось въ Бельгіи и въ Голландіи, послѣдовавшихъ примѣру Франціи ¹⁾. Тосканское законодательство въ 1835 году (законъ 11 ноября 1835 года) также отвергло систему взаимности въ наследственномъ правѣ иностранцевъ, какъ несогласную съ дѣйствительными интересами государства ²⁾. Наконецъ система эта не признается вовсе въ наследственномъ правѣ итальянскимъ законодательствомъ (ст. 8 италіянск. гражд. кодекса). Независимо отъ этого, съ точки зрѣнія условія взаимности, подчиненіе права наследованія въ *движимомъ* имуществѣ территориальному закону въ данной странѣ могло бы быть оправдано лишь относительно иностранцевъ, въ отечествѣ которыхъ примѣнялся бы въ этомъ случаѣ тотъ же законъ къ подданнымъ этой страны. Между тѣмъ, какъ это видно изъ предъидущаго изложенія, во всѣхъ европейскихъ государствахъ (кромѣ Россіи) и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ право наследованія послѣ иностранцевъ въ *движимомъ* имуществѣ опредѣляется личнымъ, а не территориальнымъ закономъ. Въ этомъ пунктѣ иностранныя законодательства расходятся только въ томъ, что въ однихъ странахъ этотъ личный законъ примѣняется въ смыслѣ національнаго закона наследодателя, въ другихъ же—въ смыслѣ закона его постоянного мѣстожительства (*lex domicilii*). Поэтому и въ виду того, что стѣсненіе условіемъ взаимности принципа національнаго закона, по отношенію къ наследованію въ *движимостяхъ*, не оправдывалось бы и интересами международнаго общаго, мы находимъ болѣе цѣлесообразнымъ означенное условіе, въ этомъ случаѣ, совершенно устранить.

¹⁾ Droit civ. intern. par F. Laurent (t. II, pp. 31—32).

²⁾ Droit intern. par Pasquale Fiore, traduit de l'Italien, p. 35.

Что же касается недвижимыхъ имуществъ иностранцевъ въ Россіи, то примѣненіе къ нимъ въ правѣ наслѣдованія національнаго закона наслѣдодателя не оправдывалось бы выгодною Россіи и при условіи взаимности со стороны другихъ государствъ. Извѣстно, что за границею нѣтъ почти русскихъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, тогда какъ иностранцевъ, владѣющихъ таковою въ Россіи,—множество. Очевидно, что условіе взаимности могло бы доставить выгоду только иностранцамъ, а не русскимъ, которые не будутъ имѣть случая воспользоваться имъ.

Независимо отъ этого, условіе это играетъ вообще довольно странную роль въ тезисѣ автора по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ. Мы уже указывали на то, что право наслѣдованія послѣ иностранцевъ въ имуществѣхъ недвижимыхъ подчиняется во всѣхъ странахъ (кромя Италіи) территоріальному закону. Слѣдовательно, въ силу предлагаемаго авторомъ условія взаимности, и у насъ должно будетъ соблюдаться тоже правило. Другими словами, личный (національный) законъ наслѣдодателя останется, въ отношеніи недвижимостей, безъ всякаго примѣненія. Такимъ образомъ означенное условіе, въ этомъ случаѣ, сводитъ національный принципъ къ нулю, обращая законъ въ мертвую букву. Подобный результатъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что вся цѣль автора, какъ это видно изъ содержанія его статьи, заключается въ стремленіи его доказать необходимость примѣненія къ наслѣдованію послѣ иностранцевъ какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ, единаго принципа національнаго закона наслѣдодателя. Обстоятельство это служитъ поучительнымъ примѣромъ опасности увлекаться въ практикѣ утопіями, хотя бы даже и самыми почтенными по идеѣ, но для усвоенія которыхъ жизнью почва еще не подготовлена. Подобно всякимъ утопіямъ, принципъ, предлагаемый авторомъ, очевидно, боится опредѣленной формы закона. Поэтому, при первой попыткѣ дать ему такую форму въ тезисѣ, онъ обратился въ прахъ и разсѣялся какъ призракъ, несмотря на всю предшествующую аргументацію, положен-

ную въ основу тезиса. Если при одной такой попыткѣ уже, столь печальная участь постигла этотъ принципъ, то чего же можно ожидать отъ примѣненія ея на практикѣ! Приравнивая его къ *утопіямъ* мы имѣли въ виду, что ни признаніе новой идеи въ теоріи, ни послѣдовавшее уже осуществленіе ея въ законодательствѣ одной какой либо страны, не служатъ еще доказательствомъ пригодности ея для другихъ странъ въ данный моментъ времени. Платье, надѣваемое съ чужаго плеча, нерѣдко лопается и расползается по всѣмъ швамъ, обращаясь въ клочья, годные развѣ для тряпья. Тоже можетъ случиться и съ иностранными законодательными образцами, примѣняемыми къ жизни безъ соображенія съ условіями времени и мѣста. Какъ бы ни казался логичнымъ, въ теоріи, тотъ или другой принципъ, не слѣдуетъ забывать, что кромѣ логики принциповъ есть еще логика вещей; что эта послѣдняя, опираясь на дѣйствительныя потребности жизни, одна управляетъ ея явленіями и диктуетъ ей законы, что поэтому она всегда восторжествуетъ надъ самыми заманчивыми теоріями, не отвѣчающими означеннымъ потребностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, когда измѣнятся политическія условія и сильнѣе укрѣпится въ сознаніи народовъ чувство общей солидарности ихъ, либеральный принципъ, усвоенный по обсуждаемому вопросу Италіей, привьется и въ другихъ странахъ. Но теперь, когда, вслѣдствіе крайняго развитія духа политическаго соперничества, первостепенныя цивилизованныя націи, исповѣдующія христіанскій законъ любви къ ближнему, преисполнены чувства взаимнаго недовѣрія, зависти и вражды, помышляя лишь о первомъ удобномъ случаѣ для истребленія другъ друга,—время это еще не наступило для насъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, намъ казалось бы болѣе рациональнымъ вмѣсто предлагаемой авторомъ мѣры, ввести у насъ слѣдующее правило: право наслѣдованія въ движимыхъ имуществѣхъ, оставшихся послѣ иностранцевъ въ Россіи, опредѣляется личнымъ (національнымъ) закономъ на-

слѣдодателя; въ отношеніи же недвижимыхъ имуществъ сохраняетъ свою силу дѣйствующій нынѣ законъ.

Такимъ образомъ примиряются справедливые интересы иностранцевъ съ неменѣе справедливыми интересами Россіи, которые, какъ болѣе важные и близкіе намъ, должны стоять у насъ на первомъ планѣ.

Н. Барковский.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЗА НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ СЪ РАБОЧИМИ ¹⁾.

Вопросъ объ обезпеченіи участи рабочихъ, терпящихъ личныя поврежденія во время работы въ промышленныхъ предприятияхъ, въ настоящее время находитъ себѣ двоякій путь разрѣшенія. Съ одной стороны, онъ переносится на почву усиленія отвѣтственности владѣльцевъ предприятий и, потому, развивается стремленіе соотвѣтственно измѣнить нормы гражданской (индивидуальной) отвѣтственности предпринимателей; съ другой стороны, исходя изъ сознанія необходимости обезпечить этихъ рабочихъ, не взирая на причины несчастныхъ случаевъ, цѣли этой стремятся достигнуть организаціей соотвѣтственнаго страхованія рабочихъ. Оба эти пути довольно тѣсно между собою переплетаются, но допускаютъ и самостоятельное изслѣдованіе. Подробное разсмотрѣніе ихъ вмѣстѣ мы имѣемъ въ виду осуществить въ оканчиваемомъ печатаніемъ спеціальному по сему вопросу сочиненію. Теперь же наша цѣль заключается въ краткомъ изложеніи добытыхъ уже результатовъ, имѣя въ виду, практическое значеніе обсужденія перваго изъ этихъ вопросовъ въ средѣ юристовъ. Поэтому, здѣсь предпосылается сперва краткій очеркъ существующихъ законодательствъ объ отвѣтственности, а затѣмъ, въ видѣ выводовъ, указывается на желательныя измѣненія въ соотвѣтствующемъ русскомъ законодательствѣ.

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія с.-п.-бургск. юридическаго общества 28 ноября 1887 г.

Дѣйствующія въ различныхъ государствахъ законодательства объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими могутъ быть сведены въ слѣдующимъ тремъ системамъ, которыя и будутъ рассмотрѣны въ отдѣльности: 1) суженіе общихъ правовыхъ основаній этой отвѣтственности по отношенію къ рабочимъ (Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты); 2) примѣненіе къ рабочимъ общихъ правовыхъ положеній (Австрія, Франція и страны дѣйствія общихъ началъ наполеоновъ кодекса) и 3) усиленіе отвѣтственности по отношенію къ рабочимъ (Германія и Швейцарія).

А. Внутреннія основанія отвѣтственности.

І. Англійская теорія и практика суженія отвѣтственности.

Своеобразность англійской теоріи такъ называемаго *common employment'a* (совмѣстнаго занятія) заключается въ предположеніи, что рабочій, нанимаясь на работу, беретъ на себя весь рискъ по могущимъ съ нимъ произойти во время работы несчастнымъ случаямъ. Это положеніе вытекаетъ, съ одной стороны, изъ господствующихъ среди англійскихъ экономистовъ взглядовъ на существо заработной платы, которая предполагается включающей въ себѣ соответствующую рисковую премію. Плата эта должна быть выше въ предпріятіяхъ, сопряженныхъ съ особою опасностью для жизни и здоровья рабочихъ и ниже - въ обыкновенныхъ. Этотъ же взглядъ нашелъ себѣ примѣненіе и въ практикѣ англійскихъ судовъ, которые, при полномъ отсутствіи прямыхъ указаній закона (до акта 1880 г.), возлагали на владѣльцевъ предпріятій отвѣтственность за несчастные случаи съ рабочими только при наличности доказанной *личной* вины предпринимателя. Подъ этой личной виной подразумѣвались: неисправное содержаніе машинъ и различныхъ сооружений, неправильныя распоряженія и несоблюденіе предписанныхъ особыми постановленіями правилъ относительно производства работы. За дѣйствія

или неосторожность своихъ служащихъ, хотя бы и высшихъ, хозяева передъ рабочими не отвѣчаютъ, потому что всѣ служащіе и рабочіе считаются сотоварищами по работѣ (*fellow-servants*), безъ различія ранговъ. Требованіе присутствія *личной* вины хозяина выражалось особенно рельефно въ томъ, что въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ какому либо обществу или компаніи, никто не отвѣтственъ за несчастные случаи съ рабочими, потому что нѣтъ въ буквальномъ смыслѣ слова *личности* хозяина, какъ лица физическаго, а не юридическаго.

Въ то же время передъ всѣми посторонними лицами хозяева и предприниматели всегда и безусловно отвѣчаютъ за всякое дѣйствіе или неосторожность ихъ служащихъ или рабочихъ безъ различія занимаемыхъ ими должностей.

Въ основаніи такой широкой отвѣтственности лежатъ нѣкоторыя юридическія сентенціи, которыя англійскіе юристы иногда выдаютъ за римско-правовыя положенія, вѣроятно потому только, что онѣ приводятся обыкновенно на латинскомъ языкѣ. Таковы: „*Respondeat superior*“ (отвѣчаетъ старшій) и „*Quid facit per alium—facit per se*“ (кто сдѣлалъ черезъ (посредство) другаго—сдѣлалъ (какъ бы) самъ). Нѣкоторое основаніе для признанія въ этихъ толкованіяхъ римско-правовыхъ началъ можно видѣть въ существовавшей у римлянъ отвѣтственности главы семьи за дѣйствія членовъ своей семьи и рабовъ (*diligentia boni patris familias*). Англійскіе судьи заставляютъ хозяина отвѣчать за своихъ рабочихъ, кромѣ того, еще потому, что слуги и рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, несостоятельны въ несеніи имущественной отвѣтственности за причиняемые ими постороннимъ лицамъ убытки при исполненіи возложенныхъ на нихъ хозяиномъ порученій.

Такое неодинаковое отношеніе обычнаго судебного права къ правамъ рабочихъ и постороннихъ лицъ и представляетъ собой систему суженія отвѣтственности по отношенію къ рабочимъ. Въ тѣхъ же немногихъ и рѣдкихъ случаяхъ, когда рабочіе получаютъ по суду право на вознагражденіе за лич-

ныя поврежденія, назначеніе послѣдняго мотивируется слѣдующими особыми соображеніями ²⁾:

Рабочіе при заключеніи условій найма какъ бы договариваются принять на себя *обычный* рискъ предпріятія, т. е. нести послѣдствія обыкновенныхъ, сопряженныхъ съ существомъ промысла опасностей, порождающихъ въ сущности наибольшее количество несчастныхъ случаевъ. Но за исключительную свою небрежность хозяинъ уже отвѣчаетъ; и эта отвѣтственность можетъ быть выводима уже прямо изъ особыхъ законовъ, предписывающихъ ему обязательное соблюденіе нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности. Не есть ли это нѣкоторый отголосокъ понятія *obligatio ex lege*? Во всякомъ случаѣ отвѣтственность предпринимателя вытекаетъ здѣсь изъ наличности его грубой вины, которая каждый разъ особо должна быть доказана пострадавшимъ. Фактически однако это приводитъ къ почти полной безотвѣтственности хозяевъ, такъ какъ послѣдніе *лично* рѣдко слѣдятъ за производствомъ работъ и не отдають *лично* приказаній, а поручають это своимъ старшимъ служащимъ. Такія положенія прежде одинаково прилагались ко всѣмъ видамъ промышленныхъ предпріятій, въ томъ числѣ и желѣзно-дорожнымъ. Въ послѣднихъ отвѣтственность даже передъ пассажирами распространялась лишь на случаи ихъ увѣчья, но не смерти. Только по акту 1846 г. (такъ назыв. Lord Cambell's Act) семьи убитыхъ пассажировъ получили право исвать возмѣщеніе понесенныхъ убытковъ. Но и тутъ любопытно, что это право могло быть признаннымъ за ними только тогда, если виновнымъ лицомъ не былъ кто либо изъ прислуги того поѣзда, на которомъ ѣхалъ убитый пассажиръ. Это отрицаніе права на вознагражденіе вытекало въ такомъ случаѣ изъ того, что машинистъ и тому подобные были добровольно избранными

²⁾ Лучшіе комментаріи англійскаго закона объ отвѣтственности 1880 г. и прежней практики судовъ служатъ слѣдующія сочиненія: Roberts and Walloce, A summary of the law on the liability of employers etc. 1881.—Hor Smith, The employers liability act 1880.—Rose-Innes, Employers and employed. 1881.

агентами убитого. Само собой что послѣднее есть не что иное, какъ сильная натяжка или фѣкція, такъ какъ о сознательномъ или даже и безсознательномъ выборѣ этихъ лицъ вѣдущими не можетъ быть и рѣчи.

Что касается до терпящихъ личныя поврежденія рабочихъ, то передъ ними ни въ какомъ случаѣ желѣзная дорога не отвѣчала. Ради сложенія этой отвѣтственности была даже изобрѣтена особая математическая теорія риска, именно, что рискъ поѣздной прислуги увеличивается прямо пропорціонально числу стрѣлокъ, черезъ которыя приходится проѣзжать поѣзду. Еще передъ пассажирами за ошибку стрѣлочника желѣзн. дор. общество отвѣчаетъ; передъ своими же служащими—ни въ какомъ случаѣ. Это потому, что всѣ служащіе между собой состоятъ въ сотовариществѣ по одному общему дѣлу. Вступая на службу, рабочіе и служащіе должны знать своихъ будущихъ сотоварищей. Если же послѣдніе оказываются неловкими, неисправными и тому подоб., то за нихъ хозяева не обязаны отвѣчать вообще, потому что вольно же было пострадавшимъ наниматься на работу въ сообществѣ съ ними. Только въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда можно бываетъ доказать вообще непригодность къ работѣ виновныхъ, то хозяинъ отвѣтитъ за дурной выборъ своихъ служащихъ. Но и то лишь тогда, если будетъ доказано, что пострадавшій рабочій не зналъ заранее объ этой непригодности служащаго.

Спрашивается, мыслимо ли при этихъ условіяхъ когда либо выиграть искъ? Вопросъ представляется неразрѣшимой дилеммой, потому что одинъ только фактъ провинности или ошибки служащаго самъ по себѣ не признавался еще доказательствомъ его непригодности къ исполненію своихъ обязанностей вообще. Здѣсь нѣтъ презумпціи дурнаго выбора (*culpa in eligendo*). Если же пострадавшій цѣлымъ рядомъ предшествующихъ фактовъ станетъ доказывать общую негодность къ службѣ виновнаго, то тѣмъ самымъ онъ докажетъ, что зналъ объ этой негодности его раньше и тѣмъ не менѣе нанялся на работу. Положеніе, стало быть, во всякомъ случаѣ

безысходное для пострадавшего. Допускать предположеніе, что рабочій можетъ въ дѣйствительности знать лично всѣхъ своихъ сотоварищей по работѣ немислимо, въ особенности въ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ. Значить, вмѣсто презумпціи дурного выбора служащихъ хозяиномъ, есть ни на чемъ неоснованная фикція, что поступающіе на работу знаютъ всѣхъ уже служащихъ. Довольно того, чтобы несчастіе вытекало изъ существа предпріятія или дѣйствія сотоварищей по работѣ, чтобы тѣмъ самымъ терялось всякое право на полученіе вознагражденія за понесенное поврежденіе. Не можетъ также быть поставлено въ винѣ хозяину и недостаточное число надсмотрщиковъ и т. п. лицъ.

Въ виду такой крайней беззащитности положенія рабочихъ, въ 1880 г. былъ изданъ наконецъ актъ объ отвѣтственности предпринимателей, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ:

I. Тамъ, гдѣ, по вступленіи въ силу этого закона, личное поврежденіе причиняется рабочему:

- 1) По причинѣ какого-либо *недостатка* въ путяхъ, способахъ, механизмахъ или принадлежностяхъ, сопряженныхъ съ производствомъ предпринимателя или употребляемыхъ въ немъ, или
- 2) По причинѣ *небрежности* какого-либо лица на службѣ предпринимателя, которому ввѣренъ какой-либо надзоръ, при исполненіи имъ такого надзора, или
- 3) По причинѣ *небрежности* какого-либо лица на службѣ предпринимателя, коего приказамъ или указаніямъ рабочій, въ моментъ его личнаго поврежденія, долженъ былъ слѣдовать, и дѣйствительно слѣдовалъ, если поврежденіе вытекало именно изъ исполненія рабочимъ этого приказанія, или
- 4) По причинѣ *дѣйствія* или *упущенія* какого-либо лица на службѣ предпринимателя, совершеннаго или сдѣланнаго имъ согласно правиламъ или особымъ постановленіямъ предпринимателя, или согласно частнымъ инструкціямъ, даннымъ кѣмъ-либо облеченнымъ въ этомъ отношеніи властью предпринимателя, или
- 5) По причинѣ *небрежности* какого-либо лица на службѣ предпринимателя, на коего возложено попеченіе или контроль надъ какими-либо сигналами, стрѣлками, локомотивною машиною, или поѣздомъ на желѣзно-дорожномъ пути,—

самъ рабочій, или, въ случаѣ его смерти отъ даннаго поврежденія, его законные представители и всякія лица, къ которымъ переходятъ его права (entitled) въ случаѣ его смерти, получаютъ такіа

права на возмѣщеніе убытковъ или вознагражденіе со стороны предпринимателя, какъ если бы (потерпѣвшій) рабочій не былъ рабочимъ этого предпринимателя, не былъ бы у него на службѣ, или не былъ занятъ его работой (т. е., значить, такъ, какъ вообще имѣютъ право на вознагражденіе лица, не подходившія подъ понятіе *common employment*).

Уже одно столь подробное перечисленіе этихъ причинъ, какова мы не встрѣтимъ болѣе ни въ одномъ изъ спеціальныхъ законовъ объ отвѣтственности въ другихъ государствахъ, указываетъ на стремленіе законодателя привести примѣненіе закона на дѣлѣ къ ограничительному его толкованію; другими словами: открыть предпринимателямъ лазейку для сложенія съ себя отвѣтственности на томъ основаніи, что рассматриваемая конкретная причина несчастнаго случая не подходитъ въ точности подъ одну изъ причинъ, точно обозначеннаго въ законѣ.

Только по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ законъ довольно существенно расширяетъ условія отвѣтственности, возлагая послѣднюю на владѣльцевъ предпріятія за всякую провинность или ошибку всякаго изъ служащихъ. Въ обыкновенныхъ же промышленныхъ предпріятіяхъ они отвѣтственны за дѣйствія лишь тѣхъ изъ нихъ, „которыхъ единственную или главную обязанность составляетъ надзоръ и которые не заняты обыкновеннымъ ручнымъ трудомъ“, какъ это разъяснено въ ст. 8 того же закона.

Это опредѣленіе очень пригодилося англійскимъ судьямъ въ дѣлѣ защиты интересовъ предпринимателей. Такъ, въ чрезвычайно интересныхъ матеріалахъ, собранныхъ особо парламентскою комиссіей по пересмотру этого закона, засѣдавшей въ теченіи весны 1886 г., есть прямые указанія или примѣры, что судъ нерѣдко отказывалъ въ искѣ пострадавшему рабочему на томъ основаніи, что причиной его поврежденія была небрежность лица, котораго не исключительную обязанность составлялъ надзоръ за работой¹⁾; поэтому

¹⁾ Report from the Select Committee on the Empl.-Lial Act. (1880) Amendment Bill. 1886. Appendix. стр. 473 приведены протоколы такихъ судебныхъ рѣшеній, а кромѣ того, раньше въ многочисленныхъ показаніяхъ, вызванныхъ свидѣтелей (*minutes of evidence*).

коммисія выставила, въ числѣ прочихъ пунктовъ измѣненій закона 1880 г., требованіе отмѣны этого опредѣленія, вычеркивая этотъ 8 пунктъ цѣликомъ ¹⁾. Но въ дѣятельности этой коммисіи намъ еще придется вернуться при разсмотрѣніи вообще различныхъ проектовъ измѣненій законовъ объ отвѣтственности въ разныхъ государствахъ. Теперь же продолжимъ изслѣдованіе этого закона самого по себѣ.

Не довольствуясь вышеприведенными положительными указаніями причинъ, законъ еще болѣе ограничиваетъ возможность фактическаго своего примѣненія, прямо указывая въ своей ст. 2 средства для сложенія съ себя предпринима-телями обязанности вознаграждать потерпѣвшихъ, а именно:

II. Рабочій не получаетъ по этому закону права на какое либо возмѣщеніе убытковъ или вознагражденіе съ предпринимателя въ какомъ-либо изъ слѣдующихъ случаевъ, а именно:

- 1) По подраздѣленію 1 статьи, если только упомянутый тамъ недостатокъ произошелъ или остался нераскрытымъ, или неисправленнымъ не вслѣдствіе небрежности предпринимателя или лица, находящагося у него на службѣ, на обязанности коего лежалъ надзоръ за соблюденіемъ должной исправности путей, работъ, механизмовъ или сооружений.
- 2) По подраздѣленію 4 статьи I, если только поврежденіе не является результатомъ какой-либо несостоятельности или недостатка въ упомянутыхъ тамъ правилахъ, особыхъ распоряженіяхъ и инструкціяхъ, предполагая, что если всѣ эти правила, какъ таковыя, приняты или одобрены однимъ изъ главныхъ статсъ-секретарей ея величества или торговой камерой, или какимъ-либо инымъ правительственнымъ органомъ, согласно или въ силу какого-либо парламентскаго акта, то они (эти правила) не должны считаться, по смыслу настоящаго акта, за несоотвѣтствующія или недостаточныя правила.
- 3) Во всякомъ случаѣ, когда рабочій зналъ о недостаткѣ или небрежности, причинившихъ ему поврежденіе и замедлилъ въ надлежащій срокъ, или долженъ былъ дать знать объ этомъ предпринимателю или какому-либо лицу, стоящему выше его на службѣ у предпринимателя, за исключеніемъ того случая, когда ему было извѣстно, что предприниматель или такое высшее лицо знали уже о данномъ недостаткѣ или небрежности.

Разбирая значеніе этихъ случаевъ сложенія отвѣтственности, мы можемъ сказать по отношенію къ первому пунк-

¹⁾ Ibid Special Report, пунктъ 5, стр. IV, и тамъ же въ Proceedings of the Committee, стр. XII.

ту, что онъ представляется плеоназмомъ, такъ какъ если въ положительной статьѣ говорится, что фабриканты отвѣчаютъ за извѣстную вину, то, конечно, само собою разумѣется, что при отсутствіи этой вины отвѣтственность слагается. Подобная отрицательная статья могла бы еще имѣть смыслъ въ процессуальномъ отношеніи, при условіи возложенія бремени доказательствъ (*onus probandi*) на отвѣтника-фабриканта, чтобы указать ему путь и средства для защиты. Въ данномъ же случаѣ это совершенно излишне, такъ какъ бремя представленія доказательствъ виновности его (хозяина) лежитъ на рабочемъ. Слѣдовательно, если рабочимъ не доказана наличность какого-либо недостатка, устраненіе котораго вообще могло лежать на обязанности хозяина, то послѣднему отвѣчать и не приходится, потому что это уже была бы отвѣтственность за простую случайность, т. е. *casus*, о чемъ въ законѣ и рѣчи нѣтъ. Можно сказать поэтому, что этотъ пунктъ характеристиченъ, какъ наглядное выраженіе симпатій законодательства къ отвѣтнику, которому законъ, попросту говоря, *подсказываетъ*, какъ нужно защищаться.

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ есть уже, однако, прямая *указанія* на средства защиты, въ смыслѣ прямого ограниченія отвѣтственности. Такъ, пунктъ второй исключаетъ отвѣтственность за распоряженія, правила и т. п., если они были утверждены органами правительственной власти; стало быть, тутъ опять можетъ возникнуть вышеуказанный вопросъ, — было ли причинено поврежденіе даннымъ правиломъ самимъ по себѣ или одною изъ совмѣстно дѣйствующихъ причинъ при исполненіи приказаній, изъ которыхъ поврежденіе вытекало. Само по себѣ извѣстное правило можетъ быть одобрено правительствомъ, но въ своемъ конкретномъ примѣненіи оно можетъ быть и неправильно; а между тѣмъ законъ даетъ возможность укрываться за это признаніе его правительствомъ. Очевидно, что разрѣшеніе вопроса о правильности фабричныхъ порядковъ и распоряженій должно разрѣшаться въ каждомъ случаѣ отдѣльно, по совокупности обстоятельствъ, вызвавшихъ несчастный случай.

Но самое значительное ограниченіе дѣйствія закона заключается въ пунктѣ 3 ст. 2, по которому рабочій въполнѣ теряетъ право на вознагражденіе, если онъ зналъ о недостаткѣ или небрежности, причинившихъ ему поврежденіе, но во время не далъ знать объ этомъ хозяину или старшему надъ собою рабочему. Этимъ пунктомъ, по мнѣнію Гораса Смита, возстановляется значеніе прежняго обычнаго закона, по которому знаніе опасности равносильно принятію на себя добровольнаго риска ¹⁾).

Очевидно, что всѣ эти оговорки имѣютъ цѣлью выставить вообще доктрину *контрибутивной небрежности*, т. е. совмѣстной виновности пострадавшихъ, которая и служитъ юридическимъ выраженіемъ ея ложной экономической основы — необходимости раздѣленія риска между хозяевами и рабочими, въполнѣ противорѣчащей основамъ современнаго хозяйства, въ которомъ роль и доходъ предпринимателя опредѣляется именно выдѣленіемъ исключительно на его долю полного риска и отвѣтственности. Прибавимъ еще, что въ законѣ нѣтъ за-прещенія предпринимателямъ заключать особые соглашенія съ рабочими съ цѣлью обхода закона; это и дало поводъ къ тому, что въ громадномъ числѣ случаевъ законъ вовсе не примѣнялся на дѣлѣ, такъ какъ предприниматели не иначе соглашались принимать къ себѣ рабочихъ на работу, какъ вынудивъ у нихъ письменное согласіе, что они отказываются отъ правъ, предоставляемыхъ имъ этимъ закономъ. (Многочисленные примѣры въ указанномъ отчетѣ парламентской комиссіи о законѣ 1880 г.).

Англійская доктрина *common employment* почти цѣликомъ перенесена была и въ *Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты*, въ которыхъ нѣтъ никакого особаго законодательства объ отвѣтственности ни для всего государства, ни для отдѣльныхъ штатовъ. Есть только нѣкоторое усиленіе отвѣтственности по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ тамъ за вину служащихъ предпріятіе отвѣчаетъ иногда и

¹⁾ Н. Smith, назван. сочин., стр. 6.

передъ своими же рабочими. Но это, насколько намъ извѣстно, дѣлается не на основаніи особаго закона, а выработалось практикой судовъ, вслѣдствіе особой опасности этихъ предприятий и ихъ обширности, не дающей возможности служащимъ достаточно ознакомиться съ степенью опасности въ частностяхъ и, потому, принять на себя сознательно весь рискъ, сопряженный съ ихъ занятіемъ ¹⁾).

Изъ всего этого видно, до какой степени живуча еще въ этихъ странахъ теорія common employment'a, служба средствомъ служенія общимъ основаніямъ отвѣтственности въ примѣненіи ихъ къ рабочимъ. Объ остальныхъ недостаткахъ этой системы мы будемъ говорить далѣе въ своемъ мѣстѣ.

II. Обще-гражданскія основанія отвѣтственности въ примѣненіи къ рабочимъ въ предприятияхъ.

Общія и одинаковыя основанія отвѣтственности по отношенію какъ къ частнымъ лицамъ вообще, такъ и къ рабочимъ, примѣняются въ Австріи и въ странахъ, гдѣ въ общихъ чертахъ дѣйствуетъ гражданскій кодексъ Наполеона. Отвѣтственность эта однако значительно уже въ Австріи сравнительно съ послѣдними странами ²⁾). Основаніемъ этой отвѣтственности въ Австріи является, прежде всего, личная непосредственная вина хозяина и несоблюденіе имъ обязательныхъ мѣръ предосторожности; но на него не распространяется отвѣтственность за дѣйствія его служащихъ и рабочихъ. Та-

¹⁾ John Whiting. Ueber die Haftpflicht in den Vereinigten Staaten. Schr. d. Ver. f. Soc. Pol. т. XIX, стр. 96). Усиленіе строгости касается, однако, только отвѣтственности за дѣйствія служащихъ, но не недостатка машинъ, сооружений и т. п., что видно изъ приводимыхъ въ этой статьѣ примѣровъ: въ одномъ случаѣ, когда сцѣпщикъ вагоновъ получилъ поврежденіе отъ того, что буфера были слишкомъ коротки, ему присуждено было вознагражденіе, а въ другомъ, когда несчастіе произошло отъ того, что буфера были не на одинаковой высотѣ—нѣтъ, такъ какъ подобнаго рода недостатокъ чаще встрѣчается чѣмъ первый и, потому, рабочій могъ знать это.

²⁾ См. статьи Randa и Bräfa въ томъ XIX Schr. d. Ver. f. Socialpolitik Kasnopolski въ статьѣ о новомъ австр. промышл. уставѣ 1885 г. въ Zeitschr. f. d. öffentl. u. priv. Recht (Grünhuth'a), 1887 г., томъ XIV, стр. 2.

кое распространение может иметь место лишь тогда, если хозяину может быть поставленъ въ вину выборъ или поручение занятій лицамъ негоднымъ, неспособнымъ и опаснымъ, или оставление у себя на службѣ лицъ, оказавшихся таковыми вполнѣдствіи (§§ 1161, 1315 и 1010). Вина, стало быть, выражаетъ собою такъ называемую *culpa in eligendo*, и таковая служитъ косвеннымъ основаніемъ отвѣтственности хозяевъ за вредъ и убытки, а въ томъ числѣ и за личныя поврежденія, причиняемыя служащими рабочимъ.

При такой постановкѣ вопроса очевидно, что истцу нужно доказать не наличную только виновность или небрежность этихъ служащихъ при каждомъ отдѣльномъ несчастномъ случаѣ, а цѣлымъ рядомъ фактовъ удостовѣрить ихъ негодность или неспособность къ исправному исполненію служебныхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что доказать это можетъ удаваться лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, вѣроятно, и самъ хозяинъ знаетъ про это, но почему либо назначаетъ такихъ негодныхъ лицъ или продолжаетъ оставлять ихъ у себя на службѣ. Степень виновности этихъ служащихъ, поэтому, разумѣется, не имѣетъ значенія, т. е. все равно—будетъ ли это грубая вина или простая, небрежность или невнимательность, т. е. положительная или отрицательная вина, такъ какъ рѣшающимъ моментомъ здѣсь является болѣе или менѣе дѣйствующая неспособность, негодность и т. п. Дурной выборъ служащихъ понимается здѣсь въ буквальномъ смыслѣ слова, а не служить извѣстною фикціей или презумпціей, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ отвѣчаетъ вообще за дѣйствія своихъ служащихъ и когда изъ наличности единичной виновности служащаго дѣлается, такъ сказать, *ex post facto*, заключеніе о его негодности. Нечего и говорить, значить, о томъ, что при такихъ ограниченныхъ основаніяхъ, отвѣтственность фактически сводится почти къ нулю, такъ какъ личную вину хозяина пострадавшимъ вообще доказывать очень трудно; тѣмъ болѣе, что тутъ совершенно не выдѣляются отрасли промышленности особенно опасныя, а съ хозяина требуется вообще только обык-

новенная внимательность къ своему дѣлу, такъ что основаніемъ отвѣтственности, по мнѣнію проф. Randa, является только *obligatio ex delicto*, а не *ex quasi-delicto* ¹⁾. Дѣлая общее заключеніе о качествахъ австрійскаго законодательства объ отвѣтственности, слѣдуетъ, очевидно, признать его весьма неудовлетворительнымъ и въ незначительной лишь степени превосходящимъ прежній англійскій обычный законъ о *common employment*'ѣ. Преимущество въ сравненіи съ послѣднимъ на сторонѣ австрійскаго заключается лишь въ томъ, что со стороны хозяина требуется извѣстная средняя степень внимательности въ веденіи дѣла (*diligentia*), несоблюденіе которой можетъ быть поставлено ему въ вину, тогда какъ по англійскимъ прежнимъ обычаямъ рабочій могъ требовать вознагражденія только въ случаяхъ болѣе или менѣе грубой личной вины хозяина.

Причина недостаточности и ограниченности австрійской отвѣтственности можетъ быть объяснена болѣе позднимъ здѣсь, въ сравненіи съ Англіей развитіемъ крупной промышленности, порождающей особо опасныя условія работы, по отношенію къ которой общее гражданское законодательство этой страны является просто слишкомъ отсталымъ. но въ тоже время, однако. при отсутствіи здѣсь услужливыхъ, по отношенію къ фабрикантамъ, особыхъ экономическихъ теорій.

Гораздо болѣе широкими являются основанія общей гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки, наносимые дѣяніемъ одного лица другому по *Code Napoléon*, который въ этомъ отношеніи распространяетъ свое дѣйствіе не только на свою родину, Францію, но, за небольшими измѣненіями и на многія другія государства, какъ напримѣръ Италія, Бельгія, Нидерланды и нѣкоторыя части Германіи ²⁾. Общая

¹⁾ Randa, стр. 4. Krasnopolski приводитъ, однако, примѣры, что суды не всегда требуютъ отъ истца полного доказательства виновности отвѣтчика, а сами ищутъ причины несчастія въ несоблюденіи послѣднимъ мѣръ предосторожности (назв. соч., стр. 298 и др.).

²⁾ F. Laurent, Principes de droit civil. Dalloz, Repertoire méthodique et alphabétique de législation etc. Sourdat, Traité génér. d. l. responsabilité. Saintelette, de la responsabilité et de la garantie. 1884.

гражданская отвѣтственность по французскому кодексу применяется одинаково, какъ въ отношеніяхъ частныхъ лицъ между собою вообще, такъ и въ отношеніяхъ между хозяевами и служащими у нихъ рабочими, прислугой и т. п.

Нормы разбираемой отвѣтственности помѣщаются во французскомъ гражданскомъ кодексѣ въ отдѣлѣ обязательствъ, возникающихъ безъ договора (L. III, Titre IV. Des engagements qui se forment sans convention), въ главѣ (II) о деликтахъ и quasi-деликтахъ, ст. 1382, 1383 и 1384. Этимъ характеризуется, между прочимъ, и отношеніе законодательства и судебной практики къ отвѣтственности хозяевъ передъ рабочими въ томъ смыслѣ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ исключеніи рабочихъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право на возмѣщеніе убытковъ, вытекающихъ изъ преступленій и проступковъ. Очевидно также, стало быть, что договоръ о наймѣ на работу не предполагается включающимъ въ себя (какъ это есть по англійскому праву) особаго договора о принятіи на себя рабочимъ обычнаго, связаннаго съ работою въ данномъ предпріятіи, риска.

Существующіе во французскихъ гражданскихъ законахъ особые виды усиленной отвѣтственности имѣютъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ есть такіе особые договоры, какъ напримѣръ, договоры о перевозкѣ, сухопутной или морской (1782, 1783 и 1784), договоры о поклажѣ добровольной (1927, 1928 и 1929) и необходимой или неизбежной, какъ напримѣръ, при пожарахъ, крушеніяхъ, остановкахъ въ гостинницахъ и т. п. (1949, 1953 и 1954), хотя тутъ собственно договора особеннаго и нѣтъ.

Возможность широкаго толкованія общихъ нормъ отвѣтственности особенно наглядно выступаетъ въ томъ, что желѣзныя дороги здѣсь отвѣчаютъ не по особому закону, какъ это есть въ большинствѣ другихъ государствъ, а по этимъ же общимъ нормамъ, что не мѣшаетъ имъ, однако, отвѣчать почти не въ меньшихъ размѣрахъ, какъ при особыхъ условіяхъ отвѣтственности.

Всѣ основанія общей гражданской отвѣтственности по французскому кодексу заключаются въ названныхъ выше трехъ статьяхъ, которыя, для ясности дальнѣйшаго изложенія, мы и приводимъ цѣликомъ, а именно:

1382. Всякое дѣйствіе лица, причинившее другому лицу вредъ (или убытокъ, *dommage*), обязываетъ того, по чьей винѣ (*faute*) онъ нанесенъ, возмѣстить этотъ убытокъ.

1383. Всякое лицо отвѣчаетъ за вредъ, причиненный не только его дѣйствіемъ (*fait*), но и его небрежностью или неосгороженностью (*negligence et imprudence*).

1384. Каждый подлежитъ отвѣтственности не только за вредъ, причиненный собственнымъ дѣяніемъ, но еще и за вредъ, причиненный дѣйствіемъ лицъ, за которыхъ данное лицо обязано отвѣчать, или предметами, находящимися подъ его надзоромъ (а именно):

Отецъ, а равно и мать послѣ смерти мужа, *отвѣтственны* за вредъ, причиненный живущими съ ними несовершеннолѣтними дѣтьми.

Хозяева и довѣрители (*commettants*)—за вредъ, причиненный ихъ слугами и служащими (*preposés*), при исполненіи ими возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Воспитатели и ремесленники—за вредъ, причиненный ихъ воспитанниками и учениками, пока послѣдніе находятся на ихъ попеченіи.

Упомянутая отвѣтственность наступаетъ (всегда), если только отецъ и мать, воспитатели и ремесленники не докажутъ, что они не имѣли возможности предотвратить дѣйствія, влекущаго за собою такую отвѣтственность.

По поводу послѣдняго пункта неоднократно кассационными рѣшеніями разъяснено, что такой способъ освобожденія отъ отвѣтственности примѣнимъ только къ точно упомянутымъ въ этой оговоркѣ лицамъ, т. е. къ отцу и матери, воспитателямъ и ремесленникамъ, но не къ хозяевамъ и довѣрителямъ, которые не освобождаются по указанной причинѣ (невозможности предупредить дѣйствіе ихъ служащихъ) отъ установленной отвѣтственности.

Что подъ именемъ „*preposés*“ подразумѣваются не только служащіе, занимающіе какое нибудь высшее мѣсто, напримѣръ по надзору за веденіемъ работъ, но и простые рабочіе, это прямо слѣдуетъ изъ статьи того же кодекса, которая гласитъ, что:

1797. Предприниматель отвѣчаетъ за дѣйствіе лицъ, которыхъ онъ употребляетъ на работу (*qu'il emploie*).

Приступая къ разсмотрѣнію матеріальнаго содержанія и юридическаго толкованія этихъ статей французскаго кодекса, мы можемъ прежде всего сказать, что первыя двѣ статьи не представляютъ собою ничего оригинальнаго, по сравненію съ соотвѣтствующими статьями общихъ гражданскихъ кодексовъ другихъ странъ: это есть не что иное, какъ обыкновенная отвѣтственность за личное преступленіе, дѣяніе или проступокъ (*delictum* или *quasi-delictum*). Въ примѣненіи къ промышленнымъ предпріятіямъ—это есть наличность неправильнаго дѣйствія или распоряженіе самого хозяина, или несоблюденія имъ какихъ либо мѣръ предосторожности, которые онъ долженъ былъ соблюдать по общимъ правиламъ, не говоря уже о наказуемыхъ упущеніяхъ. Доказать виновность или наличность упущенія долженъ, по общимъ правиламъ судопроизводства, истецъ, потому что тутъ нѣтъ никакой презумпціи виновности.

Но иначе представляется дѣло по отношенію къ отвѣтственности за своихъ служащихъ, т. е. по статьямъ 1384 и 1797. По старымъ англійскимъ законамъ, за служащихъ лицъ хозяинъ отвѣчаетъ только передъ посторонними лицами, но не передъ рабочими, а по общимъ австрійскимъ—ни передъ тѣми, ни передъ другими, если только не будетъ доказана негодность этихъ служащихъ. Въ данномъ же случаѣ хозяинъ несетъ за нихъ *абсолютную* отвѣтственность, такъ какъ для того, чтобы получить право на вознагражденіе за причиненный служащими вредъ, потерпѣвшимъ нѣтъ надобности доказывать виновности хозяина въ дурномъ выборѣ служащихъ, а достаточно доказать только, что вредъ причиненъ дѣйствіемъ кого либо изъ служащихъ у даннаго хозяина; причемъ хозяинъ не можетъ оправдываться невозможностью предупрежденія означеннаго дѣйствія. *Съ внѣшней стороны* понятіе *вины* хозяина здѣсь, слѣдовательно, или вовсе не играетъ никакой *роли*, или если она есть, то только самая легкая (*culpa levissima*), или же, наконецъ, здѣсь можно найти только отдаленное основаніе отвѣтственности въ дурномъ выборѣ служащихъ (*culpa in eligendo*), въ слабомъ над-

зорѣ за ними или за самымъ предприятиемъ (*culpa in inspiciendo*). Последнее основаніе, по своему происхожденію, не можетъ быть отнесено къ праву римскому, которое не выдвигало въ качествѣ *особой* обязанности надзора за *промышленнымъ предприятиемъ*; такъ что подобная вина (*culpa in inspiciendo*) представляетъ собою скорѣе только извѣстную современную презумпцію виновности, выраженную латинскими словами. Аналогія развѣ только можетъ быть допущена между особою отвѣтственностью, существовавшею у римлянъ по отношенію къ поклажѣ, т. е. сохраненію ввѣреннаго имущества въ гостинницахъ и т. п. (*culpa in custodiendo*).

Изъ приводимой Лораномъ ¹⁾ массы примѣровъ и ссылокъ на судебныя и кассационныя рѣшенія можно вывести, что не только при безусловной отвѣтственности за вину третьихъ лицъ по ст. 1384, но и по ст. 1382 и 1383, хозяинъ предприятия отвѣчаетъ за малѣйшую небрежность и неосторожность, которую по общему правилу судопроизводства хотя и долженъ доказать потерпѣвшій, но, съ другой стороны, и самъ судъ долженъ войти въ подробное разсмотрѣніе причины всякаго понесеннаго ущерба или вреда. Если при этомъ окажется, что тутъ есть и контрибутивная, т. е. совмѣстная, вина потерпѣвшаго, то это еще не служитъ само по себѣ основаніемъ для освобожденія хозяина предприятия отъ отвѣтственности, при наличности хотя нѣкоторой легкой вины и небрежности съ его стороны. Нужно взвѣсить обѣ причины, и только при безусловномъ отсутствіи всякой вины хозяина, онъ можетъ быть эскупированъ ²⁾. При совмѣстной винѣ хозяина и рабочаго, вина хозяина должна быть измѣряема по болѣе крупному масштабу ³⁾, такъ какъ отъ хозяина можно и должно требовать больше предусмотритель-

¹⁾ F. Laurent, Principes de droit civil. Tome XX, 1876. и *его же*: Avant-projet de revision du code civil. Tome IV, 1884. (Bruxelles).

²⁾ Laurent, Principes, T. XX №№, 487 и 488 (ссылки съ указаніемъ однихъ №№ всѣ относятся только къ этому XX тому).

³⁾ Laurent, № 491.—Тоже и Saintelette, назв. сочин. стр. 111, 152 и друг.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1888 г.

ности, чѣмъ отъ рабочаго, какъ человѣка менѣе развитаго и нерѣдко, къ тому же, свыкающагося съ опасностью промысла ¹⁾).

По отношенію къ порядку представленія доказательствъ судебная практика выработала въ сущности нѣкоторое уклоненіе отъ общаго правила—представленія ихъ истцомъ: именно, потерпѣвшій долженъ доказать только причинную связь между понесеннымъ убыткомъ или поврежденіемъ и хотя бы самую легкую виною хозяина; хозяинъ же долженъ доказывать обратное, что съ его стороны нѣтъ хотя бы самой легкой вины, что въ сущности сводится къ ссылкѣ на непредотвратимый случай (*cas fortuit*) или на высшую стихійную силу (*force majeure*) ²⁾).

Для того, чтобы владѣлецъ предпріятія могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, нѣтъ надобности, чтобы мѣры предосторожности были предписаны ему заранѣе закономъ или какой либо особой инструкціей. Во Франціи, кромѣ того никѣмъ не подвергалось сомнѣнію, что подъ именемъ „*preposés*“ всегда понимаются и простые рабочіе, хотя это можно вывести еще и изъ приведенной выше 1797 статьи. Единственное сомнѣніе возникало только по отношенію къ примѣненію статьи 1384 къ отвѣтственности хозяевъ за вредъ, причиненный однимъ изъ ихъ рабочихъ другому. Сомнѣніе это, однако, возникало иногда только до 1841 года, когда высшій кассационный судъ отмѣнилъ рѣшеніе апелляціоннаго суда въ Тулузѣ, отказавшаго въ такомъ искѣ рабочему на томъ основаніи, что хозяинъ откупается выдаваемою заработною платой отъ отвѣтственности за поврежденія, причиняемыя рабочими другъ другу, такъ какъ они будто бы принимаютъ на себя рискъ, заключающійся въ опасности промысла ³⁾).

Со времени отмѣны такого рѣшенія и нѣсколькихъ единичныхъ подобныхъ же рѣшеній, послѣдовавшихъ раньше,

¹⁾ *ib.* № 488.

²⁾ *ib.* № 547.—*Saintelette*, стр. 136.

³⁾ *Dalloz, Répertoire etc.* томъ XXXIX слово: *Responsabilité* № 630, 1° 1.

во Франціи ни въ судебной практикѣ, ни въ юридической литературѣ вопросъ этотъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Лоранъ, поэтому, прямо устанавливаетъ такой принципъ отвѣтственности, говоря, что законъ общъ и не дѣлаетъ никакихъ отличій въ составѣ лицъ, какъ причиняющихъ вредъ, такъ и пострадавшихъ. Напротивъ того, онъ находитъ, что здѣсь еще только однимъ основаніемъ болѣе для отвѣтственности хозяина, который долженъ блюсти затѣмъ, чтобы не было причинено вреда кому либо изъ его рабочихъ вслѣдствіе небрежности или неблагоразумія другихъ. Отвѣтственность слагается съ него только въ томъ случаѣ, если дѣйствіе причинившаго вредъ лица не относилось вовсе до его обязанностей службы или работы. И далѣе (подъ тѣмъ же № 587), онъ говоритъ, что рабочій, если и принимаетъ на себя рискъ, то только по отношенію къ такимъ случаямъ, которые происходятъ помимо какой бы то ни было вины хозяина или его служащихъ; степень только *такого* риска и можетъ отражаться на величинѣ заработной платы. Въ разсматриваемомъ же случаѣ нельзя говорить, что заработная плата покрываетъ требованія рабочаго (*n'indemnie pas l'ouvrier*), такъ какъ деликты и quasi-деликты, очевидно, не принимаются во вниманіе при установленіи размѣра заработной платы. Выдаваемая хозяиномъ заработная плата, стало быть, ничего не имѣетъ общаго съ отвѣтственностью, возлагаемою на него (хозяина) закономъ.

Стремясь дать какое либо объясненіе основаніямъ разсматриваемой отвѣтственности и подводя ихъ подъ готовыя римско-правовыя понятія, Лоранъ и другіе французскіе юристы, въ сущности, должны прибѣгать къ разсмотрѣннымъ уже выше фикціямъ и натяжкамъ. Такъ, дѣлая выборъ между основаніями, отвѣтственности, вытекающими изъ недостатка надзора или изъ дурнаго выбора служащихъ, Лоранъ склоняется въ пользу послѣдняго объясненія. Недостатокъ надзора имъ отвергается, потому что фактически личное осуществленіе надзора есть дѣло почти невозможное для фабриканта. „Чтобы руководить онъ часто не имѣетъ на то

способности, а наблюдать ему—некогда. Но это не мѣшаетъ ему отвѣчать за рабочаго, если сдѣланъ дурной выборъ“ ¹⁾).

Но напирая на дурной выборъ, какъ на основаніе отвѣтственности или соотвѣтствующій quasi - деликтъ, далѣе, Лоранъ и самъ приходитъ къ выводу, что въ сущности это есть тоже не что иное какъ нѣкоторая фикція, а именно: „Что касается до вины (faute), вѣняемой предпринимателю въ оказаніи довѣрія людямъ злымъ, неловкимъ и неблагодарнымъ, то предполагается, что хозяева имѣютъ выборъ между служащими. Когда либо прежде, можетъ быть, оно такъ и было, но теперь это значительно измѣнилось. Пусть спросятъ у хозяекъ дома, имѣютъ ли онѣ дѣйствительно выборъ при наймѣ прислуги? Пусть спросятъ у представителей промышленности, возможно ли имъ выбирать ихъ рабочихъ, беря изъ нихъ только самыхъ способныхъ и нравственныхъ?.. При такомъ порядкѣ вещей презумпція виновности, на которой основана строгость закона, не имѣетъ болѣе своего *raison d'être*“ ²⁾).

Но если въ этомъ сомнѣвается самъ защитникъ такого основанія отвѣтственности, то, значить, можно усумниться и въ томъ, считалось ли это и самими законодателями за дѣйствительное основаніе. Любопытнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить матеріалы по исторіи составленія наполеонова кодекса, собранныя въ извѣстномъ комментарий *Loché* ³⁾). Въ этомъ изданіи помѣщены въ подлинникѣ мотивы разсматриваемыхъ статей и рѣчи или доклады, произнесенные составителемъ при обсужденіи ихъ въ различныхъ законодательныхъ инстанціяхъ.

Такъ, одинъ изъ докладчиковъ, Treilhard, указывалъ на то, что „политическое общество было бы слишкомъ несовершенно, если бы члены его составляющіе не имѣли по отношенію другъ къ другу иныхъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ договоровъ, предвидѣнныхъ и регу-

¹⁾ Laurent, въ *ero Avant-projet du Code Civil* т. IV, ст. 1134, стр. 125.

²⁾ Laurent, *Principes*, № 388.

³⁾ Loché, *Commentaire et complément des codes franc.* 1828.

лированныхъ ими самими... Обязательства эти имѣютъ свои корни въ нуждахъ или потребностяхъ общества“. Далѣе, защищая въ частности ст. 1384, тотъ же докладчикъ высказалъ слѣдующее: „Тѣ, къ кому она примѣняется, должны обвинять себя, по крайней мѣрѣ, одни—въ слабости, другіе — въ дурномъ выборѣ и всѣ въ—небрежности“ ¹⁾).

Другой докладчикъ, Tarrible, прямо уже смотритъ на основаніе отвѣтственности съ точки зрѣнія потерпѣвшаго, или исходя изъ того, что вредъ или убытокъ, понесенный кѣмъ либо, хотя и невольно, долженъ быть, *во всякомъ случаѣ*, возмѣщенъ потерпѣвшему ²⁾. Третій докладчикъ, Bertrand de Greuille, тоже проводилъ тотъ взглядъ, „что въ основаніи всѣхъ подобныхъ обязательствъ нельзя видѣть лежащимъ одно общее римско-правовое начало — quasi - контракты, а слѣдуетъ, не прибѣгая къ этой фикціи, открыто признать, что тутъ обязательства прямо налагаются закономъ, тогда какъ въ quasi - контрактахъ есть присутствіе доброй (а иногда и злой), воли“ ³⁾. Мотивы усиленной отвѣтственности, къ которой привлекаются владѣльцы предпріятій, сравнительно съ упоминаемыми въ ст. 1384 другими лицами, тотъ же докладчикъ объясняетъ особенностями отношеній между хозяевами и рабочими, именно — *выгодой, извлекаемой первыми изъ труда послѣднихъ*. „Не службой ли, изъ которой извлекаетъ выгоды (profite) хозяинъ, произведено зло, которое его присуждаютъ исправить (или возмѣстить убытокъ — *gerar*)“ ⁴⁾?

Въ этомъ мотивѣ, выставленномъ въ сравнительно столь отдаленную отъ насъ эпоху составленія кодекса Наполеона, заключается вся главная суть вопроса объ отвѣтственности. Въ этомъ ея обоснованіи, т. е., что вредъ нанесенъ промысломъ или занятіемъ, *изъ котораго хозяинъ извлекаетъ барыши*, а потому и долженъ нести всѣ его послѣдствія—какъ барыши, такъ и убытки—нельзя, конечно, видѣть того,

¹⁾ Lосгѣ, назван. сочин. т. XIII, стр. 32.

²⁾ Тамъ же, стр. 57.

³⁾ Lосгѣ, *ib.* стр. 35.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 42.

что называется чисто юридическимъ основаніемъ отвѣтственности. Но это не соотвѣтствуетъ только такой особой юридической логикѣ, которая признаетъ за доводами извѣстное юридическое значеніе лишь тогда, когда они заимствованы изъ чистыхъ римскихъ-правовыхъ началъ. Конечно, подобныхъ основаній отвѣтственности трудно, а можетъ быть и невозможно, найти у римлянъ. У послѣднихъ отвѣтственность послѣдовательно выводилась изъ понятія *вины* отвѣтчика, и именно вины болѣе или менѣе наглядной, рельефно доказуемой. Различныя утонченія понятія вины явились уже позднѣе, какъ слѣдствіе измѣняющихся фактическихъ жизненныхъ отношеній. Но если не ограничиваться одними буквальными воспроизведеніями римскихъ текстовъ и положеній, то можно и у нихъ найти нѣчто подобное современнымъ, открыто представляемымъ основаніямъ отвѣтственности, именно — отвѣтственности, несомой лицомъ за своихъ подчиненныхъ, *въ силу солидарности изъ съ главой предпріятія, извлекающего изъ него барышъ*. Такъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о началѣ отвѣтственности въ римскомъ гражданскомъ правѣ, проф. Іерингъ самъ вынужденъ отступить отъ основной нити своихъ изслѣдованій и допустить это своеобразное экономико-юридическое начало. Оно выражалось въ требованіи особой осмотрительности со стороны лица, желающаго извлекать какую либо выгоду (изъ предпріятія). Но такъ какъ производство въ ту эпоху группировалось около семей и велось за отвѣтственностью ихъ главы, то отсюда и вытекаетъ обязанность особой бдительности послѣднихъ (*diligens paterfamilias*) ¹⁾. Такимъ образомъ приходилось отвѣчать за вредъ, наносимый дѣтьми, рабами, опекаемыми, домашними животными и т. п. Поэтому и самъ Іерингъ сознается въ слѣдующемъ: „Я не хочу отрицать, что всѣ попытки сведенія отвѣтственности къ точки зрѣнія виновности (*Verschuldung*) заключаютъ въ себѣ нѣкоторую вынужденность (или искусственность, натяжки). Въ то время какъ вопросъ о виновности во всѣхъ иныхъ

¹⁾ R. Ihering, Das Schuldmoment in römisch. Privatrecht, стр. 53.

случаяхъ есть вопросъ индивидуальнаго случая, здѣсь же онъ является предметомъ правового положенія и опредѣленія *in abstracto*“ ¹⁾. Допуская существованіе такого отступленія отъ общихъ правовыхъ положеній въ области чисто гражданскихъ отношеній, Іерингъ еще ближе подходитъ къ разрѣшенію вопроса, говоря объ основаніяхъ особой усиленной отвѣтственности, возлагаемой по извѣстному преторскому эдикту (*rescriptum paucatum*) на владѣльцевъ гостинницъ и судохозяевъ. Здѣсь онъ прямо видитъ необходимость усиленія отвѣтственности въ особомъ общественномъ интересѣ (*utilitas publicae causa*), связанномъ съ развитіемъ этихъ промышленныхъ предпріятій ²⁾. Но объ этихъ особыхъ основаніяхъ отвѣтственности, когда она падаетъ на отвѣтника уже прямо безъ непосредственной его вины, мы будемъ говорить далѣе особо. Теперь на это мы указываемъ лишь съ тою цѣлью, чтобы доказать, что вообще нѣтъ ни надобности, ни возможности искать слишкомъ *общихъ* началъ отвѣтственности. Разрѣшеніе даннаго вопроса можетъ быть достигнуто только принятіемъ во вниманіе нѣкоторыхъ, на первый взглядъ какъ бы *извне* привходящихъ, элементовъ и основаній, выражающихъ собой средства обезпеченія нѣкоторыхъ особыхъ цѣлей и интересовъ, которые прямо и непосредственно не были въ виду у законодателей, или вообще еще не вполне сознавались въ моментъ правообразованія. Вполнѣ сознательно эти особые цѣли являются творцами права только въ новѣйшее время, при процессѣ образованія специальныхъ правовыхъ нормъ, имѣющихъ ихъ уже своею непосредственною цѣлью. Какъ само по себѣ законодательство, такъ и судебное его толкованіе въ тѣхъ или другихъ странахъ и при различныхъ условіяхъ могутъ быть болѣе или менѣе отзывчивы на эти жизненные требованія. Въ особенности въ этой практической области жизни и примѣненія права можно и должно искать этихъ творческихъ началъ правообразованія

¹⁾ Тамъ же, стр. 48.

²⁾ Тамъ же, стр. 45.

и прямо вытекающего отсюда какъ слѣдствія—ихъ объясненія и основанія.

Фактъ возложенія, по французскому общему праву, болѣе усиленной отвѣтственности на предпринимателей, сравнительно съ родителями, наставниками и мелкими ремесленниками, есть результатъ сознательнаго представленія цѣли такой правой нормы. Недопущеніе сложенія отвѣтственности ссылкой на невозможность предупредить вредоносное дѣйствіе—въ первомъ случаѣ и допущеніе подобной эскулапации—во второмъ, объясняется различіемъ характера отношеній лицъ отвѣчающихъ и тѣхъ, за которыхъ приходится отвѣчать. Въ первомъ случаѣ, какъ мы видѣли, нельзя фактически сводить основаніе отвѣтственности къ дурному выбору служащихъ или слабому надзору; а во второмъ случаѣ, при болѣе личномъ характерѣ отношеній, возможно не только юридически, но и фактически требованіе личнаго усиленнаго надзора. Невозможность подвести усиденіе отвѣтственности подъ готовые юридическіе образцы основанія и формулы, очевидно, не можетъ служить препятствіемъ въ изданію этихъ правовыхъ нормъ, вызываемыхъ требованіями самой жизни, въ частности новыми экономическими отношеніями, которымъ нельзя, по естественнымъ причинамъ, найти аналогій въ древнемъ римскомъ правѣ и хозяйствѣ.

Если задача догматической юриспруденціи заключается въ подѣисканіи такъ называемыхъ *чистыхъ* юридическихъ основаній, а таковыхъ въ хранилищахъ древнихъ научныхъ завѣтовъ не находится, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что уже и нельзя найти того, что соотвѣтствовало бы понятію *логическаго* обоснованія. Если область отвлеченной и чисто юридической логики оказывается въ этомъ случаѣ слишкомъ бѣдна, то нельзя за этой областью признавать исключительной монополіи по поставкѣ научныхъ отвѣтовъ на запросы научнаго мышленія и жизненной практики правового творчества. И гдѣ, наконецъ, та строго опредѣленная граница между областью юридическихъ и экономическихъ основаній правовыхъ институтовъ и нормъ? Въ другомъ мѣстѣ

мы, со своей стороны, старались доказать эту мысль, что правовые институты должны быть рассматриваемы, какъ продукты совмѣстнаго творчества такъ называемаго въ тѣсномъ смыслѣ слова правосознанія и потребностей экономического оборота¹⁾. Пользуясь современными данными развитія науки права, мы старались тамъ доказать ту общую мысль, что въ области чисто гражданскихъ отношеній нельзя видѣть единственнаго правосозидающаго элемента въ свободной волѣ двухъ сторонъ, какъ нельзя также отрицать значеніе общественнаго интереса, скрывающагося внутри правовыхъ нормъ, съ внѣшней стороны существующихъ будто бы только для обезпеченія интересовъ однихъ частныхъ лицъ и ихъ чисто гражданскихъ отношеній. Правда, эти воззрѣнія нѣкоторыми научными старовѣрами считаются ересью. Но съ другой стороны, и среди этихъ противниковъ, къ счастью, мало уже находится лицъ, которыя рѣшались бы возставать противъ практической цѣлесообразности нѣкоторыхъ измѣненій въ содержаніи правовыхъ нормъ, въ томъ числѣ и противъ усиленія рассматриваемаго вида отвѣтственности. Весь споръ идетъ только такъ сказать о словахъ; именно, представители теоріи, допускающей сознательное участіе представленій о цѣли въ процессѣ правоваго творчества прямо называютъ вещи ихъ собственными именами. Противники же, не находя въ своемъ научномъ арсеналѣ готоваго запаса оружія и не считая возможнымъ пополнять его свѣжими средствами, впадаютъ въ невольное противорѣчіе слова и дѣла. У нихъ является желаніе, путемъ различнаго рода фикцій и натяжекъ, окрестить новое зарождающееся явленіе по старому обряду, между тѣмъ достигаться это можетъ только путемъ насилія надъ настоящей логикой, не скованной старинными формами юридического мышленія.

Если условія несенія усиленной отвѣтственности доказываютъ воочію независимость сведенія ея основаній исключительно къ *моменту личной вины*, хотя бы въ самой слабой

¹⁾ См. наше сочиненіе „Экономическая отвѣтственность предпринимателей“, 1887 г., часть 1, глава II.

степени, то это только доказываетъ необходимость болѣе широкаго ея обоснованія, заимствуемаго изъ сферы экономическихъ явленій. Эти послѣдніе доводы и мотивы суть тотъ новый юридическій матеріалъ, который даетъ возможность примирять требованія жизни съ научной догматикой, т. е. съ обобщеніемъ понятій и ихъ объясненій. Послѣдняя задача всегда слѣдуетъ за совершающимися уже явленіями, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ готовыхъ уже обобщеній и опредѣленій мы въ состояніи выводить практическія указанія для дальнѣйшаго развитія правового творчества.

Послѣ этого невольнаго, но и необходимаго отступленія, мы и постараемся связать развитіе усиленной отвѣтственности издавна существующей, по отношенію къ нѣкоторымъ особымъ видамъ предпріятій, съ примѣненіемъ ея къ болѣе широкой области обыкновенныхъ промышленныхъ предпріятій. Хотя, повторяемъ, потребность въ этомъ сказывается въ практической жизни уже давно, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ отдать дань существующимъ также потребностямъ въ научномъ обобщеніи мотивовъ этого явленія, подыскать извѣстныя аналогіи и указать, что различіе между мотивами этого первоначальнаго расширенія нормъ отвѣтственности и современными далеко не такъ глубоко, какъ можетъ казаться на первый взглядъ.

III. Послѣдовательное развитіе идеи усиленной отвѣтственности и ея спеціальное примѣненіе къ промышленнымъ предпріятіямъ.

Первообразомъ спеціальныхъ нормъ отвѣтственности за вредъ и убытки можетъ считаться извѣстный преторскій эдиктъ, которымъ устанавливалась абсолютная отвѣтственность кораблевладѣльцевъ, хозяевъ постоялыхъ дворовъ и т. п. за ввѣренное имъ для перевозки или храненія имущество. Абсолютность отвѣтственности выражалась въ томъ, что всѣ упоминаемыя въ эдиктѣ лица должны были, во *всякомъ случаѣ*, возмѣстить цѣнность ввѣренныхъ имъ и почему либо пропавшихъ имуществъ. Чтобы получить право на возмѣщеніе

повесенныхъ убытковъ, истецъ долженъ былъ доказать только фактъ принятія отвѣтчикомъ имущества и неполученіе ихъ или недоставку. Отвѣтчикъ же первоначально не могъ ничѣмъ рѣшительно оправдываться, если не могъ отвергнуть доказанныхъ истцомъ фактовъ. Только въ послѣдствіи, въ виду чрезмѣрной суровости такого порядка несенія отвѣтственности, были допущены нѣкоторыя условія, слагающія отвѣтственность, а именно—воздѣйствіе непредотвратимой силы, (*damnum fatale*); въ частности было указано у L'abeo, что подъ этимъ понимается кораблекрушеніе, нападеніе пиратовъ и высшая сила. При всемъ этомъ Ульпіанъ характеризуетъ этотъ порядокъ отвѣтственности, какъ не основанной на *винѣ* отвѣтника (*etiamsi sine culpa eius res perierit*).

Мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ разборъ значенія этого особаго правового положенія, такъ какъ вопросъ этотъ былъ весьма подробно разработанъ на страницахъ этого журнала въ статьяхъ г.г. Гордона, Осецкого и Демчинскаго, послужившихъ въ тоже время основаніемъ ихъ докладовъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ. Какъ въ самыхъ докладахъ, такъ и въ послѣдовавшихъ за ними преніяхъ, было достаточно доказано, что означенный эдиктъ, послужившій основаніемъ для установленія подобной же отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ и транспортныхъ предпріятій, исключаетъ изъ порядка возникающаго по подобнымъ искамъ процесса постановку вопроса на точку зрѣнія *личной вины* владѣльцевъ этихъ предпріятій. Сложеніе отвѣтственности ссылкой на воздѣйствіе высшей силы сводитъ вопросъ не къ доказательству *субъективной* непредотвратимости этой причины, а къ наличности такихъ условій, которыя *объективно* сами по себѣ не могли быть предотвращены. Правда, что только что высказанныя соображенія не раздѣляются еще многими юристами, хотя мы считаемъ ихъ, со своей стороны, уже достаточно доказанными.

Но можно считать безспорнымъ, что уже одно переложеніе тяжести доказательствъ съ истца на отвѣтника есть, само по себѣ, весьма существенное усиленіе отвѣтственности,

будучи не только облегченіем процессуальных условий для потерпѣвшаго, но въ тоже время расширяя и матеріально предѣлы отвѣтственности.

Разсматривая по существу причины подобнаго усиленія отвѣтственности, мы должны придти къ заключенію, что дѣлается это по соображеніямъ общественнаго интереса, съ которымъ въ данномъ случаѣ какъ бы совпадаетъ интересъ потерпѣвшей стороны въ этомъ двухстороннемъ гражданскомъ правоотношеніи. Едва ли теперь кѣмъ либо уже оспаривается, что цѣль этихъ спеціальныхъ нормъ отвѣтственности заключается въ обезпеченіи интересовъ и развитія обращенія товаровъ, въ побужденіи къ наивозможно большей осматрительности владѣльцевъ транспортных предпріятій. Стремленіе лишить разсматриваемыя нормы отвѣтственности ихъ своеобразности выражается въ подведеніи ихъ подъ понятіе обязательствъ, вытекающихъ изъ договора (*obligatio ex contractu*) въ частности, на примѣръ изъ обязательства доставить въ цѣлости принятое для перевозки имущество. Съ этимъ нельзя однако согласиться, потому что, прежде всего, если бы эти случаи отвѣтственности прямо подходили подъ такое понятіе и основанія ея, то не было бы никакой надобности въ изданіи какъ первоначальнаго преторскаго эдикта, такъ и въ современныхъ спеціальныхъ желѣзно-дорожныхъ законахъ объ отвѣтственности. Несомнѣнно, что необходимость ихъ изданія вытекаетъ изъ особаго характера ущерба, наносимаго этими предпріятіями и вытекающей отсюда беззащитности положенія истца. Потому - то и нельзя отрицать своеобразности этихъ узаконеній, какъ съ точки зрѣнія ихъ мотивовъ, такъ и формулировки, какъ въ матеріальномъ, такъ и процессуальномъ отношеніи.

Наконецъ, надо обратить вниманіе на то, что вездѣ, гдѣ существуютъ эти законы, равно какъ и по общему французскому праву, эта усиленная отвѣтственность распространяется одинаково какъ по отношенію къ владѣльцамъ грузовъ и пассажирамъ, такъ и къ служащимъ въ предпріятіи. Между тѣмъ, послѣдніе - то ужъ нѣкимъ образомъ не мо-

гутъ быть подведены подъ понятіе лицъ, находящихся въ договорныхъ отношеніяхъ по перевозкѣ грузовъ или поклажѣ. Точно также это непримѣнимо и къ постороннимъ лицамъ, понесшимъ убытки или личныя поврежденія при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Если вникнуть въ причины exclusion сюда этихъ двухъ послѣднихъ категорій лицъ, пользующимся одинаковыми правами въ дѣлѣ возмѣщенія понесенныхъ ими убытковъ, то мы и придемъ къ необходимости введенія въ число научныхъ обоснованій этой отвѣтственности нѣкоторыхъ новыхъ мотивовъ и соображеній, которымъ трудно найти аналогіи въ готовыхъ юридическихъ формулахъ добраго стараго времени, вращающихся какъ бы въ заколдованномъ кругѣ чистыхъ гражданско-правовыхъ отношеній.

Это самостоятельное обоснованіе и заключается въ томъ, что внутри предпріятія должна быть воспроизводима цѣнность всѣхъ издержекъ или элементовъ производства. По отношенію къ цѣнности обыкновенныхъ товаровъ это всегда и находитъ себѣ осуществленіе; такъ, въ цѣнѣ каждой отдѣльной штуки готоваго товара оплачивается не только ея индивидуальная стоимость, но также и стоимость всѣхъ испорченныхъ продуктовъ. Такъ напр., въ цѣнѣ каждаго покупаемаго стакана, мы оплачиваемъ извѣстную долю стоимости всѣхъ разбитыхъ экземпляровъ; и если бы этого не было, то производство не могло осуществляться и предпріятіе не приносило бы прибыли или не окупалось бы. Только по отношенію къ одному изъ потребленныхъ во время производства товаровъ — работѣ принципъ этотъ оказывается непримѣнимымъ. Если оплата труда включаетъ въ себѣ только стоимость текущаго содержанія рабочаго во время работы, то рабочимъ, лишившимся, вслѣдствіе несчастнаго случая, возможности работать, оказывается нечѣмъ существовать. И не только ихъ случайныхъ индивидуальныхъ скопленій недостаточно для обезпеченія ихъ на этотъ случай, но, какъ доказываетъ трудно прививающееся добровольное страхованіе рабочихъ, они не имѣютъ даже возможности уплачивать изъ своихъ

заработковъ необходимыхъ для этой цѣли страховыхъ премій. Обеспеченіе ихъ осуществляется тогда путемъ частной благотворительности или общественнаго призрѣнія. А это значитъ, общество дѣлаетъ предпринимателямъ извѣстную приплату къ стоимости производства ихъ товаровъ. Необходимость устранения этого противорѣчія вотъ и выдвигаетъ указанное новое обоснованіе отвѣтственности въ видѣ самостоятельнаго мотива законодательства. Совершенно послѣдовательно, что предприниматели, т. е. лица на свой страхъ и отвѣтственность ведущія дѣло производства цѣнностей, признаются отвѣтственными и въ этомъ отношеніи. Въ этомъ осуществляется одновременно ихъ и хозяйственная и юридическая функція, подъ условіемъ исполненія которой они только и могутъ пользоваться защитой своихъ имущественныхъ правъ.

Вообще можно сказать, что съ почвы борьбы абсолютныхъ гражданско-правовыхъ понятій вопросъ этотъ переходитъ въ область смѣшаннаго гражданскаго и публичнаго права. Непосредственными мотивами для распространенія на промышленныя предпріятія этихъ особыхъ основаній отвѣтственности можетъ служить только большая или меньшая степень опасности промысловъ, т. е. масштабъ совершенно относительный, а общимъ связующимъ элементомъ служить созрѣвающее сознаніе необходимости на счетъ самихъ предпріятій точно также обеспечить рабочему полное воспроизведеніе стоимости его труда, по крайней мѣрѣ по отношенію къ несчастнымъ случаямъ, вытекающимъ изъ существа самихъ предпріятій, какъ пассажирамъ и грузоотправителямъ возмѣщаются понесенные ими убытки.

Почти на нашихъ глазахъ совершилось распространеніе началъ отвѣтственности транспортныхъ предпринимателей за имущественный ущербъ на такую же обязанность вознаграждать и непосредственно лично потерпѣвшихъ въ тѣхъ же предпріятіяхъ, безъ различія формъ отношеній потерпѣвшихъ къ самому предпріятію. Какъ это, само по себѣ, ни странно должно казаться на первый взглядъ, что вредъ имущественный, въ сравненіи съ личнымъ, какъ будто игралъ болѣе важ-

ную роль, а потому и ранѣе вызвалъ установленіе особой охраны имущественныхъ интересовъ, но это надо признать въ дѣйствительности хотя и страннымъ и печальнымъ фактомъ, но, во всякомъ случаѣ, неопровержимымъ. Однако, не трудно найти и объясненіе такому юридическому явленію: оно заключается въ томъ, что начиная съ эпохи римскаго владычества и до конца прошлаго столѣтія, а въ иныхъ странахъ — даже и дольше, главнымъ, если не вполне исключительнымъ, объектомъ гражданско-правовыхъ отношеній служилъ имущественный интересъ или имущественныя сдѣлки; и это совершенно понятно и логично вытекаетъ изъ того, что субъектами только такихъ отношеній являлись вполне полно и равноправные граждане. Тогда какъ личныя хозяйственныя отношенія обнимали собою, при господствѣ институтовъ рабства, крѣпостнаго и отчасти цеховаго строя, кругъ лицъ не равноправныхъ, а находившихся иногда даже въ отношеніяхъ субъекта — съ одной стороны и объекта — съ другой. Говоря примѣрами, можно сказать, что въ сферѣ отношеній по перевозкѣ грузовъ имущественные убытки уже давно, при рано развившемся крупномъ торговомъ обращеніи, могли достигать значительнѣйшихъ размѣровъ въ то время, какъ личное передвиженіе, будучи мало развитымъ, представляло, сравнительно, незначительное количество несчастныхъ случаевъ или личныхъ поврежденій. Разростающіяся на нашихъ глазахъ сѣти желѣзныхъ дорогъ представляютъ уже, наоборотъ, гораздо большую опасность въ послѣднемъ отношеніи, чѣмъ имущественномъ; можно сказать даже, что насколько онѣ усилили степень личнаго риска и опасности, настолько же онѣ сократили рискъ и опасность по отношенію къ цѣлости товаровъ. И тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что и за тотъ, и за другой видъ убытковъ и поврежденій законодательство налагаетъ на нихъ строгую отвѣтственность.

Когда слагались римскія правовыя нормы, и въ долгій, послѣдовавшій за тѣмъ періодъ ихъ развитія, ни характеръ отношеній хозяевъ и рабочихъ, ни формы и размѣры про-

мысленныхъ предпріятій не могли служить основаніемъ для установленія отвѣтственности предпринимателей передъ рабочими, не только по отношенію къ данному вопросу, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Не было тѣхъ спеціально современныхъ цѣлей, ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи, которыя теперь творятъ спеціальныя законы объ отвѣтственности хозяевъ промышленныхъ предпріятій и другіе, болѣе сложные и совершенные способы обезпеченія пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ, такъ что и нельзя найти въ прежнихъ правовыхъ институтахъ вполнѣ подходящихъ къ современнымъ требованіямъ жизни основаній. Однако, если цѣли и интересы общегитія, по существу своему, оказываются исторически измѣняющимися, тѣмъ не менѣе, подставляя вмѣсто однихъ цѣлей и интересовъ другіе, мы получаемъ нѣкоторые одинаковыя юридическія положенія и отношенія сторонъ или субъектовъ правъ, почему въ изслѣдованіи этихъ, формально или съ внѣшней стороны схожихъ, юридическихъ явленій мы получаемъ твердыя точки опоры для вложенія въ эти, исторически сложившіяся и прочно установившіяся, формы отношеній новое содержаніе. Всего сказаннаго, поѣтому, можно считать вполнѣ достаточнымъ для перехода къ интересующему насъ вопросу, т. е. особымъ юридическимъ основаніямъ и спеціальному законодательному регулированію имущественной отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за несчастные случаи съ рабочими.

При изученіи развитія этихъ спеціальныхъ законодательствъ и ихъ мотивовъ и основаній, прежде всего поражаетъ та изумительная быстрота, съ которою совершается процессъ этого правообразованія. То, что казалось какія-нибудь десять или даже пять лѣтъ раньше совершенно и ненужнымъ и невозможнымъ, признается, по истеченіи такого небольшого промежутка времени, не только желательнымъ, но и необходимымъ, а иногда даже уже и недостаточно обезпечивающимъ права и интересы рабочихъ, по мѣрѣ того, какъ все большее число человѣческихъ жертвъ приносится на

алтарь современнаго кумира — силы и пространственнаго развитія промышленности. Можно сказать, что эти условія — время, сила и пространство — являются тутъ тѣми аргументами, которые и производятъ эти быстрыя измѣненія въ функціяхъ общественнаго организма, вызывая ускоренную и усиленную дѣятельность государственную и законодательную. Инициатива этого движенія можетъ заключаться и въ развитіи народнаго правосознанія, выражающемся въ желаніяхъ и требованіяхъ заинтересованныхъ лицъ, и въ предупрежденіи этихъ требованій и нуждъ со стороны самого правительства; но въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ созрѣвшимъ или созрѣвающимъ убѣжденіемъ въ необходимости такъ или иначе разрѣшить этотъ успѣвшій уже наболѣть вопросъ.

1) *Германія*. Первымъ спеціальнымъ закономъ объ отвѣтственности владѣльцевъ всякихъ, болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій, за увѣчье и смерть рабочихъ является вышеупомянутый уже германскій имперскій законъ 7 іюня 1871 года ¹⁾, въ которомъ устанавливаются, однако, двоякія основанія отвѣтственности: болѣе строгія — по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ и болѣе мягкія — по отношенію къ промышленнымъ предпріятіямъ. Хотя это различіе только и выражается въ самыхъ основаніяхъ и условіяхъ отвѣтственности, такъ какъ во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ статьяхъ законъ можетъ быть одинаково примѣняемъ во всѣмъ видамъ предпріятій, но различіе это весьма существенно: по § 1 (желѣзнодорожная отвѣтственность), какъ мы уже видѣли, отвѣтственность устанавливается безусловная, а по § 2 (общая для всѣхъ остальныхъ предпріятій),

¹⁾ Полный титулъ закона слѣдующій: Имперскій законъ объ отвѣтственности по возмѣщенію убытковъ за смерть и увѣчье, причиненныя при работѣ (или эксплуатаціи) на желѣзныхъ дорогахъ, горныхъ промыслахъ, каменоломняхъ, фабрикахъ и т. п. Лучшіе комментаріи его: Egera, Genzmeга и Endemann'a, а затѣмъ весьма обстоятельный, хотя и сжатый: L. Jacobi, 2 изд. 1874. Frantz. Haftpflicht des Eisenbahnen etc 1872 Bödicker, Unfallgesetzgebung etc., стр. 5—16.

ж. гр. и уг. пр. кн. 1 1888 г.

отвѣтственность на предпринимателей возлагается только за вину ихъ представителей, уполномоченныхъ, или лицъ, которымъ ввѣрены веденіе или надзоръ за работой и рабочими. Вслѣдствіе такой постановки вопроса, по противоположенію желѣзнодорожной отвѣтственности, обязанность представленія доказательствъ виновности фабрикантовъ и т. п. оказывается лежащею на пострадавшихъ рабочихъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что законъ этотъ, по отношенію къ промышленнымъ предпріятіямъ, не вноситъ никакого усиленія отвѣтственности, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи предшествовавшаго положенія этого вопроса въ германскихъ государствахъ, относительное усиленіе отвѣтственности становится весьма замѣтнымъ. По дѣйствующему въ Германіи общему гражданскому (въ сущности пандектному) праву, всякій не обязанъ возмѣщать вообще какіе бы то ни было убытки, а только причиненные по своей собственной винѣ; принципа солидарности между хозяиномъ и его служащими по отношенію къ третьимъ лицамъ не существуетъ. На довѣрителей можетъ пасть отвѣтственность только въ тѣхъ случаяхъ, когда вредъ, причиненный кому-либо повѣреннымъ или уполномоченнымъ, произошелъ вслѣдствіе противозаконности порученія или несогласнаго съ принятымъ на себя обязательствомъ исполненія послѣдняго, а также вслѣдствіе дурнаго выбора служащихъ (*culpa in eligendo*). Послѣднее основаніе суживается еще болѣе прусскимъ уложеніемъ, по которому хозяинъ отвѣчаетъ *только субсидіарно* за вредъ, причиненный его *негоднымъ* служащимъ ¹⁾. Во всѣхъ случаяхъ нанесенія ущерба искъ, слѣдовательно, долженъ предъявляться къ лицу, непосредственно виновному; а если это лицо есть служащій или рабочій, т. е. всегда почти лицо несостоятельное, то ущербъ остается, значить, невознаградимымъ, точно также какъ и благодаря фактической трудности доказать неудовлетворительность выбора служащихъ. По сравненію съ такимъ положеніемъ дѣла, разумѣтся,

¹⁾ Preuss, Landsecht. Часть I, тит. 6, § 53.

законъ 1871 г. внесъ значительное усиленіе отвѣтственности хозяевъ промышленныхъ заведеній, къ которымъ до этого времени примѣнялись только эти изложенныя общія юридическія нормы.

Потребность въ усиленіи отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій сознавалась въ Германіи уже давно. За нѣсколько лѣтъ до изданія этого закона 1871 г. въ парламентъ одна за другой подавались объ этомъ петиціи, исходившія какъ изъ круга непосредственно заинтересованныхъ лицъ—служащихъ и рабочихъ, такъ и отъ представителей различныхъ парламентскихъ партій. Наконецъ, цѣлый рядъ крупныхъ несчастій, происшедшихъ въ нѣсколькихъ горныхъ и другихъ промыслахъ, послужили рѣшительнымъ толчкомъ къ законодательному почину въ этомъ дѣлѣ. Правительство само вноситъ проектъ этого закона въ первый собравшійся обще-германскій рейхстагъ. Обсужденіе его происходило одновременно съ окончательной обработкой имперской конституціи, даже еще до окончательнаго заключенія мира съ Франціей. Таково было уже сильно созрѣвшее убѣжденіе въ необходимости изданія этого закона.

Но какъ само правительство въ своемъ законопроектѣ, такъ и обсуждавшій его рейхстагъ, остановились на полумѣрѣ, каковой можно считать германскій законъ 1871 года. Это объясняется тѣмъ, что интересы класса предпринимателей были достаточно сильно обезпечены численностью своихъ представителей въ рейхстагѣ. Не безъ упорной, однако, борьбы имъ удалось отстоять разграниченіе объема отвѣтственности между желѣзно-дорожными и обыкновенными промышленными предпріятіями, при исключеніи многихъ видовъ послѣднихъ вовсе изъ сферы примѣненія этого закона.

Мы не имѣемъ возможности здѣсь перечислить, даже въ общихъ чертахъ, тѣ въ высшей степени вѣскія соображенія, которыя были приводимы противъ этой полумѣры. Группируя эти возраженія по наиболѣе общимъ признакамъ, мы можемъ свести ихъ, во первыхъ, къ требованію распространенія § 2 закона, навсѣ вообще промышленныя предпріятія, въ томъ числѣ

на сельское хозяйство. Другія лица требовали усиленія степени этой отвѣтственности по отношенію къ горнымъ промысламъ и предпріятіямъ, пользующимся силою пара и другими элементарными двигателями. Наконецъ, весьма большая группа депутатовъ настаивала на соединеніи въ одной статьѣ основаній отвѣтственности желѣзно-дорожныхъ и другихъ промышленныхъ предпріятій.

Въ пользу этого послѣдняго предложенія выставлялись весьма основательные доводы, сводившіеся, главнымъ образомъ, къ тому, что нельзя отрицать существованія почти столькихъ же опасностей, вытекающихъ изъ существа обыкновенныхъ, промышленныхъ предпріятій, какія предполагаются угрожающими жизни и здоровью рабочихъ только на однихъ желѣзныхъ дорогахъ. Указывалось, напримѣръ, на то, что нѣтъ никакихъ основаній устанавливать различный порядокъ отвѣтственности за послѣдствія взрыва котла въ локомотивѣ или въ обыкновенной фабричной машинѣ и т. п. Массою практическихъ примѣровъ со стороны депутатовъ изъ техникумовъ доказывалась непомѣрная трудность для рабочаго доказывать *onus probandi* предпринимателя или высшихъ служащихъ, при возложеніи тяжести доказательствъ на истца—потерпѣвшаго. Но все это въ то время не было принято во вниманіе. И только значительно позже, когда германское правительство впервые завело рѣчь объ обязательномъ страхованіи рабочихъ въ 1884 г., то многіе изъ бывшихъ противниковъ переложенія *onus probandi* на отвѣтника, сами же стали защищать этотъ принципъ. Дѣлалось это въ послѣднемъ случаѣ съ цѣлью противодѣйствія обязательному страхованію, согласно которому пришлось бы платиться за всѣ уже несчастные случаи, безъ различія ихъ причинъ.

Дѣлая эту уступку, представители интересовъ промышленности открыто сознавались въ томъ, что опытъ десятилѣтняго примѣненія закона 1871 г. убѣдилъ ихъ въ неосуществимости пользованія имъ рабочими въ громадномъ большинствѣ; между тѣмъ какъ при приложеніи *onus probandi* было бы иначе. Въ тоже время эти лица очень хорошо со-

знавали, что даже и при такомъ измѣненіи закона, фабриканты все таки освобождались бы отъ массы случаевъ отвѣтственности. Нельзя, поэтому, считать противодѣйствіе проектамъ страхованія рабочихъ лишь за политическій маневръ и за борьбу противъ черезъ чуръ бюрократической формы его организаціи, какъ оно предполагалось по первому законопроекту. Но къ вопросу о значеніи возложенія тяжести доказательствъ намъ еще придется вернуться далѣе и особо. Теперь слѣдуетъ указать только на существующій у нѣкоторыхъ юристовъ невѣрный взглядъ, будто презумпція виновности предпринимателей существуетъ въ законѣ и въ настоящей его формулировкѣ. Такъ думаетъ, напримѣръ, *Эндеманнъ*, утверждающій, что вина хозяина въ непринятіи должныхъ мѣръ предосторожности въ законѣ подразумѣвается, если хозяиномъ не будетъ доказано противнаго ¹⁾. Выводить эту презумпцію *Эндеманнъ* изъ *умолчанія* въ текстѣ закона вообще о *личной* винѣ предпринимателя. Отсюда другіе юристы выводятъ даже, что за собственную вину хозяинъ отвѣчаетъ по общимъ, а не по этому спеціальному закону. Въ общихъ же законахъ дѣйствительно устанавливается отвѣтственность за непринятіе мѣръ предосторожности. предписываемыхъ особыми постановленіями согласно § 120 промышленнаго устава. Во всякомъ случаѣ несоблюденіе этихъ мѣръ по общему правилу должно быть доказано потерпѣвшими. Допущенія презумпціи этой виновности дѣйствительно требовали нѣкоторые депутаты при обсужденіи закона, но требованіе это было прямо отвергнуто.

Любопытный, между прочимъ, фактъ обнаружился при попыткѣ германскаго союзнаго совѣта (въ 1880 г.) воспользоваться предоставленнымъ ему этимъ 120 параграфомъ правомъ изданія болѣе или менѣе точныхъ и подробныхъ правилъ о принятіи обязательныхъ мѣръ предосторожности. Повидимому фабрикантамъ слѣдовало бы этому радоваться, такъ какъ предполагалось заставить ихъ отвѣчать только за

¹⁾ *Endemann, Haftpflicht d. Eisenbahnen, Bergwerke etc. 1876, стр. 39.*

несоблюденіе этихъ, точно указанныхъ, мѣръ и правилъ предосторожности. Между тѣмъ, при отсутствіи этихъ правилъ, судъ могъ бы шире понимать или свободнѣе устанавливать отсутствіе заботъ о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ. Изданіе этихъ правилъ могло бы, значить, привести только къ болѣе рестриктивному примѣненію закона. Но должно быть опытъ примѣненія закона достаточно во очію убѣдилъ гг. фабрикантовъ, что и безъ этихъ точныхъ указаній условій отвѣтственности законъ имъ не страшенъ, потому что ни судьи, ни рабочіе не знаютъ, что долженъ бы былъ, хотя бы по самымъ общимъ правиламъ, фабрикантъ дѣлать для предупрежденія несчастій. Разъ суду прямо это никѣмъ не указано и не доказано, то значить и отвѣчать не за что. А потому и были употреблены всѣ усилія, чтобы мѣра эта не была осуществлена, не смотря на то, что конечно идущія отъ правительства предписанія никогда не могли бы охватить собою всѣхъ дѣйствительно возможныхъ и необходимыхъ мѣръ предосторожности, въ особенности ихъ деталей во всѣхъ многообразныхъ отрасляхъ промышленности.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что изданіе подобныхъ правилъ вообще, само по себѣ, въ высшей степени желательно и цѣлесообразно; но только нельзя ихъ прямо связывать съ условіями несенія гражданской отвѣтственности.

Несоблюденіе этихъ правилъ, само по себѣ, должно бы служить основаніемъ къ усиленію отвѣтственности въ уголовномъ отношеніи; гражданская же отвѣтственность можетъ и должна быть шире, не будучи ограничиваема этими, всегда недостаточно полными, правилами. Послѣднія должны постоянно дополняться и измѣняться по мѣрѣ развитія и измѣненія техники производства, нормы же гражданской отвѣтственности должны заключать въ себѣ только самыя общія положенія, одинаково пригодныя для многообразныхъ случаевъ и обстоятельствъ причиненія личныхъ поврежденій.

Для полной оцѣнки значенія германскаго закона 1871 г. слѣдуетъ рассмотретьъ его еще съ внѣшней, такъ сказать, стороны, что нами и будетъ сдѣлано ниже; теперь же мы перейдемъ

къ разсмотрѣнію внутреннихъ основаній отвѣтственности въ Швейцаріи.

2) *Швейцарія*. Швейцарское специальное законодательство объ отвѣтственности развивалось при тѣхъ же благопріятныхъ условіяхъ—пользованія опытомъ другихъ государствъ, какъ и англійское. Но хотя послѣдній швейцарскій законъ 1881 г. явился всего только однимъ годомъ позднѣе соотвѣтствующаго англійскаго закона 1880 года, тѣмъ не менѣе, они представляютъ между собою какъ бы два противоположныхъ полюса. Въ то время, какъ въ Англіи едва-едва удалось побороть своеобразную теорію „совмѣстнаго труда“, да и то побѣда во многихъ случаяхъ оказалась только формальною, въ Швейцаріи уже почти достигнуты предѣлы той индивидуальной отвѣтственности предпринимателей, которая въ остальныхъ странахъ является до сихъ поръ еще только недосыгаемымъ идеаломъ и выражается въ неосуществленныхъ еще законопроектахъ, пожеланіяхъ и т. п. А между тѣмъ и въ Швейцаріи пришлось бороться со многими свойственными ей особенными препятствіями или трудностями, какъ напр., полное отсутствіе единства въ общихъ гражданско-правовыхъ положеніяхъ, такъ какъ чуть не каждый кантонъ имѣетъ своеобразный гражданскій кодексъ или даже вовсе не кодифицированные законы ¹⁾).

Прежде всего тамъ былъ изданъ въ 1875 г. специальный, объ отвѣтственности транспортных предпріятій, законъ, приближающійся къ § 1 германскаго закона 1871 г., съ тою разницею, что отвѣтственность распространяется и на постройку желѣзныхъ дорогъ, а не только эксплуатацію, а также и на желѣзнодорожныя мастерскія. Затѣмъ былъ изданъ временной законъ для промышленныхъ предпріятій 23 марта 1877 г. и, наконецъ, нынѣ дѣйствующій по от-

1) Сравни W y s z, Die Haftpflichtfrage nach dem in der Schweiz geltenden Rechte, въ Schr. d. V. t. Soc. Pol. т. XIX, стр. 69 и слѣд., гдѣ изложены прежнія общія и спеціальныя законоположенія объ отвѣтственности до закона 1881 года.

ношенію къ нимъ законъ 25 іюня 1881 г. Сущность этого послѣдняго закона заключается въ слѣдующихъ главнѣйшихъ статьяхъ, опредѣляющихъ матеріальныя основанія отвѣтственности:

Ст. 1. Всякое лицо, владѣющее фабрикой (въ смыслѣ закона 23 марта 1877 г.), подлежитъ отвѣтственности въ размѣрѣ положеній настоящаго закона, если въ помѣщеніи его фабрики и вслѣдствіе дѣйствія оной (durch den Betrieb) кто либо изъ служащихъ или рабочихъ будетъ убитъ или понесетъ тѣлесное поврежденіе, насколько владѣлецъ фабрики или его уполномоченный, представитель, распорядитель или надсмотрщикъ фабрики причинили это поврежденіе или смерть какому нибудь провинностью въ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей.

Ст. 2. Владѣлецъ фабрики отвѣчаетъ одинаково, если и безъ подобной провинности, въ помѣщеніи фабрики и вслѣдствіе дѣйствія оной произойдетъ тѣлесное поврежденіе или смерть одного изъ служащихъ или рабочихъ, *поскольку онъ не докажетъ*, что несчастіе произошло отъ дѣйствія высшей силы или вслѣдствіе преступленія или проступка третьихъ лицъ, которыя не перечислены въ ст. 1 (т. е., въ сущности, постороннихъ лицъ), или по собственной винѣ пострадавшаго или убитаго.

Ст. 3. Въ отрасляхъ промышленности... порождающихъ опасныя болѣзни, владѣлецъ фабрики отвѣчаетъ также за ущербъ, происшедшій для служащаго или рабочаго черезъ болѣзнь, если можно прослѣдить, что заболѣваніе произошло исключительно отъ данной фабричной работы.

Ст. 4. устанавливаетъ право регресса предпринимателя по отношенію къ лицамъ, за провинности которыхъ онъ отвѣчаетъ.

Ст. 5. Обязанность вознагражденія со стороны владѣльца фабрики справедливымъ образомъ умалется:

- а) когда смерть или поврежденіе (кромѣ случаевъ, упоминаемыхъ въ ст. 3, произошли отъ случайности;
- б) когда на потерпѣвшаго падаетъ часть вины въ несчастіи (или въ болѣзни, въ смыслѣ 3 ст.), въ особенности если онъ поступилъ противъ предписаній фабричнаго регламента или въ качествѣ служащаго или рабочаго замѣтилъ недостатокъ въ условіяхъ производства, черезъ который и произошло несчастіе (или болѣзнь), но не далъ объ этомъ знать своему начальству или самому владѣльцу, если только пострадавшій не сможетъ доказать, что фабрикантъ или соотвѣтствующій представитель надзора были уже предупреждены объ этомъ неисправномъ или угрожающемъ обстоятельствѣ;
- в) когда прежнія поврежденія потерпѣвшаго имѣли вліяніе на послѣднее поврежденіе и его исходъ, или если здоровье заболѣвшаго было уже разстроено его предварительною фабричною работою.

При первомъ взглядѣ на этотъ законъ рельефно выступаютъ значительныя преимущества его въ сравненіи со всѣми

вышерассмотрѣнными законоположеніями объ отвѣтственности. Главнѣйшее преимущество заключается въ переложеніи бремени доказательствъ съ истца-потерпѣвшаго на отвѣтника-фабриканта, какъ это выражено въ ст. 2. Рядомъ съ этою статьей кажется какъ будто излишнею статья 1, въ которой отвѣтственность устанавливается положительными признаками—виновностью фабриканта или его высшихъ служащихъ, тогда какъ сейчасъ же дальше говорится объ отвѣтственности и безъ этихъ провинностей. Объясненіе этой неясности заключается въ историческомъ образованіи этого закона изъ предшествовавшаго ему временнаго закона объ отвѣтственности, въ которомъ (послѣднемъ) статья 1 была вставлена во время окончательныхъ преній для смягченія силы ст. 2, но не было сдѣлано согласованія редакцій этихъ двухъ статей. Новѣйшій законъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, но все-таки отражаетъ этотъ недостатокъ своего первообраза; но существованіе этой 1 статьи можетъ находить себѣ нѣкоторое объясненіе еще въ томъ, что она соотвѣтствуетъ одной изъ слѣдующихъ статей (6), въ которой указываются случаи неполнаго вознагражденія, которымъ ограничивается отвѣтственность фабриканта, если причиной несчастія была случайность или контрибутивная вина пострадавшаго. Но и это оправданіе существованія ст. 1 не вполне точно, потому что по ней предприниматель отвѣчаетъ за дѣйствія только высшихъ своихъ служащихъ, а не простыхъ рабочихъ; между тѣмъ, въ указаніи причинъ, освобождающихъ его отъ отвѣтственности или сокращающихъ размѣръ вознагражденія, не указано на вину простыхъ соработниковъ, стало быть, и за нихъ дѣйствія хозяинъ отвѣчаетъ сполна.

Переложеніе *onus probandi* на отвѣтника и отвѣтственность за всѣ причины несчастій, вытекающія изъ существа предпріятія, хотя и не за всѣ въ одинаковомъ размѣрѣ, почти приближаетъ его къ идеалу тѣхъ требованій, какія только и могутъ быть предъявлены къ отдѣльнымъ предпринимателямъ, не выходя уже окончательно за предѣлы юридическихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, основъ отвѣтственности.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ особенностей его по сравненію съ другими законами, въ немъ есть еще одно весьма важное расширеніе объема отвѣтственности, именно · распространеніе ея не только на случаи внезапныхъ несчастныхъ случаевъ, но и на болѣе или менѣе продолжительное вредное вліяніе условій работы въ нѣкоторыхъ наиболѣе опасныхъ отрасляхъ производства. Такъ далеко до сихъ поръ не распространялъ еще отвѣтственности не только ни одинъ изъ представленныхъ въ разныхъ государствахъ проектовъ объ усиленіи индивидуальной отвѣтственности, но это еще не служитъ даже объектомъ обязательнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, какъ существующаго уже въ нѣкоторыхъ государствахъ, такъ и еще только проектированнаго въ другихъ. А между тѣмъ несомнѣнно, что подъ несчастные случаи, вытекающіе изъ существа промышленныхъ предприятий, должны также подойти и такія губительныя причины, медленно разрушающія трудоспособность и вообще здоровье рабочихъ. Во многихъ отрасляхъ промышленности причины эти, до извѣстной степени, неизбежны, но, до извѣстной степени, ихъ разрушительное дѣйствіе можетъ быть и ослаблено. И вотъ, за непринятіе такихъ мѣръ предосторожности тамъ, гдѣ онѣ возможны, несомнѣнно есть такое же основаніе возлагать на фабрикантовъ отвѣтственность, какъ и въ случаяхъ травматическихъ поврежденій.

Послѣ всего вышеизложеннаго объ общихъ основаніяхъ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предприятий за вредъ, причиняемый ихъ промысломъ рабочимъ, становится уже вполне яснымъ, почему въ Швейцаріи найдено нужнымъ и возможнымъ подвести и этотъ видъ опасности промысла подъ общую категорію опасностей, связанныхъ съ производствомъ вообще. Самъ по себѣ швейцарскій законъ, со всѣми своими сравнительными преимуществами, служить выраженіемъ послѣдовательнаго развитія идеи отвѣтственности, которая, въ теченіи какого нибудь полутора десятка лѣтъ, т. е. считая съ 1871 г., сдѣлала такіе быстрые успѣхи, выражаясь въ совершенствованіи спеціальнаго, от-

носящагося до нея, законодательства. Развитие этой идеи идет такъ быстро и неудержимо впередъ, что послѣдующіе проекты обезпеченія участи пострадавшихъ рабочихъ, можно сказать, уже перескакиваютъ черезъ обычный порядокъ развитія этихъ мѣръ. Почва юридической индивидуальной или гражданской отвѣтственности признается уже слишкомъ узкой, а потому переходятъ непосредственно на почву необходимости обезпеченія рабочихъ во всѣхъ уже несчастныхъ случаяхъ вообще, независимо отъ вопроса, насколько строго юридически оно вытекаетъ изъ обязанностей предпринимателей, а это осуществимо уже только въ формѣ обязательнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Б. Внѣшняя сторона законодательствъ объ отвѣтственности.

1) При разсмотрѣніи внутреннихъ основаній отвѣтственности по законодательствамъ различныхъ странъ, намъ нельзя было не затрогивать вопроса о *значеніи порядка представленія доказательствъ*. Хотя, повидимому, вопросъ этотъ касается только процессуальной стороны дѣла, въ дѣйствительности же однако съ нимъ тѣсно связано и матеріальное содержаніе нормъ отвѣтственности. Переложеніе бремени доказательствъ съ истца на отвѣтника есть не только измѣненіе въ положеніи сторонъ во время процесса, но прямое установленіе закономъ *абсолютной* обязанности вознаграждать потерпѣвшаго вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, вытекающихъ изъ существа предпріятія. Разсматривая нормы желѣзно-дорожной отвѣтственности можно придти къ заключенію, что тамъ нѣтъ рѣчи даже и о презумпціи виновности, въ смыслѣ болѣе или менѣе субъективной вины владѣльца предпріятія. Одинъ фактъ наличности поврежденія тамъ уже служить основаніемъ для возложенія отвѣтственности на предпринимателя, если только послѣднимъ не будетъ доказано воздѣйствіе высшей силы или вина самого пострадавшаго или постороннихъ лицъ. Вопросъ о степени субъективной

предусмотрительности, осторожности и внимательности (*diligentia*) такимъ образомъ совершенно устраняется.

Но существенное отличіе заключается въ условіяхъ несенія отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, когда истецъ самъ долженъ указать на причину несчастнаго случая и когда вознагражденіе назначается лишь въ томъ случаѣ, если причина эта прямо подходитъ подъ одну изъ указанныхъ въ законѣ. Здѣсь, какъ мы знаемъ, въ самомъ *указаніи* на причину, вызвавшую несчастный случай, должно въ тоже время заключаться и доказательство причинной связи между причиной и этимъ ея слѣдствіемъ, и въ этомъ то и заключается вся трудность или „бремя“ доказательствъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Трудность эта тѣмъ болѣе велика, чѣмъ сложнѣе организація производства, его механизмы, сооруженія и т. п. Дѣйствія одного лица тутъ такъ тѣсно связаны съ дѣйствіями другаго, что разобратъ въ вопросахъ о причинѣ несчастія очень часто совсѣмъ почти невозможно. Неправильно отданное кѣмъ либо приказаніе можетъ вызвать несчастныя послѣдствія иногда въ совершенно отдаленномъ помѣщеніи. Несвоевременно пущенная въ ходъ машина, недостаточное огражденіе опасныхъ частей, тѣснота помѣщеній и проходовъ—это все, конечно, причины, которыя иногда возможно бываетъ констатировать. Но далеко не всегда самъ пострадавшій можетъ опредѣлить или указать на нихъ послѣ того, какъ несчастіе произошло, въ особенности когда онъ бываетъ тяжело изувѣченъ, а тѣмъ болѣе въ случаѣ его смерти.

Между тѣмъ владѣлецъ предпріятія есть именно то лицо, которое лучше чѣмъ кто либо изъ его простыхъ рабочихъ можетъ и долженъ знать взаимную обусловленность всѣхъ моментовъ и условій производства. Поэтому, если на него и возлагается бремя доказательствъ, что тѣмъ самымъ для него вовсе еще не исключается возможность доказать, что несчастіе произошло по исключительно собственной винѣ или неосторожности пострадавшаго и тѣмъ освободиться отъ обязанности его вознаграждать.

И можно даже сказать, что сложение отвѣтственности доказанной ссылкой на собственную вину пострадавшаго до- ставляетъ еще слишкомъ большой просторъ для этой цѣли. Дальше однако подобныхъ условій несенія отвѣтственности не идетъ какъ ни одно изъ существующихъ законодательствъ, такъ и ни одинъ изъ ниже рассматриваемыхъ проектовъ. А между тѣмъ, само по себѣ, понятіе собственной вины или неосторожности пострадавшаго весьма условно и относи- тельно. То, что обыкновенно подводится подъ это понятіе, очень часто есть лишь слѣдствіе особой опасности различ- наго рода работъ и промысловъ. Такъ, существуютъ несом- нѣнные данныя, что число этихъ случаевъ весьма значительно измѣняется по различнымъ отраслямъ и видамъ промышлен- ности: въ однихъ число это регулярно. изъ года въ годъ, оказы- вается значительно большимъ, въ другихъ — меньшимъ. Нѣтъ никакого основанія относить причину этихъ явленій къ свойствамъ самихъ рабочихъ, будто бы способныхъ такъ существенно отличаться другъ отъ друга въ различныхъ пред- пріятіяхъ. Но, напротивъ того, можно и должно объяс- нять это различіемъ степени опасности самихъ промысловъ. Въ подтвержденіе этого приводимъ слѣдующую таблицу, из- влеченную изъ наиболее полныхъ и достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ въ Германіи во время обсужденія проектовъ об- язательномъ страхованіи рабочихъ. Для ясности мы при- водимъ не абсолютныя числа, а цифры, выражающія число несчастныхъ случаевъ въ годъ приходящихся на 1000 рабо- чихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности:

Горная, горнозаводская, и т. п.	88,57
Строительныя работы	72,31
Машиностроительныя	65,63
Химическія производства	52,10
Обработка дерева	46,22
——— металла	40,94
Провзв. горючихъ и освѣтит. матеріаловъ	30,40
——— стекла, обработ. камней	27,78
——— питательныхъ прод.	27,34
——— бумажныхъ и кожевенныхъ	22,63
——— волокнистыхъ веществъ	11,36

и т. д.

Цифры эти значительно разнятся также между собою по различнымъ отраслямъ промышленности въ отношеніи послѣдствій несчастныхъ случаевъ. Но такъ какъ для интересующаго насъ вопроса они имѣютъ лишь косвенное значеніе, то мы укажемъ только на общіе результаты для всѣхъ видовъ промышленности, а именно:

Смертельные случаи	2,3% или 1,01 на 1000 раб.
влекущіе полную неспособность къ труду	0,4% — 0,19 — — —
— неполную — — —	1,6% — 0,67 — — —
— временную — — —	95,8% — 43,46 — — —

Данные эти, между прочимъ, могутъ доказывать, насколько преувеличены доводы, будто возложеніе на предпринимателей обязанности вознаграждать потерпѣвшихъ можетъ серьезно обременить промышленность. По расчету извѣстнаго статистика Энгеля (бывшаго директора прусскаго статистическаго бюро), въ самой опасной отрасли промышленности—каменноугольной, всѣ вызываемыя этимъ расходы, будучи переложены на стоимость продуктовъ этого производства, возвысили бы цѣну центнера каменнаго угля лишь на 0,4 пфенига, т. е. на $\frac{1}{5}$ копейки на 6 пудовъ.

Для интересующаго насъ вопроса гораздо больше значенія имѣетъ различеніе несчастныхъ случаевъ по ихъ причинамъ. Но въ этомъ отношеніи статистическія данныя еще менѣе полны и достовѣрны. Такъ, по даннымъ того же Энгеля, собраннымъ имъ для Пруссіи за 1874 и 1879 годы, причины выражаются въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ:

	1874 г.	%	1879 г.	%
1) Случай или стихійная сила	795	— 15,42	1195	— 28,77
2) Собственная вина или неосторожность	3975	— 77,12	4607	— 66,76
3) Собственная наказуемая вина	9	— 0,18	12	— 0,16
4) Чужая неосторожность или вина	230	— 4,46	163	— 2,47
5) Чужая наказуемая вина	71	— 1,38	77	— 1,13
6) Незвѣстныя причины :	74	— 1,44	46	— 0,07

Если допустить правильность показанія этихъ причинъ, то мы должны придти къ заключенію, что потерпѣвшіе могутъ получить вознагражденіе только въ очень рѣдкихъ случаяхъ,

именно—въ 4 и 5 категоріи причинъ, что въ среднемъ изъ этихъ двухъ годовъ дать всего лишь 4,72 %. Да еще и эту цифру придется уменьшить, въ виду того, что по германскому закону хозяинъ не отвѣчаетъ за вину простыхъ со-товарищей рабочихъ. Тогда мы получили бы, можетъ быть, всего какихъ нибудь 3% изъ всего числа несчастныхъ случаевъ, за которые можно получить вознагражденіе. Въ виду того, что у Энгеля не показано, какимъ путемъ добыты эти свѣдѣнія, намъ остается предположить, или, что таково въ дѣйствительности число случаевъ, когда рабочему удастся по суду доказать свой искъ, или же, что такъ обыкновенно объясняютъ причину несчастныхъ случаевъ лица, дающія о нихъ показанія.

Не довольствуясь этими данными, мы сдѣлали слѣдующее извлеченіе изъ отчетовъ германскихъ фабричныхъ инспекторовъ, въ которыхъ приводятся болѣе точныя указанія на причины несчастныхъ случаевъ. Къ сожалѣнію не всѣ они группируютъ одинаково эти причины и, потому, намъ удалось сдѣлать сводную таблицу лишь на основаніи 1462 несчастныхъ случаевъ за одинъ годъ наблюденія, и тогда процентное отношеніе причинъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ %
1) Недостатокъ мѣръ предосторожности	4,2
2) Неисполненіе или непользованіе ими	10,7
3) Небрежность или неловкость	32,4
4) Опасность самаго промысла	14,6
5) Вина со-работниковъ	3,0
6) Совмѣстно дѣйствующія причины	25,2
7) Всѣ остальные и неизвѣстныя причины	10,0

При такой группировкѣ причинъ становится уже гораздо болѣе яснымъ значеніе порядка представленія доказательствъ при установленіи тѣхъ или другихъ условій отвѣтственности. Такъ, если бремя доказательствъ лежитъ на пострадавшихъ, то, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ процесса, имъ можетъ удастся доказать вину хозяина или надзирающаго персонала только въ первыхъ двухъ случаяхъ причинъ,

т. е. въ 15% всѣхъ случаевъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда, какъ на примѣръ по французскому законодательству, хозяинъ отвѣчаетъ и за убытокъ, причиненный всякимъ служащимъ или работникомъ, число благопріятныхъ исходовъ процесса увеличится еще на 3%; наконецъ, если сюда же присоединить и отвѣтственность за случаи, причиной которыхъ является контрибутивная вина пострадавшихъ, то и тогда мы все-таки не получили бы даже половины всѣхъ случаевъ поврежденій; да этого послѣдняго никогда почти и не можетъ быть при возложеніи *onus probandi* на истца.

Теперь мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: если матеріально условія отвѣтственности сами по себѣ не будутъ расширены дальше собственной вины и небрежности владельца предпріятія и его служащихъ и недостатковъ въ машинахъ, огражденіяхъ и т. п., то переложеніе *onus probandi* съ истца на отвѣтчика можетъ имѣть своимъ результатомъ не матеріальное расширеніе отвѣтственности, какъ стараются иногда доказать противники такого порядка, а только приведеніе отвѣтственности къ ея дѣйствительно предположеннымъ размѣрамъ. Выигрышъ тутъ будетъ именно только процессуальный, въ смыслѣ облегченія раскрытія настоящихъ причинъ несчастныхъ случаевъ, и отсюда вовсе не будетъ вытекать презумпція виновности во всякомъ случаѣ или установленіе абсолютной отвѣтственности предпринимателей. Последняя, дѣйствительно, можетъ быть установлена закономъ, но только тогда, когда въ немъ нѣтъ *положительныхъ* указаній основаній отвѣтственности, а есть только указанія *отрицательныя*, на причины, избавляющія отъ отвѣтственности, какъ-то: собственная вина пострадавшихъ и стихійная сила. Такъ оно есть по спеціальнымъ желѣзнодорожнымъ законамъ объ отвѣтственности, но до этого еще не доходитъ разсмотрѣнный швейцарскій законъ 1881 года. Последній занимаетъ, можно сказать, почти что среднее мѣсто между тѣми и другими видами отвѣтственности, потому что, подъ опасность, свойственную данному промыслу, подойдутъ такъ называемыя случайныя причины, которыя неизбѣжны и непредотвратимы въ

субъективномъ смыслѣ слова, но въ то же время вытекаютъ изъ существа самаго предпріятія. За нихъ, какъ извѣстно, хозяинъ отвѣчаетъ въ уменьшенномъ (обыкновенно до половины) размѣрѣ, равно какъ и въ случаяхъ контрибутивной виновности пострадавшихъ. Если мы теперь, пользуясь процентными данными послѣдней нашей таблицы, выразимъ въ общей суммѣ процентное число случаевъ, подлежащихъ вознагражденію по этому швейцарскому закону, то отъ сложенія процентовъ причинъ 1, 2, 4, 5 и 6 мы получимъ въ сложности 57,6%, т. е. все таки только немного болѣе половины всего числа случаевъ, изъ коихъ за 4, 5 и 6 причины отвѣтственность еще уменьшается на половину; значитъ, и тутъ нѣтъ рѣчи о какой бы то ни было *абсолютной* отвѣтственности. При этомъ надо принять во вниманіе, что изъ числа этихъ случаевъ значительная часть могла бы быть предотвращена предпринимателемъ посредствомъ принятія соотвѣствующихъ мѣръ предосторожности.

Что весьма значительное число случаевъ, вытекающихъ изъ такъ называемой опасности свойственной промыслу, можетъ быть сокращаемо принятіемъ различныхъ мѣръ предосторожности,—это не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію; въ особенности послѣ блистательныхъ и наглядныхъ результатовъ мюльгаузенскаго общества для предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ машинами, существующаго съ 1867 г., стало быть, имѣющаго двадцати-лѣтнюю практику. Изъ этихъ отчетовъ, равно какъ изъ различныхъ свидѣтельствъ о благодѣтельныхъ вліяніяхъ англійскихъ фабричныхъ законовъ 1861 и 1878 г.г., включавшихъ въ себѣ правила объ обязательномъ огражденіи опасныхъ частей машинъ, механизмовъ и т. п., можно вывести заключеніе объ относительности этого понятія „опасность промысла самаго по себѣ“.

При обсужденіи вопроса о степени небрежности и неосторожности самихъ пострадавшихъ должны быть также принимаемы во вниманіе утомительность работы въ зависимости отъ ея продолжительности, что подтверждается значитель-

ж. гр. и уг. пр. кн. 1 1888 г.

нымъ увеличеніемъ числа несчастій въ концѣ періодовъ работы, напримѣръ, къ концу дня.

Въ концѣ концовъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что никакіе штрафы и уголовныя наказанія не могутъ въ такой степени вліять побуждающимъ образомъ на принятіе всевозможныхъ мѣръ предосторожности, какъ дѣйствуетъ возлагаемая на предпринимателей обязанность вознаграждать потерпѣвшихъ отъ какихъ бы то ни было причинъ, вытекающихъ изъ существа самого предпріятія. Этому опять таки найдется многочисленныя подтвержденія въ различныхъ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ, сравнивающихъ число несчастныхъ случаевъ до и послѣ изданія законовъ объ отвѣтственности за смерть и увѣчья рабочихъ. Въ существѣ этой отвѣтственности заключается, стало быть, самое сильное побуждающее средство къ принятію мѣръ по сокращенію числа несчастныхъ случаевъ со стороны предпринимателей.

Доказательствомъ всюду уже созрѣвшаго убѣжденія въ несостоятельности общаго порядка представленія доказательствъ истцомъ-потерпѣвшимъ служить цѣлый рядъ законопроектовъ объ усиленіи отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, которые въ послѣднее десятилѣтіе вносятся въ различныхъ государствахъ на обсужденіе парламентовъ. Первой страной, которой особенно слѣдовало позаботиться объ лучшемъ обезпеченіи участи инвалидовъ труда была *Австрія*. Вскорѣ послѣ изданія германскаго закона 1871 г. австрійское правительство составляетъ проектъ новаго промышленнаго устава, въ составѣ котораго находились существенныя измѣненія порядка несенія предпринимателями разсматриваемой отвѣтственности.

По § 55 этого устава предполагалось возложить бремя доказательствъ на отвѣтника, который могъ бы освободиться отъ обязанности вознаграждать потерпѣвшаго только въ случаѣ доказанной имъ собственной вины потерпѣвшаго. При этомъ право на полученіе вознагражденія ограничивалось тѣми случаями, когда потерпѣвшій не получалъ пособія отъ какой-либо вспомогательной кассы. Въ проектѣ же промыш-

ленного устава 1877 г. и это несправедливое ограничение было отброшено. Затѣмъ, какъ бы испугавшись протеста фабрикантовъ, выраженнаго черезъ посредство совѣщательныхъ учреждений, австрійское правительство въ проектѣ промышленнаго устава 1879 г. опять какъ бы возвращается къ общему порядку представленія доказательствъ; но во всякомъ случаѣ отвѣтственность усиливалась распространеніемъ ея на предпринимателей за дѣйствія всѣхъ служащихъ. Раньше однако, чѣмъ проектъ этотъ былъ подвергнутъ на обсужденіе парламента, онъ былъ взятъ правительствомъ обратно, такъ какъ найдено было болѣе цѣлесообразнымъ привести его въ соотвѣтствіе съ проектируемымъ по германскому образцу страхованіемъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Такимъ образомъ Австрія представляетъ собой примѣръ страны, дѣлающей, такъ сказать, скачекъ отъ расширенія индивидуальной гражданской отвѣтственности предпринимателей къ обезпеченію рабочихъ на ихъ же счетъ, но уже безъ различенія причинъ несчастій путемъ страхованія.

Независимо отъ развитія спеціальнаго законодательства объ отвѣтственности въ иностранныхъ государствахъ, вопросъ этотъ былъ возбужденъ во *Франціи* еще весною 1880 г. И здѣсь, несмотря на сравнительно болѣе благопріятную для потерпѣвшихъ постановку вопроса по общимъ гражданскимъ законамъ, возложеніе тяжести доказательствъ на истца было признано непосильнымъ бременемъ. Поэтому 29 мая 1880 г. *Мартэнъ Надо* вноситъ въ палату депутатовъ свой краткій законопроектъ, заключающійся всего въ одномъ параграфѣ: „Если кто - либо, отдающій въ наемъ свой трудъ другому лицу, будетъ убитъ или потерпитъ личное поврежденіе въ работѣ, то его наниматель долженъ нести за это полную отвѣтственность, если только не докажетъ, что несчастіе произошло по винѣ самого пострадавшаго“. Въ краткой же, но вѣской мотивировкѣ этого предложенія указывалось на непреодолимая для рабочаго трудности доказывать свои права на вознагражденіе. Судьба этого законопроекта совершенно одинакова съ судьбою безчисленнаго множества другихъ ему по-

добныхъ. Палата депутатовъ постановляетъ передать ихъ въ комисіи для предварительнаго разсмотрѣнія. Комисіи вполнѣ одобряютъ эти проекты, но до окончательнаго разсмотрѣнія и вотированія дѣло не доходитъ, такъ какъ всегда кѣмънибудь нарочно дѣлается предложеніе какого-либо незначительнаго измѣненія, съ цѣлью передачи вопроса снова на разсмотрѣніе комисіи. Не рѣшаясь такимъ образомъ открыто провалить всѣ эти предложенія, преслѣдующія все одну и ту же цѣль — переложеніе бремени доказательствъ на отвѣтчика, гг. депутаты видимо боятся прямо показать себя врагами рабочихъ, а потому попросту оттягиваютъ до безконечности рѣшеніе этого вполнѣ назрѣвшаго вопроса. Мы не будемъ поэтому передавать содержаніе этихъ законопроектовъ; укажемъ только, что въ наиболѣе обработанныхъ изъ нихъ (Felix Faure, Leon Peulevey), проводится одновременно мысль и о необходимости перенесенія бремени доказательствъ на отвѣтчика, и о воспособленіи несенію этой отвѣтственности путемъ страхованія рабочихъ. Послѣднее, не будучи обязательнымъ, естественно развивалось бы само собой, т. е. по доброй волѣ предпринимателей, какъ средство болѣе равномернаго распредѣленія между ними бремени усиленной отвѣтственности.

Къ такому же рѣшенію вопроса приходитъ и *Италія*. Здѣсь точно также признается недостаточно обезпеченною участь терпящихъ личныя поврежденія рабочихъ по общимъ статьямъ гражданскаго кодекса, буквально воспроизводящаго здѣсь соотвѣтственныя статьи 1382 — 1384 франц. кодекса. Поэтому въ 1879 г. депутатъ Pericoli, въ 1880 — Minghetti, а въ 1881—1882 г. уже и само правительство вносятъ въ парламентъ предложенія о перенесеніи бремени доказательствъ съ истца на отвѣтчика, освобождающагося отъ отвѣтственности только доказательствомъ собственной вины потерпѣвшаго или воздѣйствія высшей силы и непреодолимой случайности. Далѣе въ этихъ, какъ и французскихъ законопроектахъ предлагается упрощеніе порядка судопроизводства, право безвозмезднаго хотатайства передъ

судомъ и т. п. Но ранѣе разсмотрѣнія этого законопроекта въ Италіи (въ 1883 г.) было организовано страхованіе рабочихъ, хотя опять - таки на началахъ добровольныхъ. Последнее можетъ, однако, получить широкую будущность только при условіи усиленія отвѣтственности въ защищаемомъ нами смыслѣ. Иначе и безъ помощи страхованія несеніе отвѣтственности не можетъ составить серьезнаго бремени даже для единоличныхъ силъ предпринимателей.

Изъ крупныхъ западно - европейскихъ государствъ одна только Англія остается въ сторонѣ отъ этого общаго движенія. Но такова, значитъ, сила извѣстныхъ традицій и теорій *common employment*, что вопросъ этотъ даже вовсе и не возбуждался въ вышеупомянутой комисіи по пересмотру закона 1880 г. Напротивъ того, само назначеніе этой комисіи мотивировалось стремленіемъ узнать, не слишкомъ ли обременителенъ и этотъ, въ сущности самый жалкій, законъ для предпринимателей. Подтвержденія такому предположенію нельзя было однако найти рѣшительно ни въ одномъ отвѣтѣ изъ всей массы свидѣтельскихъ показаній.

2) По второму процессуальному вопросу о *срокахъ* для подачи исковъ о вознагражденіи за понесенные отъ несчастныхъ случаевъ убытки всѣ существующія законодательства объ отвѣтственности представляютъ слѣдующія особенности:

Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ спеціальныхъ законовъ, давность, превращающая право подачи исковъ, опредѣляется по общимъ гражданскимъ законамъ; такъ по австрійскому и французскому законодательствамъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ система *code Napoléon* (30 лѣтъ).

Несомнѣнно, что болѣе продолжительный срокъ давности есть условіе, благопріятствующее интересамъ потерпѣвшихъ, которые иногда могутъ быть лишены возможности, вслѣдствіе болѣзни, подать во время искъ; въ особенности же это имѣетъ значеніе для семей, остающихся послѣ убитаго рабочаго, которые могутъ иногда долго не имѣть объ этомъ извѣстій. Но съ другой стороны, возбужденіе подобнаго иска спустя слишкомъ продолжительный срокъ въ высшей степени за-

труднѣетъ разрѣшеніе вопроса о виновности, по невозможности возстановить всѣ условія и обстоятельства, сопровождавшія несчастный случай и служащія къ выясненію его причины. Поэтому, всѣ спеціальныя законодательства устанавливаютъ болѣе ограниченные сроки давности, вдаваясь при этомъ иногда и въ другую крайность.

На первомъ планѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи стоитъ, конечно, англійскій законъ 1880 г., опредѣляющій въ своемъ § 4, что „искъ о вознагражденіи не можетъ быть предъявленъ иначе, какъ если извѣщеніе о происшедшемъ поврежденіи дано въ теченіи 6 недѣль, а искъ начатъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ со времени причиненія увѣчья и въ теченіи одного года со дня смерти“. Это строгое правило можетъ быть смягчено судьей, если онъ признаетъ, что къ отсутствію такого извѣщенія въ случаѣ смерти была уважительная причина. Далѣе, въ § 7 подробно указываются требованія, которымъ должно удовлетворять такое предварительное извѣщеніе, условія его врученія и т. п. Какъ слѣдуетъ изъ показаній свидѣтелей въ упоминаемой комиссіи по пересмотру закона 1880 г., требованіе этого извѣщенія весьма обременительно, равно какъ и слишкомъ короткіе сроки давности; поэтому, комиссія нашла возможнымъ предложить, чтобы допускалась иногда, по уважительнымъ причинамъ, подача исковъ и безъ подачи этихъ заявленій или несмотря на нѣкоторые недостатки въ нихъ ¹⁾; по отношенію же къ давности вопросъ остался въ прежнемъ положеніи.

Въ *швейцарскомъ* законѣ (по ст. 12) срокъ давности установленъ также слишкомъ короткій, именно — одинъ годъ со дня смерти, увѣчья или поврежденія въ здоровьи (по ст. 3). (Точно также и въ проектѣ итальянскаго закона 1883 г.).

По *германскому* закону 1871 г. (§ 8) давность устанавливается *двулѣтняя*, со дня несчастнаго случая для самаго пострадавшаго и со дня его смерти для лицъ, имѣвшихъ право на полученіе средствъ существованія отъ убитаго, въ томъ

¹⁾ Нант. Report, п. 6, стр. XV.

числѣ и для малолѣтнихъ. Германскій законъ является, такимъ образомъ, наиболѣе мягкимъ по отношенію къ пострадавшимъ, но и то не безъчужь, потому что легко можно представить себѣ случаи, что пострадавшій самъ не въ состояніи подать искъ въ теченіи этого срока, вслѣдствіе серьезной болѣзни; перерыва же въ теченіи давности путемъ подачи не форменнаго иска, а простого заявленія, законъ не допускаетъ. Во всякомъ случаѣ, въ видахъ облегченія предпринимателей съ одной стороны, такъ какъ имъ нужно знать, придется ли имъ платить за поврежденіе или нѣтъ, а равно и въ интересахъ разслѣдованія причинъ несчастнаго случая, съ двухгодичнымъ срокомъ примириться, пожалуй, возможно, тѣмъ болѣе, что самый фактъ непредъявленія иска въ теченіи двухъ лѣтъ доказываетъ, что пострадавшія лица, не особенно нуждаются въ вознагражденіи; но этого нельзя, разумѣется, сказать про годичный срокъ, который является безчужь короткимъ.

Этотъ срокъ давности по германскому закону (§ 7 alin. 2) не примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ постановленія судомъ рѣшенія о вознагражденіи обнаружатся какія нибудь новыя обстоятельства, не бывшія прежде въ виду суда; напримѣръ, если послѣдствія поврежденія обнаружились въ болѣе сильной степени только послѣ приговора, или если отвѣтчикъ найдетъ, что степень понесеннаго поврежденія была опредѣлена выше дѣйствительности.

Сами по себѣ эти сроки давности хотя и имѣютъ большее значеніе, но еще большее они имѣютъ въ виду возможности злоупотребленій ими со стороны хозяевъ промышленныхъ предпріятій при помощи слѣдующей уловки: если пострадавшій не вполне утратилъ способность къ работѣ, то ему предлагается хозяиномъ остаться у него на службѣ за прежнее вознагражденіе, съ назначеніемъ на какую нибудь болѣе легкую работу; въ виду трудностей процесса и возможности получить больше, чѣмъ присудитъ судъ, пострадавшій на это соглашается; но проходитъ срокъ давности и хозяинъ отказывается ему и въ работѣ, и пострадавшій те-

ряетъ право на подачу иска. Противъ такихъ злоупотребленій недѣйствительны никакія запрещенія особыхъ соглашеній между хозяевами и рабочими, потому что если они запрещаются, то только въ смыслѣ предварительныхъ соглашеній, т. е. до несчастнаго случая при поступленіи на работу. Между тѣмъ безусловно запрещать какія бы то ни было добровольныя соглашенія между пострадавшими и хозяевами нѣтъ основаній, потому что этимъ устранялась бы возможность утилизованія остатковъ трудоспособности пострадавшаго—во первыхъ, а во вторыхъ, дѣлалось бы обязательнымъ доведеніе дѣла до суда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ добросовѣстно желалъ бы исполнить свое обѣщаніе по отношенію къ пострадавшему, что было бы къ выгодѣ обѣихъ сторонъ, избавляя ихъ отъ судебныхъ издержекъ и вообще непріятности судиться. Но ни въ одномъ изъ специальныхъ законовъ такіе случаи до сихъ поръ не предвидѣны, хотя практика указываетъ уже на громадное число случаевъ подобныхъ обходовъ закона.

Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ этого могло бы служить такого рода добавленіе къ опредѣленію сроковъ давности, которымъ не устранялись бы согласныя съ закономъ частныя соглашенія, но въ тоже время и предупреждалась бы возможность злоупотребленій ими. Поэтому слѣдовало бы формулировать это такимъ образомъ, что установленный въ законѣ срокъ давности можетъ быть возстановленъ судомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ теченіи означеннаго срока владѣльцы предпріятій, не заключивъ хотя бы добровольнаго, но болѣе или менѣе формальнаго, соглашенія, оставить потерпѣвшаго у себя на службѣ, а затѣмъ уволить его.

Такимъ образомъ достигалась бы вышеуказанная цѣль. Если же не сдѣлать этой оговорки, то потерпѣвшіе будутъ оставляемы своимъ хозяиномъ на его службѣ до истеченія срока давности, а потомъ, за отсутствіемъ доказательствъ добровольнаго соглашенія, они будутъ безнаказанно уво-

няемы. Въ виду важности этихъ частныхъ соглашеній необходимо разсмотрѣть значеніе ихъ особо.

3. *Ограниченія примѣненія законовъ объ ответственности путемъ частныхъ соглашеній* между нанимателями и рабочими отчасти вовсе не запрещаются спеціальными законами (общими же и само собою разумѣется), отчасти допускается нѣкоторое видоизмѣненіе формъ вознагражденія, именно путемъ участія предпринимателей въ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и вообще въ разныхъ вспомогательныхъ кассахъ и учрежденіяхъ.

Въ сущности никакія запрещенія такихъ соглашеній не были бы нужны, если бы, къ сожалѣнію, не обнаруживалось на практикѣ, что суды иногда игнорируютъ общее правовое положеніе, что никто вообще частными соглашеніями не можетъ отмѣнять дѣйствіе закона или лишать себя правъ законныхъ. Что касается до отсутствія запрещенія какихъ бы то ни было частныхъ соглашеній во *Франціи*, то тамъ это и не вызываетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, потому что справедливыя начала отвѣтственности настолько усвоены судебною практикой, что если такія соглашенія кѣмъ либо и заключаются, то суды, ни мало не колеблясь, объявляютъ ихъ недѣйствительными, считая ихъ какъ бы вынужденными силой, а въ данномъ случаѣ—нуждой въ работѣ; такіе контракты даже носятъ тамъ особое названіе: *contrats léonins* (римская *societas leonina*).

Но не таково положеніе этого дѣла въ *Англіи*, гдѣ суды совершенно иначе относились и относятся къ интересамъ рабочихъ.

Въ этомъ отношеніи, поэтому, страдаетъ весьма крупнымъ недостаткомъ англійскій законъ 1880 г. Въ немъ нѣтъ никакого запрещенія такихъ соглашеній, равно какъ и никакихъ указаній о значеніи участія предпринимателей въ какихъ бы то ни было вспомогательныхъ кассахъ. Въ немъ есть только статья (5), говорящая объ исключеніи изъ вознагражденія, присуждаемаго судомъ по акту 1880 г., всѣхъ тѣхъ штрафовъ (уголовнаго характера), которые могли быть

уплачены фабрикантомъ въ пользу рабочаго по какимъ либо другимъ законамъ. Это, стало быть, есть ограниченіе вознагражденія только въ интересахъ отвѣтчиковъ. Не знаемъ, было ли отсутствіе запрещенія этихъ частныхъ соглашеній просто непредусмотрительностью закона, или же это вполне согласовалось съ духомъ прежняго англійскаго законодательства объ отвѣтственности, по которому рабочий воленъ принимать на себя всякій рискъ и опасность сопряженные съ промысломъ, стало быть—и заключать, особые договоры, лишающіе его пользованія правами, предоставляемыми ему актомъ 1880 г. Во всякомъ случаѣ, лишь только вступилъ въ силу этотъ актъ (съ 1 января 1881 г.), какъ немедленно же гг. предприниматели поспѣшили оградить себя отъ непріятныхъ его для нихъ послѣдствій, заключивъ съ находящимися у нихъ рабочими и заключая съ вновь поступающими на работу эти особые договоры, которыми рабочіе обязывались отказываться отъ всѣхъ правъ, предоставляемыхъ имъ этимъ актомъ. Не было ни одного свидѣтеля въ упоминаемой комисіи (а ихъ было 65), который не подтверждалъ бы многочисленными фактами, что заключеніе подобныхъ контрактовъ вскорѣ сдѣлалось *conditio sine qua non* получения работы. Тщетно пытались было рабочіе бросать тѣхъ хозяевъ, которые заставляли ихъ такимъ образомъ отказываться отъ правъ, даруемыхъ имъ актомъ 1880 г., потому что такихъ хозяевъ было большинство, а меньшинство, которое не заключало этихъ особыхъ договоровъ, не могло занять всѣхъ этихъ рукъ ¹⁾. Еще и то хорошо было, если эти послѣдніе хозяева не понижали, подъ вліяніемъ этого усиленнаго предложенія труда, заработной платы. Нѣкоторые же, болѣе добродѣтельные, фабриканты поспѣшили застраховать своихъ рабочихъ въ быстро возникшихъ послѣ изданія акта 1880 г. частныхъ страховыхъ обществахъ, вычитая при этомъ страховую премію изъ жалованья самихъ же рабочихъ,

¹⁾ Report on Empl. lial. Act. Committee, свидѣтель Woods, въ особенности въ отвѣтахъ №№ 76—84.

или приплачивая не болѣе 25% къ страховымъ преміямъ, вносимымъ самими рабочими, во всѣхъ этихъ случаяхъ снимаемая съ себя обязанность отвѣчать лично по закону ¹⁾). Страхование это, почти исключительно распространяясь только на тѣ случаи, за которые предприниматели должны бы были отвѣчать по закону, разумѣется, нисколько не устраняло, поѣтому, необходимости судебныхъ разбирательствъ.

Запрещенія этихъ соглашеній высказаны въ *германскомъ* (§ 5) и *швейцарскомъ* (§ 10) существующихъ законахъ *безусловно*, такъ что всѣ противорѣчащіе этому договоры лишаются законной силы.

4) Последній вопросъ, касающійся внѣшней стороны законодательства объ отвѣтственности—*есть вопросъ о размѣрѣ вознагражденія за несчастные случаи и о лицахъ, имѣющихъ на него право.*

Въ общихъ законодательствахъ объ отвѣтственности за вредъ и убытки, наносимые однимъ лицомъ другому, не дѣлается, разумѣется, никакого точнаго опредѣленія способовъ возмѣщенія этихъ убытковъ, потому что подъ послѣдними подразумѣваются чрезвычайно разнообразныя явленія и понятія, а не только личныя поврежденія, причиняемые несчастными случаями въ промышленныхъ предпріятіяхъ. При практическомъ примѣненіи соотвѣствующихъ статей общихъ кодексовъ къ этимъ послѣднимъ случаямъ, судъ опредѣляетъ размѣръ вознагражденія сообразно степени понесеннаго поврежденія и вытекающимъ отсюда наличнымъ убыткамъ и послѣдующему сокращенію доходовъ пострадавшаго, вслѣдствіе потери трудоспособности или вслѣдствіе смерти лица, обязаннаго содержать своихъ родственниковъ. Здѣсь, слѣдовательно, имѣются въ виду два вида убытковъ, соотвѣтствующіе понятіямъ *Lucrum cessans* и *damnum emergens*. По общему правилу, потерпѣвшій долженъ доказать размѣръ понесенныхъ имъ убытковъ, а судъ долженъ оцѣнить правильность этихъ показаній. Нивакихъ искусственныхъ ограниченій въ законѣ, поѣтому,

¹⁾ Свид. Woods, вопр. 88 и слѣд.

быть не может. Затрудненіе можетъ заключаться только въ требованіяхъ отъ способовъ доказательствъ этихъ убытковъ. Въ этомъ отношеніи довольно существенно отличаются другъ отъ друга общія гражданскія законодательства австрійское и французское.

По *австрійскимъ* законамъ (§§ 1325—1327) возмѣщеніе убытковъ должно заключаться въ покрытіи всѣхъ непосредственно вызванныхъ извѣстнымъ случаемъ расходовъ (какъ въ данномъ случаѣ расходы по леченію), а также и предстоящаго въ будущемъ сокращенія доходовъ пострадавшихъ; даже можно требовать извѣстное особое вознагражденіе непосредственно за причиненное страданіе (*Schmerzensgeld.*). Но возмѣщеніе за убытки такъ сказать, дѣлящееся, опредѣляется въ формѣ выдачи *алиментовъ*, т. е. болѣе или менѣе только самыхъ необходимыхъ средствъ существованія для самого потерпѣвшаго или остающихся вслѣдствіе его смерти членовъ семьи. По свидѣтельству проф. *Randa*, по условіямъ австрійскаго судопроизводства доказательства размѣра понесенныхъ убытковъ обставлены чрезвычайно строгими формальностями, требованіями почти математической точности и т. п. Поэтому, *Randa* считаетъ почти невозможнымъ когда либо вообще получить полное возмѣщеніе понесеннаго убытка и признаетъ необходимымъ предоставить суду большую свободу въ опредѣленіи размѣровъ убытковъ и установленіи соотвѣтствующаго вознагражденія или ихъ возмѣщенія ¹⁾.

Такъ оно уже и есть по *французскому* кодексу, вообще устраняющему массу ненужныхъ формальностей, существующихъ въ странахъ съ господствующею системой римскаго права. Но предоставляя судѣ право свободной оцѣнки убытковъ и размѣровъ вознагражденія за нихъ, французскіе законы даютъ еще судѣ право соразмѣрять эти вознагражденія со степенью вины или небрежности отвѣтчика и сообразно съ контрибутивной виновностью потерпѣвшаго ²⁾.

¹⁾ *Randa* назв. сочин., стр. 5.

²⁾ См. *Laurent*, назв. сочин., т. XX №№ 522—533, въ особенности № 530.

Вмѣстѣ съ тѣмъ допускается и измѣненіе размѣра вознагражденія въ послѣдствіи, если обнаружатся новыя обстоятельства ¹⁾). Такой порядокъ дѣла имѣетъ, рядомъ съ своими достоинствами, тотъ недостатокъ, что сужденія судей могутъ быть слишкомъ произвольны при разрѣшеніи вопросовъ объ убыткахъ и способахъ возмѣщенія.

Но не много болѣе разъясняютъ въ этомъ отношеніи и спеціальныя законодательства — *англійское, германское и швейцарское*. Въ первомъ выразилась только одна забота законодателя, чтобы размѣръ вознагражденія (единовременнаго) не былъ слишкомъ великъ и, потому, обременителенъ для предпринимателя; ст. 3 англійскаго закона 1880 года говоритъ, поэтому, о размѣрѣ вознагражденія только, что „онъ не долженъ превышать (суммы) заработка за три предшествующихъ поврежденію года рабочаго той же категоріи, занятаго въ теченіи этихъ лѣтъ такимъ же занятіемъ и въ томъ же округѣ, гдѣ рабочій былъ занятъ, когда получилъ поврежденіе“.

Изъ того, что въ законѣ ничего не говорится о пожизненныхъ рентахъ, какъ формѣ вознагражденія, англійскіе судьи сдѣлали заключеніе, что оныхъ назначать и не слѣдуетъ.

Швейцарскій законъ (§ 6), хотя тоже устанавливаетъ максимумъ единовременно выдаваемой въ вознагражденіе суммы, но онъ уже значительно выше англійскаго, именно — можетъ достигать шестикратнаго годового заработка пострадавшаго, впрочемъ, въ сложности не болѣе общей суммы въ 6000 фр. Въ этотъ максимумъ не входятъ, однако, издержки на лечебную помощь и погребеніе; далѣе, максимумъ не имѣетъ примѣненія въ тѣхъ случаяхъ, когда вина хозяина, бывшая причиной несчастнаго случая, подлежитъ уголовному преслѣдованію; наконецъ, съ согласія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, судья можетъ также замѣнить единовременную выдачу суммы вознагражденія рентой соотвѣтствующей величины.

¹⁾ Тамъ же, №№ 527 и 533.

По германскому закону (§§ 3 и 7) вознагражденіе по общему правилу назначается въ видѣ *рентъ или пенсій*, и только по обоюдному желанію сторонъ въ видѣ единовременно выдаваемой суммы. Пенсіи надо признать наиболѣе правильною формою вознагражденія потому, что только онѣ служатъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ пострадавшихъ, такъ какъ однажды полученная сумма легко можетъ быть израсходована безъ толку лицами, вообще не привыкшими къ пользованію капиталами. Къ тому же выдача вознагражденія въ видѣ капитала является однимъ изъ средствъ лишенія пострадавшихъ части ихъ вознагражденія ходатаями по дѣламъ, тогда какъ пенсіи можно признать неприкосновенными, т. е. не подлежащими аресту или передачѣ, какъ это и сдѣлано въ швейцарскомъ законѣ, даже по отношенію къ единовременнымъ выдачамъ; послѣднее на дѣлѣ, впрочемъ, трудно осуществимо.

Германскій законъ (§ 7) предоставляетъ судѣ право изысканія средствъ для обезпеченія присуждаемыхъ пенсій. Прибавка эта внесена въ законъ во время обсужденія его въ рейхстагѣ ¹⁾, и ее нужно понимать такъ, что судъ можетъ выбирать эти средства обезпеченія изъ всѣхъ таковыхъ, указываемыхъ въ общихъ законахъ ²⁾; таковы напримѣръ, требованіе обезпеченія рентъ внесеніемъ соотвѣтствующаго имъ капитала, наложеніе ареста, предоставленіе права преимущественнаго передъ прочими долгами удовлетворенія этихъ претензій въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ предпріятія и т. п. Если самъ судъ не обезпечитъ такимъ образомъ присужденныхъ пенсій, то заинтересованныя ихъ полученіемъ лица, узнавъ впослѣдствіи о разстройствѣ дѣлъ даннаго предпринимателя, могутъ сами обращаться съ этимъ требованіемъ въ судъ; это же имъ предоставляется и при первомъ постановленіи рѣшенія.

Съ своей стороны мы полагаемъ, что размѣръ назна-

¹⁾ Eger, назв. сочин., стр. 514 и слѣд.

²⁾ Endemann, назв. сочин., стр. 76 и слѣд.

чаемых пенсій вообще долженъ быть точнѣе опредѣленъ въ законѣ, для того, во первыхъ, чтобы не было слишкомъ большаго разнообразія въ постановляемыхъ судомъ рѣшеніяхъ, а во вторыхъ, въ интересахъ предпринимателей величина вознагражденія должна быть поставлена въ извѣстныя рамки, чтобы оно служило цѣли, только самаго необходимаго, обезпеченія пострадавшихъ. Въ виду этого, разъ назначенныя пенсіи слѣдуетъ безусловно освободить отъ наложенія на нихъ какихъ бы то ни было запрещеній, арестовъ и т. п. Иначе же, пенсіонеры легко могутъ дѣлаться жертвами различныхъ ростовщиковъ, лавочниковъ и т. п. А лишившись этого единственнаго источника средствъ существованія, лица эти падутъ бременемъ на общество или государство, сдѣлавшись жертвами общественнаго призрѣнія въ той или другой формѣ.

Послѣдній сюда относящійся вопросъ касается *взаимной зависимости между величиной вознагражденія и степенью состоятельности отвѣтчика*. Во всѣхъ рассматриваемыхъ нами законахъ нѣтъ прямого объ этомъ опредѣленія, изъ чего можно заключить, что вознагражденіе назначается независимо отъ размѣровъ имуществъ отвѣтчика, тѣмъ болѣе, что кругъ лицъ (отвѣтчиковъ), на которыхъ распространяетъ законъ свое дѣйствіе, ограничивается болѣе или менѣе крупными предпринимателями; вообще же вездѣ подразумѣвается самъ хозяинъ или владѣлецъ предпріятія, а не какіе либо промежуточные посредники между нимъ и рабочимъ. Нигдѣ вопросъ этотъ и не возбуждалъ сомнѣнія, кромѣ Англіи, гдѣ и въ этомъ вопросѣ сумѣли найти лазейку для обхода закона. Изъ показаній свидѣтелей въ парламентской коммисіи выяснилось, между прочимъ, да на это существовали и раньше указанія, что нѣкоторые предприниматели не вступаютъ въ непосредственныя отношенія съ рабочими по найму ихъ на работу, а передаютъ свое дѣло, какъ бы по частямъ, особымъ посредникамъ, въ родѣ подрядчиковъ или субконтракторовъ, какъ они тамъ называются. Эти послѣдніе, будучи лицами малосостоятельными, не могутъ фактически нести

никакой имущественной ответственности передъ пострадавшими рабочими, а потому послѣдніе даже и не предъявляютъ къ нимъ исковъ. Самихъ же себя настоящіе предприниматели ограждаютъ отъ ответственности посредствомъ особыхъ договоровъ съ рабочими, съ которыми въ иныхъ отношеніяхъ, кромѣ этихъ ограничительныхъ договоровъ, они какъ будто и не состоятъ. Къ отчету комисіи приложены образцы и такихъ договоровъ, особенно часто практикуемыхъ въ строительномъ промыслѣ. Въ числѣ прочихъ предложеній измѣненій закона, въ комисіи былъ составленъ и относящійся сюда пунктъ (4), въ которомъ устанавливается, что отвѣтственнымъ лицомъ въ такихъ случаяхъ является главный предприниматель, имѣющій только право регресса на своихъ субконтракторовъ.

Результаты произведеннаго изслѣдованія, сведенные въ форму положеній, которыя могли бы послужить желательными основаніями для нормальнаго законодательства объ ответственности, мы получаемъ слѣдующіе:

1) Владѣльцы всѣхъ видовъ промышленныхъ предпріятій (казна, общества, частныя лица), въ томъ числѣ предприниматели строительныхъ работъ и лица, пользующіяся машинами въ сельскомъ хозяйствѣ, обязаны вознаградить всякаго потерпѣвшаго смерть, увѣчье или поврежденіе здоровья вслѣдствіе несчастнаго случая, вытекающаго изъ существа предпріятія, или изъ дѣйствія или небрежности его владѣльца, служащихъ и работающихъ въ немъ лицъ.

2) Отвѣтственность эта слагается съ предпринимателя, если имъ будетъ доказано, что несчастіе произошло вслѣдствіе:

- а) исключительно собственной вины пострадавшаго, или
- б) воздѣйствія вѣщной или высшей силы.

3) Вознагражденіе назначается судомъ въ видѣ пенсій, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ степени понесеннаго ущерба и въ процентныхъ отношеніяхъ къ послѣднему, получавшемуся взрослымъ пострадавшимъ окладу содержанія, а для малолѣтнихъ—по среднему заработку взрослыхъ рабочихъ по тому же роду работъ.

4) Вознагражденіе это должно включатьъ въ себѣ:

I. Въ случаѣ *смерти* потерпѣвшаго:

возмѣщеніе расходовъ на леченіе и погребеніе умершаго и пенсіи остающимъ членамъ семьи; послѣднія въ слѣдующемъ размѣрѣ:

а) вдовѣ (или вдовцу) пожизненная пенсія до 50% содержанія потерпѣвшаго; пенсія эта прекращается вторичнымъ вступленіемъ въ бракъ;

б) дѣтямъ до 15 лѣтняго возраста по 15% каждому, при жизни одного изъ родителей и по 25%—круглымъ сиротамъ;

в) родителямъ потерпѣвшаго—пожизненная пенсія по 15% каждому;

г) прочимъ членамъ семьи—по усмотрѣнію суда и въ томъ только случаѣ, если содержаніе имъ дѣйствительно доставлялось потерпѣвшимъ.

Всѣ означенныя пенсіи, вмѣстѣ взятыя, не должны превышать 75% содержанія потерпѣвшаго.

II. Въ случаѣ *увѣчья* или поврежденія здоровья потерпѣвшаго, пенсія ему назначается сообразно степени ослабленія его трудоспособности, и при полной потерѣ ея—въ размѣрѣ полного оклада содержанія или заработка. Права на пенсію остающихся членовъ семьи, въ случаѣ послѣдующей смерти потерпѣвшаго, опредѣляются какъ выше указано, если можно-прослѣдить, что смерть послѣдовала отъ полученнаго поврежденія.

Въ исключительныхъ случаяхъ, по опредѣленію суда и по соглашенію сторонъ, можетъ быть назначаемо единовременное пособіе. Разъ назначенныя пенсіи никакому аресту не подвергаются.

5) Всякія, предшествовавшія несчастному случаю, частныя соглашенія, клонящіяся къ измѣненію условій и размѣра вознагражденія, признаются недѣйствительными. Послѣдующія же за несчастнымъ случаемъ добровольныя соглашенія допускаются не иначе, какъ при согласованіи ихъ съ вышеозна-

ченными правилами и при облеченіи ихъ въ форму договора, засвидѣтельствованнаго надлежащимъ порядкомъ.

6) Въ случаѣ обнаружившихся въ послѣдствіи новыхъ обстоятельствъ, размѣръ назначенныхъ пособій можетъ быть измѣненъ, опредѣленіемъ суда по просьбѣ той или другой стороны. По просьбѣ получающаго вознагражденіе, судъ можетъ опредѣлять мѣры для обезпеченія получения пенсій.

7) Для начатія исковъ о вознагражденіи полагается двух-годовой срокъ, со дня несчастнаго случая, для самого пострадавшаго, или со дня его смерти для остающихся членовъ его семьи. Но если въ теченіи означеннаго срока владѣлецъ предпріятія, не заключивъ съ потерпѣвшимъ предусмотрѣннаго въ законѣ добровольнаго соглашенія, оставитъ его у себя на какой либо работѣ и затѣмъ уволитъ его, то пропущенный потерпѣвшимъ на подачу иска срокъ можетъ быть возобновленъ судомъ.

8) Отвѣтственнымъ лицомъ передъ пострадавшимъ всегда является главный предприниматель; но ему предоставляется право регресса къ своимъ высшимъ служащимъ, виновнымъ въ причиненіи личнаго поврежденія.

Посмотримъ теперь, насколько необходимо у насъ, въ *Россіи*, подобное видоизмѣненіе законодательства объ отвѣтственности въ примѣненіи къ промышленнымъ и т. п. предпріятіямъ.

Спеціальное законодательство объ отвѣтственности за личныя поврежденія у насъ существуетъ только по отношенію къ желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ предпріятіямъ, составляя 683 ст. 1 ч. X т. свода законовъ (по прод. 1879 г.); по отношенію же къ промышленнымъ предпріятіямъ у насъ примѣняются общія статьи гражданскихъ законовъ, касающіяся вообще вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ (ст. 574, 644, 647, 657—661, 675 и 676 I ч. X т.), и дѣяніями, не признаваемыми за преступления или проступки (ст. 684, 685 и 687).

Въ статьяхъ этихъ, носящихъ совершенно общій характеръ, опредѣляются способы вознагражденія самихъ потерпѣвшихъ и лицъ, имѣющихъ право на полученіе содержанія отъ потерпѣвшихъ, безъ указанія въ точности размѣровъ вознагражденія. Последнее опредѣляется по усмотрѣнію суда,—съ одной стороны, соразмѣрно съ имуществомъ лица, причинившаго вредъ, а съ другой стороны,—такъ, чтобы потерпѣвшіе получали достаточное и, по возможности, приличное, по состоянію семейства, содержаніе. Точно также должны быть покрыты расходы на леченіе и погребеніе пострадавшаго. Остатокъ послѣ умершаго члены семьи получаютъ вознагражденіе или до тѣхъ поръ, пока не приобретутъ себѣ другихъ средствъ существованія, или же до вступленія вдовы въ другой бракъ, а сыновья—до совершеннолѣтія. Форма вознагражденія—ежегодно или въ опредѣленные сроки уплачиваемыя пособія.

Что касается до порядка представленія доказательствъ, то, по общему порядку гражданскаго судопроизводства, *onus probandi* лежитъ у насъ на истцѣ, въ томъ числѣ и въ искахъ о вознагражденіи за понесенные отъ несчастныхъ случаевъ убытки по общимъ статьямъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Только по отношенію къ ст. 647, въ которой говорится, что „не подлежатъ вознагражденію вредъ и убытки, происшедшіе отъ дѣянія случайнаго, учиненнаго не только безъ намѣренія, но и безъ всякой со стороны учинившаго оное неосторожности“, неоднократно кассационными рѣшеніями разъяснено, что „случайность дѣянія должна быть доказана отвѣтчикомъ“¹⁾. Иногда изъ толкованія смысла и примѣненія этой статьи дѣлаютъ заключеніе, будто вообще нѣтъ разницы между порядкомъ представленія доказательствъ, устанавливаемымъ статьею 683 (о желѣз. дорож. отвѣтствен.) и всѣми остальными, приведенными общими статьями о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиняемые преступными и непроступными дѣяніями. Въ под-

¹⁾ Рѣш. гражд. кассац. департ. прав. сената: 1870 г. № 1132, 1876 г. № 114, 1880 г. № 97 и др.

твержденіе этого приводится обыкновенно то соображеніе, что истецъ долженъ доказать *только фактъ* причиненія ему поврежденія извѣстнымъ лицомъ или его служащимъ. Но изъ всего подробнаго изслѣдованія этого вопроса по иностраннымъ законодательствамъ должно быть совершенно ясно, что доказательство этого *факта* заключается не въ томъ только, чтобы доказать *наличность* поврежденія, но, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы установить причинную связь между полученіемъ поврежденія и извѣстнымъ дѣйствіемъ или упущеніемъ причинившаго его лица; а въ этомъ-то, какъ мы видѣли, и заключается вся „тяжесть“, въ буквальномъ смыслѣ слова, или трудность доказательства, если представленіе его лежитъ на истцѣ. Поэтому практика судебныхъ разбирательствъ исковъ о вознагражденіи за личныя поврежденія показываетъ громадное различіе, которое дѣлается судами при разсмотрѣніи исковъ, предъявленныхъ по этимъ общимъ гражданскимъ статьямъ или же по ст. 683, прямо возлагающей обязанность представленія доказательствъ на отвѣтчика. Статья 684 ¹⁾ тоже указываетъ на нѣкоторыя обстоятельства или условія сложенія отвѣтственности, но въ ней говорится прямо, что нужно *доказать* отсутствіе этихъ условій, причемъ это выражено прямо въ положительной формѣ: „...если будетъ доказано...“ отсутствіе этихъ условій; кѣмъ же?—очевидно, истцомъ, а не отвѣтчикомъ. Стало быть, тутъ не только нѣтъ презумпціи виновности отвѣтчика, какъ по ст. 683, но еще какъ бы есть обратная презумпція, что *были* такіа обстоятельства, которыя, независимо отъ воли или внимательности отвѣтчика, вызвали извѣстное его дѣяніе, такъ что нужно опровергать ихъ присутствіе. Конечно, это не вполне вяжется съ толкованіемъ статьи 647, выраженной въ отри-

¹⁾ „Всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляли преступленія или проступка, *если только будетъ доказано*, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіемъ закона или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить“ (ст. 684 св. гражд. зак.).

пательной формѣ, какъ условіе *сложенія* отвѣтственности, а не положительной—обязанности отвѣчать. Но тѣмъ не менѣе у насъ, какъ и вездѣ, гораздо прочнѣе держатся въ умахъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ общія требованія гражданскаго процесса о порядкѣ представленія доказательствъ, а потому на практикѣ и замѣчается громадное число исковъ, присуждаемыхъ въ пользу пострадавшихъ въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, отъ которыхъ (пострадавшихъ), по прямому смыслу закона, только и требуется доказать заличность полученія поврежденія вообще „при эксплоатаціи“. Тогда какъ отъ обыкновенныхъ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ требуется представленіе прямыхъ доказательствъ причинной связи между поврежденіемъ и дѣяніемъ предпринимателя или кого-либо изъ служащихъ; на-примѣръ, требуется доказать, что былъ недостатокъ въ машинахъ, неправильность въ распоряженіи, или что должны бы были быть приняты извѣстныя мѣры предосторожности. Всего этого, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, простые рабочіе не знаютъ; немного больше знаютъ и ихъ адвокаты; поэтому, судъ иногда рѣшаетъ вопросъ въ зависимости отъ мнѣнія эксперта, который тоже не всегда можетъ знать всѣ обстоятельства дѣла и условія даннаго производства.

Въ виду всего этого надо признать, что какъ по общему духу нашихъ гражданскихъ законовъ, такъ и по прямому смыслу соотвѣствующихъ статей, обязанность представленія доказательствъ лежитъ у насъ на истцѣ, съ чѣмъ неизбежно связаны извѣстныя неблагоприятныя для потерпѣвшихъ условія веденія процесса. Отсюда вытекаетъ необходимость изданія у насъ спеціальнаго закона объ отвѣтственности владельцевъ промышленныхъ предпріятій за личныя поврежденія служащихъ у нихъ рабочихъ. Необходимость этого уже давно признана правительствомъ, такъ что для выработки соотвѣтствующаго законопроекта была учреждена при министерствѣ финансовъ особая коммисія изъ представителей нѣсколькихъ другихъ министерствъ и промышленнаго класса. Въ основу законопроекта должно было быть положено рас-

пространіе на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій общихъ началъ желѣзнодорожной отвѣтственности, т. е. возложеніе на нихъ обязанности доказательства и болѣе точное опредѣленіе размѣровъ вознагражденія пострадавшимъ. Подготовительныя эти работы въ настоящее время уже закончены, но такъ какъ проектъ этотъ не былъ преданъ гласности, то мы не вправѣ входить въ его обсужденіе, равно какъ нельзя еще въ настоящее время заключать что-либо объ его окончательной судьбѣ. Можно только желать и надѣяться, что общій ходъ развитія подобныхъ законодательствъ отразится и на судьбѣ этого законопроекта у насъ, т. е. что бремя доказательствъ будетъ возложено на предпринимателей. Если же этого не будетъ сдѣлано, то при предположенномъ ограниченіи размѣровъ вознагражденія, чего нѣтъ ни въ общихъ нашихъ законахъ, ни въ спеціальныхъ иностранныхъ законодательствахъ, всякій такой новый законъ измѣнитъ современныя основанія отвѣтственности только къ худшему для рабочихъ.

Общія юридическія основанія для возложенія подобной отвѣтственности на предпринимателей у насъ имѣются уже на лицо, въ видѣ указанныхъ выше статей, а особенно 684 и 687 (послѣдняя устанавливаетъ отвѣтственность хозяевъ за дѣйствія ихъ слугъ и повѣренныхъ). Необходимо только переложить бремя доказательствъ, т. е., въ сущности, опираясь на расширеніе дѣйствія 647 статьи, возложить обязанность представленія доказательствъ непредотвратимости причины на отвѣтника. По отношенію же къ статьѣ 687 допустить такое толкованіе выраженія „слуги и повѣренные“, какое дается имъ во французскихъ законахъ и судахъ, и это тѣмъ болѣе возможно и послѣдовательно, что наша статья есть, какъ мы видѣли выше, только нѣсколько видоизмѣненная соотвѣтствующая французская статья 1384. Существованіе этой статьи, самой по себѣ, есть доказательство, что нашему законодательству одинаково чужды какъ англійская доктрина *common employment*, такъ и живущее въ современномъ обще-нѣмецкомъ правѣ римско-правовое начало общей

отвѣтственности только за *личную* вину, а не за служащихъ, за которыхъ приходится отвѣчать только въ случаѣ дурнаго выбора ихъ, какъ это есть, напримѣръ, по общему австрійскому гражданскому законодательству ¹⁾.

Наконецъ, въ качествѣ прецедентовъ, кромѣ специальной желѣзнодорожной отвѣтственности, у насъ могутъ служить нѣкоторые специальные узаконенія относительно казенныхъ горныхъ промысловъ. Такъ, согласно примѣчанію 1 къ ст. 70 Высочайше утвержденнаго 8 марта 1861 г. положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ. — „Пенсіи горнозаводскимъ людямъ, лишившимся возможности продолжать заводскія или рудничныя работы отъ увѣчья, на сихъ работахъ полученнаго, а также пенсіи вдовамъ и сиротамъ горнозаводскихъ людей, лишившихся жизни на тѣхъ же работахъ, или отъ увѣчья на оныхъ полученнаго, производятся на счетъ завода“. Какъ въ этой статьѣ, такъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не упоминается вовсе о причинѣ несчастнаго случая, повлекшаго за собою смерть или увѣчье; стало быть, пенсіи выдаются, *во всякомъ случаѣ*, въ силу одной только наличности увѣчья, безъ различенія ихъ причинъ. Статья эта, съ нѣкоторыми ограниченіями, могла бы быть примѣнена какъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, такъ и вообще къ промышленнымъ предпріятіямъ, такъ какъ и казна тутъ фигурируетъ въ качествѣ извѣстнаго юридическаго лица, т. е. государство осуществляетъ здѣсь частнохозяйственную или промышленную функцію.

Точно также и въ уставѣ путей сообщенія есть нѣкоторые указанія на отвѣтственность судовладельцевъ и судопромышленниковъ за несчастные случаи съ рабочими. Любопытно, между прочимъ, то, что обязанность лечить и выдавать вознагражденіе самимъ пострадавшимъ и семьямъ убитыхъ не только не слагается съ предпринимателей, если причина несчастія была чрезвычайная (кораблекрушеніе), но таковая

¹⁾ Ср. рѣш. гражд. кассац. департ. прав. сената: 1870 г. №№ 190 и 793, 1873 г. № 1020, 1879 г. №№ 60, 157 и 252.

причина даже является главнымъ основаніемъ отвѣтственности ¹⁾). Стало бытъ, отвѣтственность возлагается даже за несчастія, происшедшія вслѣдствіе воздѣйствія высшей стихійной силы, чего нѣтъ ни въ какомъ иномъ законодательствѣ. Конечно, возложеніе на такихъ широкихъ основаніяхъ индивидуальной отвѣтственности на предпринимателей и практически неосуществимо, и не имѣетъ для себя достаточныхъ юридическихъ и экономическихъ основаній. Отвѣтственность, дѣйствительно возлагаемая на единоличныя силы предпринимателей, оказывается гораздо болѣе узкою, такъ какъ при самомъ широкомъ ея распространеніи, подъ нее нельзя подвести требованія вознагражденія потерпѣвшихъ иначе, какъ если причина несчастнаго случая болѣе или менѣе вытекала изъ существа самого предпріятія или дѣйствій служащихъ и работающихъ въ немъ лицъ по отношенію другъ къ другу. Собственная же вина или простая неосторожность, какъ исключительная причина личнаго поврежденія, хотя, въ большинствѣ случаевъ, тоже вытекаетъ изъ существа предпріятій, будучи, напримѣръ, вызываема чрезмѣрною усталостью отъ слишкомъ продолжительной работы, но точно также является причиной, слагающей отвѣтственность съ предпринимателей.

Изъ всего этого становится яснымъ, *чего можно и чего нельзя достигнуть въ дѣлѣ обезпеченія участи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ этимъ путемъ, т. е. возложеніемъ на отдѣльныхъ предпринимателей гражданской имущественной отвѣтственности*. Очевидно, что такимъ путемъ все таки еще не удовлетворяется раціональное экономическое положеніе, чтобы стоимость содержанія труда вполнѣ воспроизводилась въ составѣ издержекъ предпріятія, такъ какъ въ значительномъ числѣ случаевъ пострадавшіе не получаютъ специальныхъ средствъ для поддержанія ихъ существованія

¹⁾ XII т. св. зак., отд. 8, ст. 329: „Буде при означенныхъ (ст. 328) чрезвычайныхъ случаяхъ кто либо изъ состоящихъ въ караванѣ подвергнется увѣчью, поврежденію или даже лишенію какого нибудь члена отъ сильнаго ушиба или отъ полученія раны, то“ и т. д.; ст. 330: „Если кто при означенныхъ случаяхъ уберется до смерти, утонетъ, или будетъ убитъ.... то“ и т. д.

при потерѣ трудоспособности. Этимъ, разумѣется, нисколько не подрывается значеніе этихъ специальныхъ законовъ объ отвѣтственности и не уменьшается необходимость ихъ изданія. Изъ неполнаго же достиженія ими цѣли обезпеченія пострадавшихъ вытекаетъ только необходимость извѣстнаго дополненія, дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія средствъ достиженія этихъ цѣлей. Такимъ дополненіемъ и является, съ одной стороны, развитіе учреждений для взаимнаго вспоможенія рабочимъ, на началахъ союзнаго строя, и съ другой стороны, болѣе совершенный путь — организація обязательнаго страхованія рабочихъ, лишающихся трудоспособности вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, болѣзней и достиженія преклоннаго возраста. Въ существѣ такого страхованія сливаются вмѣстѣ начала отвѣтственности предпринимателей и взаимной помощи рабочихъ. Введеніе обязательнаго страхованія далеко не вполне уничтожаетъ дѣйствіе и значеніе законовъ объ отвѣтственности, такъ какъ въ извѣстныхъ случаяхъ, именно при наличности грубой, наказуемой вины фабриканта, отвѣтственность падаетъ все-таки на него лично, а не на страховое учрежденіе. Поэтому, изданіе специальныхъ законовъ объ отвѣтственности можетъ и должно даже идти впереди организаціи страхованія рабочихъ, служа для послѣдняго первоначальною почвой или основаніемъ.

Опытъ развитія этихъ государственныхъ заботъ объ улучшеніи положенія инвалидовъ промышленности указываетъ на попытки непосредственной организаціи страхованія рабочихъ (Австрія), помимо расширенія индивидуальной имущественной отвѣтственности предпринимателей; но рядомъ съ этимъ обнаруживается и одновременное стремленіе къ расширенію отвѣтственности предпринимателей — съ одной стороны и страхованія рабочихъ — съ другой (Франція и Италія). Возвращаясь же къ ближайшей въ этомъ дѣлѣ задачѣ Россіи, мы позволяемъ себѣ высказать то соображеніе, что не смотря на всѣ преимущества обезпеченія рабочихъ путемъ страхованія, значительныя практическія трудности его осуществленія, въ

особенности въ виду громаднаго пространства нашего государства, заставляютъ предпочитать предварительное и возможно скорѣйшее изданіе закона объ имущественной отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за смерть и увѣчья рабочихъ. Конечно, введеніе обязательнаго страхованія рабочихъ не представляетъ собою трудностей непреодолимыхъ, и сами наши представители промышленности уже неоднократно, частнымъ образомъ и въ видѣ официальныхъ заявленій (по поводу проекта изданія закона объ отвѣтственности), высказывали, со своей стороны, предпочтеніе отвѣтственности въ формѣ страхованія, (есть даже уже готовые проекты фабрикантовъ). Но во всякомъ случаѣ, мы повторяемъ еще разъ, что одно другому нисколько не мѣшаетъ, такъ какъ изданіе закона объ отвѣтственности послужитъ, во всякомъ случаѣ, почвою и энергичнымъ толчкомъ къ развитію страхованія, къ осуществленію котораго будутъ тогда еще болѣе стремиться и предприниматели—съ одной стороны, и само государство, какъ въ видахъ наиболѣе полного обезпеченія рабочихъ, такъ и для болѣе равномернаго распредѣленія бремени отвѣтственности между предпринимателями.

В. Яроцкій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Н. Д. Градовскій. *Торговля и другія права евреевъ въ Россіи. С.-Петербургъ, 1886 г. ч. 1.*

Торговля права евреевъ въ Россіи, но совершенно справедливому замѣчанію г. Градовскаго, находятся въ связи съ общимъ положеніемъ этого племени въ государствѣ. Въ силу этого, говоря объ этихъ правахъ, нельзя не коснуться и всѣхъ тѣхъ правъ, которыми у насъ евреи пользуются, и всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя по отношенію къ послѣднимъ существуютъ. Но такъ какъ всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину, то говоря о законодательствѣ относительно евреевъ, необходимо разсмотрѣть самую исторію этого законодательства какъ до, такъ и послѣ вступленія евреевъ въ русское подданство.

Такъ г. Градовскій и поступаетъ, начиная исторію евреевъ въ Россіи со времени язычества. Тутъ приводятся свѣдѣнія и о евреяхъ, пришедшихъ изъ босфорскаго царства, и о такъ называемой „жидовской ереси“. Авторъ, пользуясь трудами Карамзина, Гаркави, Хвольсона, Бершадскаго и другихъ, отрицаетъ совершенно существованіе какой нибудь племенной или расовой вражды славянъ къ еврейству. Слѣды первыхъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій относительно евреевъ, по словамъ г. Градовскаго, начинаются лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича, но и тогда эти мѣры разсматривали евреевъ не какъ русско-подданныхъ, а какъ

чужестранцевъ. Авторъ подробно разсматриваетъ всѣ законодательные акты относительно евреевъ, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, которое, впрочемъ, спеціально о послѣднихъ не говоритъ, а вообще касается некрещенныхъ иноземцевъ. Характеризуя эти акты, онъ говоритъ, что „въ совершенное отличіе отъ другихъ христіанскихъ вѣдителей, наши государи разграничивали уже въ то время, въ своихъ политико-гражданскихъ воззрѣніяхъ, домашнія общенія съ некрещеными людьми отъ общественныхъ, бытовыхъ сношеній съ ними, по торговымъ и другимъ дѣламъ; не обнаруживали въ ихъ личностямъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, презрѣнія и не отрицали ихъ общечеловѣческихъ правъ на жизнь, честь и имущество, а также на свободу занятій торговлею и разнаго рода промыслами въ мѣстахъ ихъ пребыванія, подобно тому, какъ это дѣлалось на западѣ“.

Это отношеніе весьма рѣзко выражено въ Андрусовскомъ договорѣ, гдѣ евреямъ предоставляется самое широкое право вступать въ русское подданство. Первые ограниченія евреевъ начинаются съ кончины Петра I, когда 26 апрѣля 1727 г. послѣдовалъ именной указъ Екатерины I о высылкѣ евреевъ изъ Украины и Россіи.

Весьма интересны отношенія къ евреямъ Екатерины II и на нихъ г. Градовскій, въ силу этого, останавливается весьма подробно. Нѣкоторые привыкли думать, что Екатерина II по отношенію къ евреямъ держалась политики преемниковъ Петра Великаго. Авторъ разбираемой книги противъ этого возстаеъ. „Великая монархиня, говоритъ онъ, какъ это видно изъ ея законодательныхъ актовъ и извѣстно изъ имѣющихся изслѣдованій о ея царствованіи, не любила, вообще, различать своихъ подданныхъ по племени и вѣрѣ“. Затѣмъ авторъ приводитъ нѣкоторые мѣста изъ знаменитаго „наказа“, показывающіе, какъ императрица была проникнута сознаніемъ общечеловѣческихъ правъ и свободы вѣроисповѣданій. Многія изъ этихъ мѣстъ, дѣйствительно, весьма характеристичны. Такъ въ параграфѣ 34 говорится: „Равенство гражданъ состоитъ въ

томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ“. Подъ рубрикою „правила весьма важныя и нужныя“ высказывается о Россіи, что „въ столь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ запрещенія или недозволенія ихъ различныхъ вѣръ“. Наконецъ, говоря о финансовомъ управленіи, въ дополненіи къ „наказу“, императрица говоритъ: „человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлецъ; руководѣльникъ или торговецъ; праздный хлѣбоядца, или прилежаніемъ и раченіемъ подающій къ тому способу, управляющій или управляемый,—все есть человѣкъ“.

Г. Градовскій говоритъ, что въ виду такихъ своихъ воззрѣній Екатерина не могла относиться враждебно къ евреямъ и въ подтвержденіе того, что ея просвѣщенная дѣятельность отразилась и на евреяхъ, приводитъ ея именной указъ Воейкову 1769 года, предоставляющій присланнымъ изъ дѣйствовавшей въ Турціи арміи евреямъ право поселенія въ Новороссійскомъ краѣ. Затѣмъ. при присоединеніи 11 августа 1772 года Бѣлорусскаго края, жившіе тамъ евреи были приняты въ русское подданство на однихъ основаніяхъ съ прочими жителями. Въ 1785 году, двумя указами 4 февраля, разрѣшено какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, „безъ различія также закона и народа“, селиться и записываться въ мѣщанство и купечество въ возвращенномъ отъ Курляндіи мѣстечкѣ Шлокѣ, какъ равно и во всѣхъ вообще уѣздныхъ городахъ Рижской и Ревельской губерній.

Тѣхъ же взглядовъ держался сперва и сенатъ, который, въ указѣ отъ 7 мая 1786 года, подъ заглавіемъ „объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности“, установилъ, въ главныхъ чертахъ, правила и мѣры, предоставлявшіе имъ въ торговлѣ и промыслахъ полную равноправность, допускавшіе ихъ къ словному самоуправленію и подтверждавшіе права кагала.

Въ конечномъ выводѣ относительно царствованія Екатерины II авторъ разбираемой книги высказываетъ слѣдующія

положенія: „если бы въ то время не существовали предъубѣжденные взгляды на евреевъ, какъ на отдѣльную, чуждую въ государствѣ націю, и лица, призванныя императрицею къ управленію Бѣлорусскимъ краемъ, усвоили себѣ вполнѣ ея политическія начала, то по инициативѣ мѣстной администраціи могло бы воспослѣдовать переустройство еврейскихъ обществъ на основаніяхъ, соотвѣтственныхъ тѣмъ началамъ, чѣмъ были бы устранены и препятствія къ достиженію желавшагося великою государынею сліянія евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ“.

Съ этимъ воззрѣніемъ многіе, конечно, не согласятся, но намъ кажется, что г. Градовскій держится совершенно правильнаго взгляда. Въ нашемъ законодательствѣ рѣшительно никогда не было никакихъ поползновеній къ ограниченію кореннаго иновѣрческаго населенія, которое было всегда въ Россіи многочисленно. Если и существовали репрессіи относительно раскольниковъ, то онѣ объясняются вѣроотступничествомъ послѣднихъ отъ господствующей церкви. Вѣротерпимость была отличительной чертой и русскаго народа и русскаго правительства. У насъ не было ни инквизиціи, ни гоненія на магометанъ, какъ въ Испаніи. И не Екатерина, прониженная идеями Монтескье, бывшая въ дружбѣ съ Вольтеромъ и энциклопедистами, могла бы вводить въ наше законодательство начала ограниченія иновѣрцевъ, хотя бы и евреевъ.

Но чѣмъ же объясняется тогда то, что именно въ царствованіе Екатерины II и положено начало ограничительнымъ узаконеніямъ о евреяхъ? Г. Градовскій на это уже даетъ, частью, отвѣтъ въ вышеприведенномъ взглядѣ на то, отчего не произошло сліянія въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ. Далѣе онъ объясняетъ эти причины болѣе подробно. Онъ говоритъ, что „неправильный импульсъ по отношенію къ евреямъ былъ данъ сенатомъ, указы котораго хотя и являются актами правительственными, но отнюдь не законодательными, въ которыхъ выражалась бы личная воля императрицы, какъ законодательницы“.

Въ бѣгломъ критическомъ очеркѣ невозможно изложить всѣ доводы г. Градовскаго, тѣмъ болѣе, что для этого пришлось бы приводить весьма много историческихъ законодательныхъ памятниковъ, а потому мы ограничимся лишь дѣлаемой имъ характеристикой того момента, съ котораго собственно начинается уже нынѣ дѣйствующее законодательство о евреяхъ.

„По кончинѣ императрицы Екатерины II, говоритъ г. Градовскій, гражданскій бытъ евреевъ, какъ поселившихся въ Россіи въ ея царствованіе, такъ и жившихъ издревле въ мѣстахъ, присоединенныхъ отъ Польши, явился въ совершенно исключительномъ положеніи, на основаніи правительственныхъ распоряженій и постановленій, изъ коихъ нѣкоторыя, въ формѣ именныхъ указовъ, приобрѣли силу и значеніе законодательныхъ актовъ, выражавшихъ какъ бы волю самой императрицы. Особенности гражданского быта евреевъ, вошедшихъ въ составъ общаго народонаселенія, выражались рѣзкими чертами, въ различіяхъ правъ, установившихся какъ путемъ ихъ ограниченій, такъ и вслѣдствіе дарованія еврейскимъ обществамъ нѣкоторыхъ льготъ и преимуществъ, изъ убѣжденія правительства, что ими обусловливается свобода еврейскаго исповѣданія, сообразно съ закономъ вѣры, обычаями и правами евреевъ“.

Мысль о вредѣ кагалной организаціи собственно уже далеко не новая въ нашей литературѣ, но до сихъ поръ въ послѣдней было недостаточно выяснено, почему послѣдняя была сохранена нашимъ правительствомъ и, такъ сказать, нашла въ немъ союзника ко вреду и Россіи и самаго еврейства. По поводу этого покровительства кагалу со стороны нашего законодательства, невольно припоминается афоризмъ, что „добрыми намѣреніями устланъ адъ“. Екатерина и сенатъ выходили изъ совершенно противоположныхъ цѣлей и задачъ, а привели еврейство къ одному и тому же—къ оболоченію еврейства, котораго, конечно, эта великая государыня отнюдь не желала.

Разсматривая дальнѣйшій ходъ нашего законодательства о евреяхъ, авторъ постоянно держится того взгляда, что хотя

оно и было по отношенію къ нимъ *privilegia odiosa*, но такое его направленіе получалось совершенно независимо отъ личныхъ взглядовъ русскихъ государей, которые не питали никакой непріязни къ евреямъ. Еврейству неблагопріятствовала, такъ сказать, сама исторія. Правительство силою вещей вынуждено было вслѣдъ за сохраненіемъ кагальнаго устройства ограничивать евреевъ. Взгляды автора на вредное вліяніе кагала не представляютъ особаго интереса, такъ какъ они весьма распространены и среди интеллигентныхъ евреевъ и въ литературѣ.

Много вредило евреямъ и то, что многое изъ того, что являлось результатомъ ихъ обособленности и тѣмъ особымъ положеніемъ, въ которое они были поставлены закономъ, приписывалось ихъ природнымъ качествамъ и вѣрованіямъ, основаннымъ на талмудическомъ ученіи. Г. Градовскій очень подробно разсматриваетъ попытки приурочить евреевъ къ земледѣльческому труду; но, вопреки наиболѣе распространенному взгляду, видитъ вину въ неуспѣхѣ этихъ попытокъ не въ одномъ только характерѣ евреевъ, но и въ тѣхъ условіяхъ, которыми были обставлены ихъ земледѣльскія занятія.

Еврейскій вопросъ требуетъ особенно объективнаго отношенія, вотъ почему можетъ быть онъ и такъ трудно разрѣшимъ. До сихъ поръ его почти не изслѣдовали, а только по поводу его полемизировали, причемъ враги еврейства взводили на послѣднихъ и то, въ чемъ тѣ не виноваты, а сами евреи не признавали за собой рѣшительно ничего, чтобы давало поводъ законодательству ихъ стѣснять; такимъ образомъ истина оставалась и остается въ сторонѣ. Изслѣдованіе г. Градовскаго чуждо этихъ недостатковъ; онъ разбираетъ вопросъ съ хладнокровіемъ анатома, который одинаково равнодушно рѣжетъ и трупъ старика и трупъ молодой красавицы. Въ этомъ отношеніи его работа напоминаетъ прекрасную книгу г. Бершадскаго „Литовскіе евреи“, хотя, конечно, и уступаетъ послѣдней въ эрудицію и въ талантливости изложенія. Надо сознаться, что слогъ рекомендуемаго изслѣдованія нѣсколько топоренъ и довольно таки тяжелъ.

М. И. Мышь. *Сборникъ узаконеній, правительственныхъ и судебныхъ разъясненій о мѣщанскихъ и ремесленныхъ управленіяхъ. С.-Петербургъ, 1887 г.*

Присяжный повѣренный М. И. Мышь уже давно извѣстенъ какъ добросовѣстный составитель сборниковъ по отдѣльнымъ частямъ нашего законодательства, и какъ талантливый изслѣдователь русскаго городского права. Рекомендуемый сборникъ вполнѣ сохраняетъ за нимъ эту репутацію. Онъ не ограничивается, подобно большинству нашихъ составителей подобныхъ сборниковъ, передачею однихъ лишь тезисовъ правительственныхъ и судебныхъ разъясненій, что легко вводитъ неопытныхъ лицъ въ заблужденіе, а приводитъ, когда это необходимо, и тѣ поводы, которые вызвали узаконеніе, и тѣ соображенія, на которыхъ послѣднія основаны, что значительно упрощаетъ трудъ пользующихся сборникомъ.

В. Г. Яроцкій. *Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Часть первая. С.-Петербургъ, 1887 г.*

„Задача настоящаго труда заключается въ изслѣдованіи идеи, общихъ внутреннихъ основаній и внѣшнихъ выраженій экономической отвѣтственности предпринимателей по отношенію къ рабочимъ“, такъ опредѣляетъ задачу своей книги г. Яроцкій. Тема, выбранная имъ для изслѣдованія, представляетъ особый интересъ именно въ настоящее время. Наше фабричное законодательство только что начинаетъ вступать на тотъ правильный путь, по которому идетъ уже давно западная Европа. Фабричная инспекція, созданная въ нынѣшнее царствованіе, только что начинаетъ дѣйствовать и въ тоже время уже подвергается строгой критикѣ со стороны предпринимателей и тѣхъ, кто встрѣчаетъ враждебно всякое законодательное нововведеніе, новое не по времени только, но и по своему духу. Съ другой стороны, наши суды завалены исками рабочихъ въ предпринимателей за причиненные имъ вредъ и убытки.

Вопросъ объ отвѣтственности предпринимателей все чаще и чаще начинаетъ подвергаться разсмотрѣнію, какъ въ общей,

ж. гр. и уг. пр. кн. 1888 г,

9

такъ и въ юридической литературѣ; но тѣмъ не менѣе остается все еще мало разработаннымъ и оставляющимъ открытыми массу вопросовъ для изслѣдователей. Въ прошломъ году въ „Журналѣ гражданского и уголовного права“ появилось прекрасное изслѣдованіе А. Гордона, о принципахъ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за ущербъ и убытки, причиненные эксплуатаціей. Тѣ, кто ознакомился съ этой работой, могли убѣдиться, что даже столь безспорный принципъ признается далеко не всѣми. Тѣмъ болѣе должно возникать споровъ, когда заходить рѣчь о всей совокупности обязанностей, которыя могутъ быть возлагаемы законодательствомъ на предпринимателей, или о тѣхъ изъ обязанностей, которыя должны быть возлагаемы на предпринимателей „въ силу признанія необходимости, такъ или иначе, регулировать отношенія ихъ къ рабочимъ или условія пользованія рабочею силою человѣка“.

При разсмотрѣніи каждаго изъ детальныхъ вопросовъ, входящихъ въ общій вопросъ собственно объ экономической отвѣтственности предпринимателей по отношенію къ рабочимъ, по мнѣнію г. Яроцкаго, приходится сталкиваться съ тремя вопросами, такъ сказать типическими или общими всѣмъ остальнымъ: во первыхъ, о необходимости государственнаго вмѣшательства или степени этой необходимости; во вторыхъ, о фактической возможности или осуществимости этого вмѣшательства, и въ третьихъ, о правѣ государства на это вмѣшательство. При разрѣшеніи двухъ первыхъ изъ этихъ вопросовъ, по словамъ г. Яроцкаго, приходится въ сущности разрѣшать вопросъ „о большемъ или меньшемъ значеніи самозащиты рабочихъ—съ одной стороны, и защиты ихъ государственною властью—съ другой стороны, насколько они взаимно другъ друга дополняютъ, обуславливаютъ, а иногда и исключаютъ“. Но разрѣшеніе втораго вопроса, рядомъ съ этимъ, зависитъ еще и отъ разработки чисто экономическихъ основаній предпринимательской отвѣтственности, а именно—вопросовъ „о степени подвижности или растяжимости категорій дохода отъ капитальныхъ имуществъ и

отъ трудовыхъ заработковъ“. Наконецъ, въ третьемъ вопросѣ сталкиваются три сферы жизни общества: сфера хозяйства, сфера гражданскихъ правъ личности и сфера законодательной дѣятельности государства.

Въ силу этихъ соображеній, г. Яроцкій, въ разбираемой части своего труда, задается цѣлью выяснить свойственныя всѣмъ составнымъ вопросамъ экономической отвѣтственности предпринимателей общія имъ стороны и условія ихъ разрѣшенія. Задача весьма серьезная. Посмотримъ же, какъ онъ ее выполняетъ.

Г. Яроцкій подходитъ къ своей задачѣ не непосредственно, заявивъ себя просто послѣдователемъ извѣстной экономической школы, а начинаетъ *ab ovo*, съ опредѣленія самой науки политической экономіи, ея содержанія и задачи, съ которыми, по его мнѣнію, тѣсно связанъ вопросъ и о ея методѣ. Такой пріемъ заставляетъ его говорить и повторять массу старыхъ, общезвѣстныхъ вещей, которыя умѣстны скорѣе въ учебникѣ или профессорскомъ курсѣ, нежели въ спеціальномъ изслѣдованіи. Въ этомъ сказывается вліяніе на автора такъ называемыхъ позитивныхъ соціологовъ, любящихъ уснащать свои работы разсужденіями о значеніи естественно-историческаго метода, о взаимной связи наукъ, установленной Огюстомъ Контомъ, и о задачахъ науки вообще. Но какъ бы ни стояли за позитивное направленіе, какъ бы ни преклонялись предъ талантами его представителей, мы полагаемъ, что слѣдуетъ избѣгать подражать ихъ недостаткамъ и излишествамъ. Авторъ долженъ беречь время читателя и не злоупотреблять его вниманіемъ къ себѣ, тѣмъ болѣе, что въ массѣ общихъ мѣстъ и повтореній чужаго, всегда теряются оригинальныя, новыя мысли самаго писателя и ученаго. Вотъ почему мы полагаемъ, что г. Яроцкій поступилъ бы гораздо лучше, если бы исключилъ изъ своей книги всю первую главу, занимающую у него болѣе семидесяти страницъ и переполненную никому ненужными, обильными выписками изъ Адама Смита, Милля, Лоренца Штейна и Шефле, изложивъ то, что въ ней есть принадлежащаго

собственно ему, на двухъ, трехъ страничкахъ во введеніи. Тоже самое можно сказать и о главѣ второй, гдѣ онъ слишкомъ ужъ подробно знакомитъ съ юридическими теоріями Теринга, Данкварта и Муромцева, достаточно извѣстными всѣмъ, кто приходитъ въ соприкосновеніе съ наукою права.

Мы не споримъ, что ни одинъ ученый не можетъ обойтись безъ изложенія своихъ основныхъ положеній, безъ ознакомленія своихъ слушателей и читателей съ своею, такъ сказать, *profession de foi*; но такое ознакомленіе у г. Яроцкаго переходитъ въ компилятивную популяризацію чужихъ теорій, послѣдователемъ которыхъ онъ является. Чтобы не быть голословными, приведемъ доказательства. Авторъ на нѣсколькихъ страницахъ, напимѣръ, говоритъ о взглядахъ Данкварта на необходимость изученія права на экономической почвѣ, не обмолвившись ни однимъ словечкомъ собственной критики. Спрашивается для чего это необходимо? Идея Данкварта давно уже усвоена всѣми лучшими поредовыми юристами и повторять ее на страницахъ изслѣдованія по спеціальному вопросу, равносильно тому, чтобы трактовать, что серьезный юристъ долженъ признавать, что земля шарообразна, такъ какъ Галилей и другіе доказали и т. д. Г. Яроцкій можетъ возразить, что еще есть юристы, которые не признаютъ связи между юриспруденціей и политической экономіей, но принимать въ расчетъ таковыхъ почти тоже, что въ медицинскомъ изслѣдованіи полемизировать съ людьми, вѣращими въ знахарей. А между тѣмъ, двѣ первыя главы составляютъ треть всей разбираемой книги.

Чтобы быть справедливыми, мы не желаемъ сказать, чтобы г. Яроцкій не высказалъ и въ двухъ первыхъ главахъ ничего новаго, самостоятельнаго, оригинальнаго, а ограничился лишь компиляціей. Нѣтъ, онъ даетъ результаты и собственного мышленія, проводитъ и свои взгляды, но все это теряется въ массѣ того баласта, которымъ обыкновенно наполняются диссертаціи, въ видахъ доказанія начитанности автора. Такой

приємъ вполнѣ умѣстенъ въ журнальныхъ популяризаціяхъ, но въ спеціальной работѣ утомляетъ мысль и не даетъ читателю сосредоточиться именно на томъ, что его особенно интересуетъ — на собственныхъ взглядахъ автора. Такъ, у г. Яроцкаго весьма интересны его взгляды на капиталъ, на образование новыхъ юридическихъ категорій, но до нихъ приходится докапываться среди какаго то повторительнаго курса энциклопедіи права.

Къ самому вопросу, составляющему предметъ изслѣдованія, авторъ обращается лишь въ третьей главѣ. Онъ начинаетъ съ того, что устанавливаетъ раздѣленіе экономическихъ вопросовъ на двѣ категоріи: чисто-экономическіе и историко-экономическіе или общественно-правовые. Предметомъ экономической науки, говоритъ онъ, служить, со одной стороны, непосредственное отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, съ другой — къ общекультурному и бытовому состоянію общества. Изъ первыхъ отношеній выводятся законы, которые могутъ быть названы экономическими въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ они „выясняютъ роль и значеніе основныхъ элементовъ и факторовъ человѣческаго хозяйства“. Это то, что профессоръ Вреденъ называетъ „физиологіей хозяйства (терминъ мало употребительный, но принятый г. Яроцкимъ)“. Въ этой области возможны болѣе широкія обобщенія. Но лишь приходится перейти къ изученію отношеній втораго порядка, то тутъ ужъ „нельзя получить никакихъ положительныхъ результатовъ, не затрогивая юридической, нравственной, общественной и вообще исторической стороны вопроса.“

Измѣненія, вносимыя общественностью въ отношенія человѣка къ природѣ, придаютъ своеобразное содержаніе основнымъ элементамъ человѣческаго характера. Прежде всего, вліяніе общественности отражается на существеннѣйшемъ понятіи человѣческаго хозяйства — цѣнности. Повторивъ обыкновенныя опредѣленія цѣнности какъ первоначальной, такъ и являющейся результатомъ конъюнктуры труда, и столь же принятую теорію производства цѣнностей и превращенія ихъ

въ полезности, г. Яроцкій переходитъ къ разсмотрѣнію того, какъ распоряжаются излишкомъ производства тѣ категоріи производителей, въ руки которыхъ онъ поступаетъ при распредѣленіи продукта, и тутъ опять таки подробно повторяетъ элементарнѣйшія положенія учебниковъ политической экономіи, то ссылаясь на Шефле, то на Адама Смита.

Болѣе самостоятельнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе интереснымъ, является его взглядъ на раздѣленіе капитала въ смыслѣ запаса цѣнностей, служащихъ непосредственно для производства и рассматриваемыхъ какъ достояніе цѣлаго народа, отъ цѣнностей, находящихся въ обладаніи у частныхъ лицъ и участвующихъ въ производствѣ на началахъ современной историко-правовой системы хозяйства, допускающей частную собственность на этотъ особый видъ цѣнностей. Г. Яроцкій говоритъ, что „вліяніе частнаго капитала на производительность труда, измѣряемое мѣною цѣнностью продукта, можетъ быть въ прямомъ противорѣчій съ его вліяніемъ, въ качествѣ капитала народнаго“. „Въ рукахъ частныхъ предпринимателей капиталъ можетъ создать для нихъ большій доходъ въ то самое время, какъ будетъ произведено меньше цѣнностей, самихъ по себѣ“. Въ виду этого авторъ возстаетъ противъ общепринятаго воззрѣнія, будто-бы капиталъ образуется путемъ бережливости, такъ какъ прежде всего бережливость, какъ воздержаніе отъ потребленія произведенныхъ цѣнностей, есть явленіе отрицательное, а не положительное. Теорія образованія капитала путемъ бережливости, будучи проведена послѣдовательно до конца, неминуемо приходитъ къ самоотрицанію, такъ какъ для того, чтобы свести ее къ самообузданію и воздержанію, которое приписывается въ заслугу капиталисту противъ рабочаго, необходимо допустить равенство условій для проявленія такого нравственнаго начала; но въ наличности такого равенства не существуетъ, такъ какъ та же теорія не отрицаетъ факта, что доля дохода, уплачиваемая рабочему, заключаетъ въ себѣ лишь стоимость необходимыхъ средствъ для его существованія.

Весьма интересной также является авторская критика раздѣленія труда на производительный и непроизводительный. Онъ признаетъ въ высшей степени ненаучной даже всякую попытку такого разграниченія, такъ какъ „степень благосостоянія народа опредѣляется высотой уровня его потребностей, и не однихъ только матеріальныхъ. Громадное количество человѣческихъ потребностей удовлетворяются и обезпечиваются помимо участія всякихъ цѣнностей, путемъ такъ называемыхъ услугъ, оказываемыхъ человѣку отдѣльною личностью или извѣстнымъ общеніемъ людей“. Поэтому, по мнѣнію г. Яроцкаго, „говоря объ увеличеніи народнаго капитала, какъ средства увеличенія производительности человѣческаго хозяйства, нельзя имѣть въ виду одну чисто-экономическую цѣль—расширеніе производства матеріальныхъ цѣнностей“.

Сказаннаго вполне достаточно для характеристики какъ недостатковъ, такъ и достоинствъ разбираемой книги; поэтому остается сказать только о конечныхъ выводахъ г. Яроцкаго. Экономическія основанія предпринимательской отвѣтственности лежатъ именно, по его мнѣнію, въ различіи капитала частнаго отъ народнаго и въ противоположности ихъ интересовъ, о которой было говорено выше. Интересы предпринимателя зачастую идутъ въ разрѣзъ съ экономическими интересами общества. Принципъ государственнаго невмѣшательства былъ основанъ на ложной посылкѣ, что этого противорѣчія интересовъ не существуетъ и что человѣкъ вполне способенъ и склоненъ соблюдать свои интересы, а соблюденіе ихъ, даже исключительно въ свою пользу, неизмѣнно и неуклонно ведетъ къ благополучію всего народнаго хозяйства. Вотъ почему государству, ради благополучія цѣлаго народа, и пришлось принять подъ свое покровительство рабочихъ, какъ болѣе слабый элементъ, отъ чересчуръ уже тяжелыхъ условій, въ которыя, силою вещей, ради интересовъ личнаго хозяйства, ставили ихъ предприниматели. Такимъ образомъ всякія нравственныя основанія предпринимательской отвѣтственности если не отпадаютъ совершенно, то отхо-

дять на задній планъ и самое фабричное законодательство получаетъ твердую экономическую основу.

Таковыми представляются, въ общихъ чертахъ, основныя положенія автора. Отдавая дань добросовѣстному отношенію г. Яроцкаго къ тому матеріалу, который служилъ разрѣшенію даннаго вопроса, его весьма солидной эрудиціи и начитанности, мы не можемъ не пожалѣть еще разъ, что онъ потратилъ слишкомъ много труда на ненужныя вещи и этимъ только затуманилъ наиболѣе интересное и нелишенное солидныхъ достоинствъ самостоятельное отношеніе свое и самостоятельную разработку избраннаго имъ предмета.

Н. Кирпичниковъ. *За три мѣсяца: июль, августъ и сентябрь 1886 г. Справочный сборникъ. Псковъ, 1887 г.*

Наша литература такъ бѣдна справочными сборниками и библіографическими указателями, что нельзя не порадоваться появленію чего либо новаго въ этой области. Г. Кирпичниковъ задался цѣлью періодически выпускать сборникъ извлеченій изъ „собранія узаконеній и распоряженій правительства“, изъ рѣшеній сената и циркуляровъ министра юстиціи и краткихъ характеристикъ журнальныхъ и газетныхъ статей, касающихся мировой судебной практики. Такимъ образомъ, пользуясь его сборникомъ, лица, интересующіяся мировой юстиціей, могутъ слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что появляется относительно послѣдней, какъ въ законодательной области, такъ и въ печати, не выписывая даже спеціальныхъ журналовъ. Составитель не упускаетъ самыхъ ничтожныхъ статейъ по вопросу мировыхъ установленій и въ этомъ отношеніи идетъ даже дальше прекраснаго библіографическаго указателя г. Поворинскаго. Изданъ сборникъ весьма чисто, какъ и два предшествовавшіе его сборника, и, надо надѣяться, что онъ найдетъ сочувствіе среди тѣхъ лицъ, для которыхъ предназначается.

Размышленія Кири Мокіевича о нѣкоторыхъ экономическихъ и юридическихъ вопросахъ. С.-Петербургъ, 1887 г.

Склонность къ писательству, наравнѣ съ аматерствомъ, доходить у многихъ до болѣзни. Нѣтъ у человѣка ни новыхъ идей, ни оригинальныхъ взглядовъ, но благо онъ обладаетъ грамотностью, у него вдругъ является „писательскій зудъ“, и тогда онъ начинаетъ неукоснительно изводить бумагу, а обладая средствами—и печатать свое писаніе. Повидимому къ числу подобныхъ лицъ принадлежитъ и авторъ разбираемой брошюры. Начитался онъ Адама Смита, Спенсера и Карла Маркса и возгорѣлъ желаніемъ подѣлиться съ читающей публикой тѣмъ, что онъ кое что слыхалъ и о Руссо и о Робеспьерѣ и о десятомъ томѣ свода законовъ, и вотъ, на двадцати четырехъ страницахъ, расписался и о томъ, что „выдѣлъ дочерямъ въ приданое при замужествѣ равной части съ сыновьями, получающими свою часть послѣ смерти владѣльца, едва ли справедливъ“, и о томъ, что весьма важно, „что въ нашемъ законодательствѣ признается полная раздѣльность имуществъ супруговъ“, и о массѣ другихъ прекрасныхъ вещей, о которыхъ ровно ничего изъ его брошюры узнать нельзя. О томъ, кому это все нужно, онъ, однако же, рѣшительно не подумалъ.

М. Гребенщиковъ.

Д. Н. Губаревъ. Проектъ гражданскаго управленія въ Россіи.

Предлагаемая г. Губаревымъ реформа гражданскаго управленія обнимаетъ всѣ его стороны нашего мѣстнаго управленія и касается, между прочимъ, и органовъ правосудія. Едва ли, конечно, въ настоящее время кто-либо рѣшится отрицать, что система нашей администраціи и самоуправления, равно какъ и организація судебной власти, страдаютъ многими недостатками, сознаніе которыхъ и привело

къ настоящей необходимости скорѣйшей административной и судебной реформы. Г. Губаревъ также указываетъ на нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ, но побудительнымъ мотивомъ и руководящей цѣлью при составленіи проекта реорганизации русскаго управленія для него послужило не столько стремленіе исправить и устранить темныя стороны нашей администраціи и суда, сколько соображенія о затруднительномъ положеніи русскихъ финансовъ въ настоящее время. „Въ исторіи народовъ, говоритъ авторъ, бываютъ эпохи, гдѣ (?) финансовое положеніе государствъ требуетъ прибѣгать къ экономіи. Въ такомъ положеніи находится въ нашъ вѣкъ Россія“ (стр. 3). Конкуренція Америки, Индіи и Австраліи дѣлають невозможнымъ „тратить столько денегъ, какъ въ прежнія времена, ибо сельское хозяйство не въ силахъ выдержать прежнихъ расходовъ. Единственное средство поддержать въ Россіи сельское хозяйство—это убавить поземельныя повинности“. Достигнуть этого можно только, прибѣгнувъ къ гражданскому мужеству землевладѣльцевъ, капиталистовъ и владѣющихъ недвижимою собственностью, которымъ стоитъ только пожертвовать нѣкоторымъ количествомъ своего времени, безвозмездно, общественной и государственной службамъ по выборамъ и по назначенію правительствомъ. Обязательная военная служба возвысила войско — значитъ самъ опытъ показываетъ всю пользу обязательной службы“ (стр. 4).

Долговѣчность англійскихъ мировыхъ судей, существующихъ и до настоящаго времени, „положительно доказываетъ, что нѣтъ никакой надобности въ раздѣленіи властей судебной, административной, полицейской и хозяйственной въ низшихъ инстанціяхъ“. Такимъ образомъ обязательность и безвозмездность гражданской службы, при сліяніи властей судебной и административной, являются главными принципами, которые положены г. Губаревымъ въ основаніе предлагаемой имъ реформы. Задача земскихъ собраний, которыя, по разсматриваемому проекту, предполагаются двоякаго рода, именно: собранія края при генералъ-губернаторѣ и уѣздныя—

при начальниѣхъ уѣзда, сводится исключительно къ тому, чтобы давать отзывы, мнѣнія, не имѣющія никакого обязательнаго значенія, дѣлать замѣчанія, готовить матеріалы и т. п. Изъ этого бѣглаго очерка „проекта“ г. Губарева уже видно, что онъ представляетъ собой не болѣе какъ простой аггломератъ ничѣмъ немотивированныхъ заимствованій изъ различныхъ западно-европейскихъ системъ мѣстнаго управленія, системъ нерѣдко прямо противоположныхъ другъ другу, сложившихся путемъ постепеннаго органическаго роста, сообразно съ особеннымъ историческимъ развитіемъ каждаго государства. Авторъ безъ всякихъ колебаній предлагаетъ ввести въ организацію нашихъ административныхъ и судебныхъ учреждений такіе принципы, которые, не уживаясь другъ съ другомъ, въ тоже время не соответствуютъ ни условіямъ, ни потребностямъ русской жизни. По вопросу о сліяніи властей административной и судебной г. Губаревъ довольствуется самой общей справкой, что такъ было и есть въ Англіи, а слѣдовательно возможно и будетъ весьма полезно также и для Россіи. Не говоря уже о томъ, что вопросъ о самой умѣстности у насъ этого принципа является въ высшей степени спорнымъ, авторъ, повидимому, даже не подозреваетъ о цѣломъ рядѣ весьма серьезныхъ практическихъ затрудненій, связанныхъ у насъ съ практическимъ осуществленіемъ начала соединенія административныхъ и судебныхъ функцій въ рукахъ однихъ и тѣхъ же правительственныхъ органовъ. О томъ, что принципъ безвозмездной гражданской службы мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ виду чрезвычайно усложнившейся общественной жизни, въ самой Англіи уступаетъ въ новѣйшее время мѣсто институту правительственныхъ и общинныхъ чиновниковъ на жалованьи, — авторъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что было въ Англіи пять столѣтій тому назадъ. Вообще, вмѣсто обстоятельнаго разбора и доказательства выставляемыхъ положеній, г. Губаревъ предпочитаетъ голословныя завѣренія. Такъ напримѣръ, онъ утверждаетъ, что обязательная и безвозмездная служба разовьется въ насъ

потребность участія въ общественныхъ дѣлахъ и уничтожить апатію, сдѣлаеть изъ насъ настоящихъ гражданъ. Почему это? На какихъ основаніяхъ можно строить такія розовыя надежды? Въмѣсто отвѣта на эти вопросы, намъ предлагаютъ вѣрить на слово, что „это случилось въ Англіи, въ Германіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки“ (стр. 8).

N.

Paul Laffitte. *Paradoxe de l'égalité*. Paris 1887.

Въ исторіи политической литературы, въ періодъ самыхъ большихъ успѣховъ демократическихъ движеній, всегда появлялись противники демократическихъ порядковъ и стремленій. Но въ послѣднія 3—2 десятилѣтія нерѣдко обнаруживается и среди горячихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ демократіи сознаніе опасностей направленія, по которому идетъ современная демократія и боязнь за ея будущее. Лучшие и передовые сторонники демократіи желали бы отвратить отъ нея указанная опасности, придать ей такую же устойчивость и твердость, какими обладаютъ другія формы соціальной жизни и сдѣлать ее способною ко всѣмъ успѣхамъ просвѣщенія, культуры, въ особенности къ признанію талантовъ и общественныхъ заслугъ. Главнѣйшую опасность и препятствіе къ устойчивости и процвѣтанію демократіи видятъ въ стремленіи къ равенству демократической толпы, жаждущей всеобщей нивелировки людей во всѣхъ условіяхъ жизни, и потому вооружаются болѣе всего противъ равенства, стараясь доказать, что, ложное въ своемъ основаніи, оно вовсе не составляетъ и не должно составлять существеннаго основанія и задачи демократизма. Къ числу такихъ демократическихъ публицистовъ должно отнести талантливаго Поля Лаффита, съ интересною монографіей котораго мы желали бы ознакомить читателей.

Лучшія страницы своего труда П. Лаффитъ посвящаетъ доказательству коренной и глубокой разницы, существующей между человѣческими дарованіями, способностями и дѣйствіи

ми; признаніе различій между ними есть, по его мнѣнію, жизненный вопросъ для демократіи.

Отвергая современный культъ равенства, авторъ начинаетъ свое выдающееся произведеніе разборомъ эгалитаризма во всѣхъ его обнаруженіяхъ, почти во всѣхъ деталяхъ общественной жизни, и каждый разъ слово его мѣтко и рѣшительно. П. Лаффитъ допускаетъ *suffrage universel*, но требуетъ ея организациі. „Пусть, говоритъ онъ, повторяя извѣстную мысль Блюнчли, всѣ принимаютъ участіе въ движеніяхъ государственнаго корабля, но управленіе имъ слѣдуетъ поручать болѣе опытнымъ. Если вы не хотите, чтобы вами руководили способные, то васъ поведутъ на помочахъ неспособные, и въ этомъ вся разница“. „Пока умъ мой не отуманенъ“, продолжаетъ онъ, „до тѣхъ поръ никто меня не увѣритъ въ томъ, что сужденіе крестьянина, ничего не видавшаго кромѣ своей деревни, равносильно мнѣнію челоуѣка, умудреннаго опытомъ и вооруженнаго наукой своего времени“.

По словамъ Laffitt'a, подъ вліяніемъ господствующаго во Франціи эгалитаризма, тамъ, прежде всего, понизились экзаменаціонныя требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образовательный уровень общества; „у насъ, сообщаетъ авторъ, степень бакалавра, съ нѣкоторыхъ поръ, сдѣлалась общедоступной, въ угоду буржуазіи, желающей, чтобы всѣ были „bacheliers“, или чтобы ихъ не было вовсе; въ этомъ случаѣ французскій буржуа вполне сходится съ своимъ соотечественникомъ—рабочимъ, который говоритъ: „всѣ будемъ патронами или долой ихъ!“

Тотъ же самый духъ равенства, относящійся, по замѣчанію Laffitt'a, весьма чутко къ обязанностямъ военной службы, породилъ въ настоящее время во Франціи странное требованіе, чтобы всѣ безъ различія шли въ казармы и притомъ на одинъ и тотъ же срокъ. Точно общество есть агрегатъ однородныхъ индивидуумовъ, точно общественная польза и интересы страны не имѣютъ надобности въ отличіяхъ и разграниченіяхъ!

Немалая доля эгалитаризма заключается также, по мнѣнію автора, въ современномъ стремленіи сблизить права и образованіе мужчинъ и женщинъ, но только это нивелирующее вѣяніе наталкивается на эгоизмъ рабочаго, который во все не желаетъ, чтобы женщина своимъ участіемъ въ его трудѣ вызывала пониженіе заработной платы.

Истинный источникъ теоріи равенства есть ложное умозаключеніе, вытекающее изъ отвлеченной абстракціи, которыми, по словамъ Main'a, такъ изобилуетъ нашъ вѣкъ; исходя изъ того, что всѣ люди—люди и въ этомъ качествѣ имѣютъ одинаковое право на существованіе, рѣшили, что всѣ они равны и притомъ во всемъ; борьба съ этой вѣрой въ равенство людей тѣмъ болѣе затруднительна, что она составляетъ достояніе умовъ мало культурныхъ, т. е. большинства. Толпа, въ сущности, мало образована и мало размышляетъ; она легко увлекается общей абстрактной идеей, не вдаваясь въ анализъ реальныхъ элементовъ и отношеній, потому что сложность этой операціи пугаетъ ея непросвѣщенный умъ. Массу инстинктивно привлекаетъ однообразіе, ибо оно болѣе уловимо и удобнопонятно.

„Почему, спрашиваетъ Laffitte, всегда и вездѣ абсолютное равенство?“—Потому что въ каждомъ гражданинѣ видятъ только изолированнаго и притомъ равнаго своему сосѣду индивидуума, не болѣе какъ абстрактное существо, забывая его отношенія семейныя, профессиональныя, гражданскія и политическія, изъ совокупности которыхъ слагается жизнь націи.

Теорія абсолютнаго равенства совершенно не замѣчаетъ, что люди равны только въ извѣстныхъ отношеніяхъ: они одарены одними и тѣми же органами, имѣютъ тѣ же самыя потребности и совершаютъ тѣ же самыя отправленія; они, конечно, сходны анатомически и фізіологически—какъ члены единаго человѣческаго рода; мало того, соціальная жизнь людей порождаетъ общіе интересы, общія нужды въ порядкѣ, безопасности и т. д., которыя связываютъ ихъ взаимно и налагаютъ на нихъ однородныя обязанности. Но затѣмъ люди

глубоко различны между собой, различны до такой степени, что их неравенство даже затемняет собою родовую общность человека.

Мало культурная толпа съ этимъ не считается; она настойчиво домогается уравниенія, желая все низвести къ общему типу, къ среднему уровню, но забываетъ при этомъ, что его главнымъ факторомъ являются не избранные, не элиты, а масса, множество, т. е. посредственность.

Можно проклинать неравенство, отвергать его теоретически. прилагать усилія, чтобы отъ него избавиться, но нельзя игнорировать наличности факта. Благодаря случайностямъ рожденія и жизни, всегда будутъ больные и здоровые, сильные и слабые, умные и глупые, честные и порочные, дѣятельные и лѣнливые, всегда были и будутъ безконечныя различія въ характерахъ и наклонностяхъ людей, всегда были и будутъ кретины и гении! Неравенство человѣческихъ индивидуумовъ неоспоримо и давно сдѣлалось аксіомой; каждый мигъ нашего существованія даетъ тому новыя доказательства.

Только одинъ вульгарный эгалитаризмъ этого не видитъ и, по вѣрному замѣчанію Main'a, готовится въ своемъ ослѣпленіи вступить въ борьбу съ біологическимъ закономъ природы, котораго сущность заключается въ замѣнѣ примитивнаго однообразія прогрессирующимъ разнообразіемъ.

Laffitte убѣжденъ, что демократія, слѣдуя внушеніямъ эгалитаризма и нивелируя все, въ дѣйствительности налагаетъ такимъ образомъ руку на собственное существованіе; благодаря узкости своего кругозора, своему невѣжеству и своимъ страстямъ, она ненавидитъ все то, что возвышается надъ общимъ уровнемъ, завидуетъ лучшему и, усматривая въ каждомъ превосходствѣ несправедливость судьбы, находитъ удовольствіе въ его униженіи. Если бы демократія прислушалась къ голосу собственныхъ интересовъ и потребностей социальной жизни, она признала бы необходимость организаціи, т. е. распредѣлила бы функціи сообразно способностямъ и предоставила бы кормило государственнаго правленія наиболѣе

опытнымъ, и „только тогда“, говорить Laffitte, „она совпала бы съ требованіями соціальной науки“. „Но къ сожалѣнію“, продолжаетъ онъ, „современная французская демократія главнымъ образомъ заинтересована нейтрализаціей неравенствъ; увлекаясь тѣмъ прекраснымъ однообразіемъ, которое составляетъ предметъ радости одностороннихъ умовъ, она энергически работаетъ надъ устраненіемъ существующихъ различій, вмѣсто того, чтобы откровенно признать ихъ и въ нихъ искать элементовъ силы и общественнаго процвѣтанія“.

Прекрасно понимая всѣ недостатки современной демократіи, сознавая въ совершенствѣ руководящія страсти и инстинкты господствующихъ массъ и всю ложность избраннаго ими пути, Paul Laffitte, тѣмъ не менѣе, выражаетъ надежду, что демократія благополучно переживетъ свой настоящій кризисъ и, уступая давленію необходимости, допуститъ іерархическую структуру, соціальныя рамки и привилегію ума и таланта на управленіе государствомъ.

Въ подтвержденіе своей надежды, онъ указываетъ на примѣръ арміи, гдѣ равенство уживается съ требованіями чиноначалія, гдѣ послѣдній изъ солдатъ можетъ рассчитывать на достиженіе высшихъ военныхъ степеней, но тамъ, говоритъ онъ, „руководство принадлежитъ достойнѣйшимъ“. Равнымъ образомъ, въ мірѣ коммерческомъ, практическій умъ торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій нашелъ примиреніе между капиталомъ и человѣческой цифрой, соразмѣряя число голосовъ съ количествомъ акцій, но устанавливая вмѣстѣ съ тѣмъ для первыхъ извѣстный maximum.

„Вообще“, замѣчаетъ Laffitte, за послѣдніе 15 лѣтъ духъ ассоціаціи прогрессируетъ, онъ концентрируетъ торговлю, учреждаетъ синдикаты и создаетъ группы; въ концѣ концовъ этотъ же самый духъ отразится и на организаціи демократическаго государства, содѣйствуя его устроенію“.

Laffitte думаетъ, это эгалитаризмъ, не смотря на всю силу современнаго увлеченія, все же не есть неизмѣнно конечная цѣль демократіи, какъ многіе полагаютъ, и что если даже, по собственному сознанію автора, народныя массы въ на-

стоящее время дѣйствительно глубоко проникнуты религіей числа, если онѣ и признають абсолютное право большинства первымъ параграфомъ политическаго „сredo“ нашихъ дней, если страсть къ уравниенію и овладѣла французскимъ обществомъ и, быть можетъ, овладѣетъ другими, то все это, утѣшаетъ себя Laffitte, знаменуетъ только первый періодъ демократическаго развитія и, притомъ, періодъ отрицательный. Демократія отрезвится, предсказываетъ онъ, она сознаетъ полную невозможность государственной жизни безъ организации и кончитъ тѣмъ, что допустить іерархію—насколько послѣдняя необходима, сохранивъ равенство—насколько оно справедливо; иначе, угрожаетъ Laffitte, она погибнетъ.

Авторъ рассчитываетъ на первое.

Мы позволимъ себѣ усомниться въ осуществленіи надеждъ Лаффита, рѣшаясь думать, что если бы демократія, въ самомъ дѣлѣ, побѣдивъ пожирающую ее страсть эгалитаризма, оставила теорію „Прокрестова ложа“, и, признавъ неизбежность естественныхъ различій, предоставила управленіе государствомъ лучшему и способнѣйшему меньшинству, то она, прежде всего, отказалась бы отъ собственныхъ принциповъ, отъ самой себя и перестала бы быть народоправствомъ.

Въ сущности демократія есть опрокинутая монархія, гдѣ, по удачному выраженію Майна, „престолъ князя занимаетъ толпа“. Дѣйствительно, демократическое движеніе, въ его историческомъ развитіи, приводитъ къ постепенному воцаренію массъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе домогаются прямаго участія въ дѣлахъ государственнаго управленія, все настойчивѣе стремятся захватить власть въ свои руки и непосредственно руководить всѣмъ ходомъ государственной жизни.

Уже въ настоящее время демократическіе правители, народные избранники, съ трепетомъ прислушиваются къ голосу той слуховой трубы, которая доноситъ къ нимъ грозныя требованія нисшихъ общественныхъ наслоеній, вооруженныхъ могущественнымъ орудіемъ—suffrage universel.

Правда, по увѣреніямъ Laffitte, демократія побѣдитъ одо-
ж. гр. и уг. пр. кн. 1 1888 г.

лѣвающіе ея недуги и тогда наступитъ золотой вѣкъ демократизма; но болѣе скептическій Main увѣренъ въ совершенно противоположномъ. Онъ говоритъ, что современный потокъ съ силой увлекаетъ народы и государства къ безпредѣльному народоправству, къ правительству массъ, которое напоминаетъ, во многихъ отношеніяхъ, древнія народныя судилища, гдѣ рукоплескали наиболѣе популярному оратору и принимали рѣшенія по впечатлѣнію страстей.

Paul Laffitte вѣритъ, что массы, „столь вульгарныя“, по изрѣченію Маккиавелли и Main'a, способны остановиться на своемъ пути къ престолу, что онѣ могутъ спокойно и обдуманно избирать путемъ *suffrage universel* „государственное качество изъ народнаго количества“, и такимъ образомъ въ силахъ осуществить идеальную форму правленія, гдѣ во главѣ государства будутъ стоять мудрѣйшіе! Авторъ возлагаетъ большія надежды на организующее вліяніе современнаго духа ассоціаціи. Дѣйствительно, могущество ассоціацій обнаруживается и въ сферѣ государственной дѣятельности, создавая въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ и въ Америкѣ политическія группы, клубы и союзы, въ которыхъ все болѣе и болѣе сосредоточиваются истинныя пружины тамошней политики; но всѣ безпристрастные наблюдатели признаютъ, что эти политическія ассоціаціи стоятъ весьма низко въ интеллектуальномъ отношеніи, и трудно разсчитывать, чтобы подъ ихъ эгалитарнымъ руководствомъ могли развиваться и процвѣтать болѣе возвышенныя силы демократизма. „Насколько насъ поучаетъ исторія и опытъ“, говоритъ Maine, „политическія общества, организованныя по типу современныхъ демократій, еще никогда серьезно не преслѣдовали прогрессивныхъ цѣлей человѣчества“. „Исторія, утверждаетъ Штраусъ, глубоко аристократична“.—Той же вѣры держится и Ренанъ, дважды говоря въ своемъ „Caliban“: „*toute civilisation est d'origine aristocratique*“, разумѣя подъ аристократизмомъ личныя доблести и таланты.

Однимъ словомъ, ничто не оправдываетъ надеждъ и вѣрованій Laffitte, и если процвѣтаніе демократіи, а въ особен-

ности ея культурная роль въ развитіи человѣчества возможна, то при помощи какихъ либо другихъ началъ, а не тѣхъ, на которыя указываетъ нашъ авторъ.

Гораздо скорѣе можно опасаться, что эгалитарная демократія придетъ къ своему логическому послѣдствію—коммунизму, который видитъ въ людяхъ только арифметическую совокупность безразличныхъ единицъ. Самъ Laffitte боится подобнаго исхода, несмотря на всю свою увѣренность въ побѣдѣ демократизма надъ его собственными слабостями и въ его будущемъ успѣхѣ. Конечно, коммунизмъ есть печальная химера, но коммунистическіе эксперименты бывали прежде, возможны и въ будущемъ. Безъ сомнѣнія, эксперименты эти непрочны и недолговѣчны, такъ какъ можно измѣнять формы правленій, но не природу вещей, а такъ какъ подъ предлогомъ сочувствія и защиты обдѣленныхъ и угнетенныхъ, они убиваютъ всякое общественное развитіе. Но въ короткіе періоды своего господства подобные опыты успѣваютъ нанести человѣчеству величайшіе удары: они разрушаютъ многія наслѣдія вѣковъ, выбрасываютъ или уничтожаютъ лучшія, выдающіяся человѣческія силы, подрываютъ надолго вѣру людей въ успѣхи общежитія и, въ концѣ концовъ, роковымъ образомъ вызываютъ къ дѣятельности цезарей, которые почти всегда заставляютъ все общество рассчитывать за утопіи своихъ крайнихъ демократовъ и коммунистовъ.

Владиміръ Ренненкампфъ.

ИНОСТРАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

I. Международный Союзъ для покровительства литературныхъ и художественныхъ произведеній.—Исторія его образованія, составъ, и его Бернская союзная конвенція 1886 г.—Главныя руководящія положенія этой конвенціи, правила и характеристичныя частности ея постановленій касательно авторскаго права.

II. Итальянскіе проекты судебной реформы (Предсѣдатель суда съ присяжными—единоличный судья) и проектъ новаго итальянскаго уголовного уложенія.

III. Научное колебаніе философскихъ основъ нынѣшняго уголовного права и принциповъ уголовно—судебнаго правосудія.—Врачи и юристы.—Уголовно—„антропологическая“ лекція—рефератъ профессора Морица Бенедикта въ собраніи Вѣнскаго юридическаго общества и „уголовно—соціологическій“ Essai профессора Пранса.

Обозрѣвая движеніе западно-европейскаго законодательства, мы упомянули, въ послѣдней статьѣ нашей хроники (кн. VIII 1887 г.), о новѣйшемъ бельгійскомъ законѣ касательно такъ называемаго *авторскаго права*. Для сравнительнаго законовѣдѣнія этотъ во многихъ отношеніяхъ образцовый законъ представляетъ несомнѣнно большой интересъ и хорошій примѣръ для подражанія.

Было бы, однако, несправедливо думать, что одна Бельгія, преимущественно, стремится къ совершенству на поприщѣ этого законодательства.

Съ того момента, какъ, по почину Франціи, формула: „литературная и художественная *собственность*“ поставила этотъ вопросъ впервые на твердую юридическую почву, всѣ

прогрессирующія націи цивилизованнаго міра стали оказывать должное вниманіе естественнымъ правамъ, на плоды своего труда, тѣхъ труженниковъ мысли и художественной фантазіи, которые, работая на пользу всего человѣчества, зачастую „достигаютъ—по словамъ одного французскаго оратора—безсмертія не иначе, какъ пройдя чрезъ ужасы нищеты“.

Сознавая это, современныя законодательства всѣхъ странъ вмѣняють себѣ въ обязанность заботиться о лучшемъ, правомѣрнѣйшемъ, огражденіи этихъ правъ отъ хищническихъ посягательствъ „литературнаго и художественнаго пиратства“, которое наполеоновскій Code pénal заклеилъ именемъ „*контрафакція*“.

Но въ первой стадіи своего развитія заботы на пользу „авторскаго права“ были—если употребить выраженія рѣчи Леона Леви на лондонскомъ конгрессѣ для междунагоднаго права—„ограничены тѣсными рамками (limited to the narrow boundaries) своей собственной національности“.

Такою узко-эгоистичною постановкою этого дѣла нельзя было бы, однако, довольствоваться въ нынѣшній вѣкъ „безпримѣрной быстроты сообщенія мыслей и идей, въ вѣкъ постоянного взаимнаго обмѣна, между всѣми странами, произведеніями науки, искусства и промышленности“, какъ указывалось въ упомянутой рѣчи.

Дѣйствительно, по самому свойству *объекта* означенныхъ правъ, ставшаго, при современномъ развитіи междунагодныхъ сношеній, такимъ же предметомъ всемірнаго обмѣна и распространенія, какъ и привилегированныя произведенія промышленной техники, можно было рассчитывать на то, что взаимность интересовъ выведетъ вопросъ о правѣ литературной и художественной собственности изъ тѣсной сферы мѣстнаго, національнаго, законодательства на болѣе широкое поприще частнаго междунагоднаго права.

Явились такъ называемыя „литературныя“ конвенціи, какъ вторая степень развитія въ законодательствѣ авторскаго права.

Можно было, далѣе, предвидѣть, что поступательное движеніе на этомъ не остановится и что междунагодная защита ав-

торскаго права не ограничится лишь заключеніемъ особыхъ частныхъ, конвенцій между отдѣльно — заинтересованными государствами, какъ это до сихъ поръ практиковалось и практикуется. Подобныя конвенціи, будучи, такъ сказать, первыми этапами въ стремленіи обезпечить авторскому праву всемірную юридическую санкцію, представляли, конечно, нѣкоторый въ этомъ отношеніи прогрессъ, однако больше въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. На практикѣ — „конвенціонное“ огражденіе авторскихъ интересовъ затруднялось соблюденіемъ сложныхъ и дорого стоющихъ формальностей, разнообразіемъ противорѣчивыхъ мѣстныхъ узаконеній каждой страны и вполне зависѣло отъ „всякаго каприза національныхъ законодательствъ“.

Эти-то неудобства и породили мысль о необходимости стремиться къ полному международному единству юридическихъ положеній, путемъ образованія *Союза* странъ, руководящихся одинаковыми, кодифицированными, принципами, въ видахъ оказанія *повсемѣстно* взаимно—однообразнаго юридическаго покровительства авторскому праву.

Рѣшительный шагъ впередъ къ намѣченной цѣли всемірнаго объединенія законовъ объ авторскомъ правѣ сдѣланъ Бернскою конвенціею 9 сентября 1886 г. объ учрежденіи „Международнаго Союза для покровительства литературныхъ и художественныхъ произведеній“.

1 января 1888 г. самый Союзъ, какъ ожидаютъ, уже восприметъ свое дѣйствіе, и практика авторскаго права вступить въ совершенно новый, третій, фазисъ своего развитія.

Первый толчекъ этому дѣлу въ указанномъ направленіи былъ данъ, въ особенности, „международною литературною ассоціаціею“, учрежденною въ 1878 г., въ эпоху парижской всемірной выставки, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго.

Когда, послѣ многихъ предварительныхъ совѣщаній въ средѣ заинтересованныхъ представителей литературы и художествъ—съ одной стороны, и делегатовъ, правительствъ—съ другой, вопросъ о мѣрахъ къ установленію единства зако-

нодательства по указанному предмету достаточно созрѣлъ, чтобы можно было приступить къ практическому осуществленію идеи единства международной кодификаціи авторскаго права, означенная ассоціація послала въ 1883 году въ Бернъ делегатовъ отъ научныхъ корпорацій, литературныхъ обществъ и кружковъ писателей, художниковъ, издателей разныхъ національностей „выработать программу, которая могла бы служить формулою для всемірной конвенціи“.

Собраніе исполнило это порученіе и передало Швейцарскому Союзному Совѣту, выработанный имъ проектъ конвенціи, состоящій изъ 10 статей, которыя, по мысли собранія, могли бы выступить, нѣкоторымъ образомъ, въ качествѣ основныхъ положеній, на обсужденіе спеціальной дипломатической конференціи.

Швейцарское правительство, сочувствуя этому дѣлу, разослало, въ томъ же 1883 году, циркулярную ноту ко всѣмъ правительствамъ цивилизованнаго міра, приглашая ихъ войти въ общее соглашеніе и санкціонировать тотъ принципъ, можно сказать, естественнаго права: „что авторъ литературнаго или художественнаго произведенія, какой бы онъ ни былъ національности и гдѣ бы ни происходило воспроизведеніе, репродукція, его творенія, долженъ вездѣ пользоваться одинаковымъ, наравнѣ съ уроженцами каждой націи, покровительствомъ“.

Починъ Швейцаріи встрѣтилъ благопріятный пріемъ и Швейцарскій Союзный Совѣтъ изготавилъ предварительный проектъ конвенціи, на основѣ главнаго положенія: о предоставленіи иностраннымъ авторамъ равенства правъ съ туземными авторами по законамъ каждой страны.

Проектъ этотъ обсуждался сперва на такъ называемой *первой* международной конференціи делегатовъ разныхъ правительствъ, засѣдавшей въ Бернѣ 8—19 сентября 1884 г.

Въ этомъ предварительномъ совѣщаніи приняли участіе представители: Германіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, Франціи, Голландіи, Швеціи и Норвегіи, Швейцаріи, а также Коста-Рики и Гаити. Присутствовалъ также делегатъ осторожной

Англии, но только „для выслушанія“ (ad audiendum). Общались участвовать, но не могли прислать своихъ делегатовъ: Италия, Парагвай и Сальвадоръ.

Результаты конференціи показали, что общее соглашеніе по нѣкоторымъ пунктамъ не только возможно, но осуществимо даже въ болѣе широкой степени, чѣмъ было проектировано Швейцарскимъ Союзнымъ Совѣтомъ. Сдѣлана была даже попытка настоящей кодификаціи международного матеріальнаго права по предмету авторской привилегіи.

На слѣдующей, *второй*, дипломатической конференціи (7—18 сентября 1885 г., тоже въ Бернѣ) положеніе дѣла нѣсколько измѣнилось и проектъ первой конференціи подвергся существеннымъ поправкамъ.

Въ этотъ разъ приняли живое участіе въ совѣщаніяхъ делегаты: Англіи, Испаніи, Италиі, равно какъ и Гондураса и Туниса. Представители же Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ, Аргентинской республики и Парагвая заняли въ свою очередь сдержанное положеніе делегатовъ ad audiendum. Австро-Венгрія совсѣмъ уклонилась, въ интересахъ своего національнаго законодательства, отъ дальнѣйшаго участія въ трудахъ конференціи.

Участіе Англіи, которой пришлось бы подвергнуть свое законодательство по части авторскаго права весьма существеннымъ измѣненіямъ, вызвало необходимость взаимныхъ уступокъ и отступленія отъ плана первой конференціи. Для достиженія предположенной цѣли было весьма важно, чтобы Англія была поставлена въ возможность примкнуть къ проектированному всемірному международному союзу. Въ тѣхъ же видахъ болѣе полнаго достиженія общаго соглашенія, а также ради привлеченія въ составъ союза новыхъ участниковъ, признано полезнымъ нѣсколько сдвинуть рамки предмета международного соглашенія и отсрочить немедленное подписаніе выработаннаго второю конференціею проекта, пригласивъ Швейцарскій Союзный Совѣтъ сдѣлать надлежащія сношенія для созыва новой дипло-

матической конференціи, которая была бы уполномочена об-
лечь этотъ проектъ въ форму окончательной конвенціи.

Предположеніе это осуществилось въ Бернѣ 9 сентября 1886 г., и проектъ второй конференціи, испытавъ лишь нѣко-
торыя измѣненія въ деталяхъ, былъ обращенъ, наконецъ, въ окон-
чательную конвенцію. Тогда же подписаны: „добавочная статья“
и „заключительный протоколъ“, являющійся какъ бы состав-
ною частью конвенціи и имѣющій одинаковую съ нимъ силу.
Годъ спустя, 5 сентября 1887 г. послѣдовалъ обмѣнъ ра-
тификацій.

Учредительный актъ новаго „Союза“ подписанъ десятью
государствами, а именно: Германією, Бельгією, Испанією,
Францією, Великобританією, Италією, Швейцарією, Тунисомъ,
Гаити и республикою Либерія (еще не ратификовавшею кон-
венціи).

Не всѣ, значить, участники предварительныхъ конференцій
примкнули въ Союзу покровительства авторскаго права.

Но главное дѣло сдѣлано. Образовано солидное ядро для бу-
дущаго *всесмірнаго* союза, такъ какъ въ новомъ „Союзѣ“ уже чи-
слятся страны съ общимъ числомъ народонаселенія почти въ 500
милліоновъ жителей, что составляетъ около $\frac{1}{3}$ всего насе-
ленія земнаго шара. Притомъ же въ составъ этого Союза вошли
почти всѣ главныя страны съ первостепеннымъ развитіемъ
литературной и художественной производительности. Можно,
слѣдовательно, питать надежду, предусматриваемую и въ са-
мой конвенціи, что остальные государства и страны образо-
ваннаго міра не преминутъ присоединиться къ этому дѣлу
вышей справедливости.

Такова вкратцѣ исторія возникновенія и образованія вновь
созданнаго государственнаго Международнаго Союза для по-
кровительства литературнаго и художественнаго труда.

Спустя три мѣсяца послѣ обмѣна ратификацій, конвенція
должна была вступить въ дѣйствіе, т. е. 5 декабря 1887 г.

Мы не имѣемъ возможности изложить всѣ интересныя
подробности этого важнаго юридико-дипломатическаго акта.
Для характеристики же его содержанія считаемъ достаточ-

нымъ изложить сущность основныхъ его положеній, выяснить главные руководящіе принципы, отмѣтить нѣкоторыя характерныя частности.

Союзная конвенція заключена, какъ гласитъ ея начало, между странами „одинаково воодушевленными желаніемъ оказывать дѣйствительное и сколько возможно единообразное покровительство правамъ авторовъ на ихъ литературныя и художественныя произведенія“.

Конвенція въ ст. 4 точно перечисляетъ тѣ „произведенія“ которыя имѣются въ виду въ данномъ случаѣ. Здѣсь указаны: „книги, брошюры или иныя сочиненія (écrits) ¹⁾); драматическія или драматико-музыкальныя произведенія, музыкальныя композиціи съ текстомъ или безъ текста (avec ou sans paroles) произведенія рисованія, живописи, скульптуры, гравюры, литографіи, иллюстраціи, географическія карты, планы, наброски (croquis) и пластическія изображенія, имѣющія отношеніе къ географіи, топографіи, архитектурѣ и вообще къ наукѣ; словомъ—всякое произведеніе изъ области литературы, наукъ и художествъ, которое могло бы быть опубликовано какимъ бы то ни было способомъ печатанія или воспроизведенія“.

Имѣются въ виду соотвѣтствующія постановленія относительно сочиненій хореографическихъ (балеты) (ст. 9) и музыкальныхъ арранжировокъ (ст. 10).

Но о *фотографическихъ* снимкахъ текстъ конвенціи умалчиваетъ вслѣдствіе возраженій, встрѣченныхъ со стороны Германіи, гдѣ оригинальныя фотографіи отнесены не къ ряду художественныхъ произведеній, а къ продуктамъ *промышленности* (индустріи) и пользуются покровительствомъ спеціального закона 10 января 1876 г. (въ отличіе отъ литературныхъ и художественныхъ произведеній, для которыхъ

¹⁾ Такъ какъ тутъ имѣются въ виду лишь авторскія произведенія собственнаго умственного труда, могущія подлежать изданію, то сюда не относятся: газетныя объявленія, оффиціальныя публикаціи, праздничныя и концертныя программы, театральныя афиши, росписанія поѣздовъ, читальныя каталоги, курсовые бюллетени.

въ Германіи изданы законы 11 іюня 1870 и 9 января 1876 г.).

Дѣлая подобную уступку требованіямъ Германіи, конференція, чтобы удовлетворить и сторонниковъ другого мнѣнія (Франція), настаивавшаго на необходимости включить и фотографію въ сферу дѣйствія настоящаго соглашенія, рѣшила занести въ свой „заключительный протоколъ“ (protocole de clôture) декларацію, въ которой разъясняется, что тѣ страны Союза, гдѣ фотографическія произведенія приравняются къ *художественнымъ*, обязуются предоставлять ихъ авторамъ выгоды условленнаго въ конвенціи покровительства, но лишь въ предѣлахъ, допускаемыхъ мѣстнымъ законодательствомъ (за исключеніемъ случаевъ особыхъ международныхъ соглашеній).

По отношенію же къ *дозволеннымъ* фотографическимъ снимкамъ (photographie autorisée) съ такихъ художественныхъ произведеній, которыя сами по себѣ стоятъ подъ покровительствомъ союзной конвенціи, оговорено въ упомянутой деклараціи, что подобные снимки пользуются покровительствомъ конвенціи дотолѣ, доколѣ существуетъ главное право репродукціи самаго оригинала, и въ предѣлахъ частныхъ договоровъ между лицами, которымъ это право принадлежитъ (les ayant droits).

Такимъ образомъ дѣлается различіе между *оригинальными* фотографіями (съ натуры) и фотографическими снимками съ *художественныхъ произведеній*, стоящихъ подъ покровительствомъ конвенціи. Первые пользуются такимъ покровительствомъ только тамъ, гдѣ онѣ считаются художественными произведеніями ¹⁾; вторые зависятъ отъ размѣра правъ, при-

¹⁾ Вслѣдствіе настояній итальянцевъ, по закону которыхъ не только музыка и либретто *балетовъ*, но и самое „представленіе“ балета стоятъ подъ защитою авторскаго права, о чемъ напр. германское законодательство вовсе умалчиваетъ, конференція, въ томъ же заключительномъ протоколѣ конвенціи, признала, что авторское право иностранныхъ сочинителей балетовъ пользуется покровительствомъ наравнѣ съ туземцами только въ тѣхъ странахъ, гдѣ балеты считаются *музыкально-драматическими* произведеніями.

сущихъ оригиналу и должны быть *дозволены*, иначе могутъ преслѣдваться, какъ контрафакція.

Но объектомъ соглашенія между участниками Союза служить, конечно, не самыя произведенія, а то юридическое право, которое, у насъ и у французовъ, называется—правомъ литературной и художественной *собственности* (*propriété littéraire et artistique*), у нѣмцевъ, итальянцевъ, бельгійцевъ—*авторскимъ* правомъ (*Urheberrecht, diritti di autore, droit d'auteur*), а у англичанъ—правомъ *воспроизведенія, репродукціи* (*copyright*).

Это различіе юридической терминологіи для опредѣленія природы того права, или, вѣрнѣе, объема тѣхъ правъ, которыя должны были въ данномъ случаѣ служить предметомъ международнаго признанія и покровительства, породило не мало хлопотъ и споровъ, прежде чѣмъ было достигнуто соглашеніе. Въмѣстѣ съ почетнымъ стремленіемъ къ точности выраженій, не малую роль играла въ этомъ спорѣ о словахъ (самое „понятіе“ было, конечно, всѣмъ ясно) также сила привычки, а можетъ быть и національное самолюбіе спорившихъ сторонъ. Англійское *copyright* (право *копировать*) было, казалось бы, болѣе всего подходящимъ выраженіемъ для опредѣленія исключительнаго права автора дѣлать и разрѣшать репродукцію своего произведенія. Но, должно быть, находили, что выраженію этому нѣтъ соответствующаго термина въ другихъ языкахъ. Въ концѣ концовъ, споръ о словахъ разрѣшился принятіемъ удачнаго, въ смыслѣ неточности, средняго термина, съ помощью котораго Союзъ и названъ „Всеобщимъ Союзомъ для покровительства литературныхъ и художественныхъ произведеній“ (*Union générale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques*).

Текстъ 1 статьи конвенціи поясняетъ, что рѣчь идетъ о союзѣ „договорившихся *странъ*“ (*pays contractants*) для защиты *правъ авторовъ* на ихъ литературныя и артистическія произведенія. (По практическимъ тоже соображеніямъ, говорится о *странахъ*—*pays*, а не *государствахъ*—*Etats*).

Сущность оказываемаго конвенціею покровительства или защиты авторскаго права сводится къ опредѣленію того ми-

нимума правъ, который союзники обязались гарантировать авторамъ въ сферѣ международныхъ сношеній.

Минимумъ этотъ заключается, главнымъ образомъ, въ предоставленіи чужестраннымъ авторамъ не менѣе того, чѣмъ, по мѣстному закону, пользуются авторы - туземцы. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ конвенція сама опредѣляетъ такой минимумъ (напр. по предмету права *перевода*, удостовѣренія *авторства*— *qualité d'auteur* и проч.).

Формулировка только „минимума“ правъ, (вмѣсто настоящей кодификаціи международного матеріальнаго права касательно авторовъ, какъ этого домогалась было конференція 1884 г.) оказывалась настоятельно необходимою, такъ какъ иначе разнообразіе мѣстныхъ законодательствъ и существующихъ частныхъ конвенцій могло бы неминуемо служить камнемъ преткновенія для взаимнаго соглашенія и растроило бы успѣхъ дѣла, которое нежелательно было откладывать до „греческихъ календъ“. Формула же „минимума“, говорившая: больше—можно, сколько угодно; только меньше—нельзя! удовлетворила даже такихъ традиціонно неподатливыхъ автономистовъ, какъ Англія.

Означенный минимумъ правъ обеспечивается конвенціею Союза, главнымъ образомъ, *авторамъ* произведеній или *преемникамъ ихъ правъ* (*les ayants cause*), а также, въ извѣстной степени, *издателямъ, переводчикамъ*.

Краеугольнымъ камнемъ всей системы настоящей конвенціи слѣдуетъ считать весьма сложные правила 2-й статьи ея, въ которой установлены два различныя руководящія начала, а именно: по отношенію къ личности автора—дѣйствуетъ принципъ его *національности* (индигенатъ); по отношенію же къ произведенію - принципъ *мѣстопроисхожденія* (*pay d'origine*), т. е., въ нѣкоторомъ родѣ, принципъ національности самаго произведенія.

Выгодами конвенціи пользуются въ районѣ союза только тѣ авторы, которые состоятъ подданными (*ressortissants*) одной изъ странъ Союза. Такіе авторы пользуются въ другихъ странахъ союзаго района тѣми же правами на свои произведе-

нія, какія предоставлены мѣстнымъ законодательствомъ своимъ собственнымъ авторамъ. При этомъ безразлично—публиковано-ли (издано? выпущено въ свѣтъ?) или еще не опубликовано самое произведение. Но если оно уже *публиковано* (*publiée*), то мѣсто публикаціи не безразлично, а имѣетъ весьма существенное значеніе потому, что покровительствомъ Союза пользуются лишь авторы произведений, опубликованныхъ именно *въ районъ Союза* (что собственно слѣдуетъ понимать подъ publication — конвенція не разъясняетъ). Безусловно необходимо также, чтобы въ *мѣстѣ происхожденія* (*pay d'origine*) произведенія, были выполнены законныя условія и формальности, установленныя тамъ для огражденія авторскаго права (напр. удостовѣрительная *регистрація* авторства, гдѣ это требуется).

Самое же мѣсто *происхожденія* произведенія опредѣляется въ конвенціи различно, смотря по тому: опубликовано-ли произведение или еще не опубликовано.

Если оно *публиковано*, то мѣстомъ „происхожденія“ признается—мѣсто *первой* публикаціи. Въ случаѣ же оно опубликовано одновременно въ нѣсколькихъ странахъ Союза, мѣстомъ происхожденія признается та изъ этихъ странъ, гдѣ мѣстный законъ устанавливаетъ болѣе краткій срокъ для дѣйствія авторскаго права.

Если же рѣчь идетъ о *непубликованномъ* произведеніи, мѣстомъ его происхожденія считается та страна, въ которой принадлежитъ самъ авторъ. Здѣсь національность произведенія опредѣляется національностью автора.

Національность произведенія (въ смыслѣ *pay d'origine*) имѣетъ важное значеніе для опредѣленія продолжительности *срока* дѣйствія авторскаго права. Срокъ пользованія такимъ правомъ внѣ предѣловъ отечества, отнюдь не можетъ быть продолжительнѣе того срока, который установленъ въ мѣстѣ происхожденія произведенія.

На первый взглядъ эту систему конвенціи трудно усвоить. Но дѣло упрощается, если ближе ознакомиться съ сущностью правилъ и имѣть постоянно въ виду преобладающее значеніе

вопроса о „національности“, если можно такъ выразиться, *самаго произведенія*. Пояснимъ это положеніе примѣромъ: положимъ *французъ* выпустилъ въ свѣтъ въ *Швейцаріи* сочиненіе и желаетъ пользоваться авторскимъ правомъ въ *Германіи*. Національность книги — *швейцарская*, по началу *раус d'origine*; слѣдовательно, авторство свое французъ обязанъ установить по правиламъ *швейцарскаго* закона и затѣмъ можетъ пользоваться въ Германіи, какъ участникъ въ Союзѣ, правами *германскихъ* авторовъ, но срокъ пользованія не можетъ быть продолжительнѣе *швейцарскаго* срока.

Если же французъ напишетъ сочиненіе въ Швейцаріи и оно, положимъ, не будетъ имъ *публиковано* при жизни, то посмертный владѣлецъ манускрипта, какъ произведенія *французской* національности, обязанъ для огражденія авторскихъ правъ выполнить *французскія* формальности и можетъ затѣмъ пользоваться въ Германіи *германскимъ* авторскимъ правомъ, но на срокъ не продолжительнѣе *французскаго* срока ¹⁾.

Относительно послѣдняго примѣра слѣдуетъ имѣть въ виду, что авторскимъ правомъ могутъ пользоваться либо самъ авторъ, либо его *ayants cause*—преемники его правъ (лица, которымъ онъ продалъ, уступилъ, оставилъ въ наслѣдство свое произведеніе и т. п.).

Національность преемниковъ правъ не имѣетъ значенія, важна лишь національность *самаго автора*.

Національность (индигенатъ) автора, т. е. принадлежность или непринадлежность его къ націи страны Союза, была предметомъ живыхъ дебатовъ при обсужденіи проектовъ конвенціи. Французы и швейцарцы предлагали присоединить къ принципу „національности“ принципъ постоянного *мѣстожителства* (*domicile*) и предоставить покровительство Союза авторамъ

¹⁾ На конференціи былъ поднятъ (Германією) вопросъ объ установленіи одного *общаго* срока для дѣйствія авторскаго права. Но конференція не нашла возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ и ограничилась только формулированіемъ желанія, чтобы сами *авторы* пользовались своимъ правомъ *пожизненно* и чтобы оно дѣйствовало еще *послѣ* ихъ *смерти* извѣстное число лѣтъ, но не менѣе *тридцати*.

хотя и чуждой Союзу національности, но имѣющимъ осѣдность или издавшимъ свое произведеніе въ *районъ* Союза. Принятіе подобнаго предложенія, возражали оппоненты, уменьшило бы притягательную силу Союза по отношенію къ невопедшимъ еще въ составъ его государствамъ. Стоило бы только автору, принадлежащему къ внѣсоюзной національности переселиться въ районъ Союза, чтобы пріобрѣсти на всемъ пространствѣ союзной территории привилегію авторскаго права даже на такое произведеніе, которое было бы опубликовано внѣ союзнаго района. Въ настоящее же время, за непринятіемъ въ конвенціи принципа „осѣдности“ ни мы, русскіе, ни сѣвероамериканцы, ни шведы, датчане и прочія еще непримкнувшія къ союзу страны, пользоваться выгодами союзной конвенціи во Франціи, Германіи, Англіи и т. д. не можемъ, развѣ бы (чему эта конвенція, гарантирующая лишь минимумъ покровительства, отнюдь не препятствуетъ) мѣстное законодательство союзной страны или частныя ея конвенціи съ другими странами признали возможнымъ предоставить у себя покровительство и внѣсоюзнымъ авторамъ.

Но если самъ внѣсоюзный авторъ не можетъ пользоваться союзною привилегіею, то можетъ ею пользоваться его *издатель*, опубликовавшій произведеніе въ *районъ* Союза. Къ такому издателю переходитъ союзное авторское право, если онъ соблюлъ законныя условія и исполнилъ установленныя въ мѣстѣ публикаціи произведенія формальности для огражденія авторскаго права.

Вопросъ о „національности“ *издателя* поставленъ въ текстѣ конвенціи неясно. Ст. 3-я говоритъ о публикаціи чужестраннаго произведенія въ одной изъ странъ союза и о томъ, что къ издателю его примѣняются условія конвенціи. Казалось бы, въ виду 2-й ст., что самъ издатель долженъ принадлежать тоже къ *союзной* національности. Но это вопросъ спорный. Въ протоколѣ совѣщанія конференціи 1885 года значится единогласное заключеніе комисіи, „что національность издателя совершенно безразлична, лишь бы у него было въ предѣлахъ Союза постоянное и твердое обзаведеніе (*établissement*)

permanent et durable)". Въ этихъ выраженіяхъ содержится понятіе о domicile. Для издателей, значить, это льготное начало допускается. Но въ текстѣ самой конвенціи объ этомъ вовсе не упоминается потому, что ложное обозначеніе на внѣсоюзномъ произведеніи несуществующаго въ дѣйствительности въ районѣ союза издателя, очевидно, не могло бы поставить самое произведеніе подъ покровительство конвенціи, такъ какъ въ ней говорится объ издателяхъ произведеній, *публикованныхъ въ одной изъ странъ союза*.

Самое слово *издатель* — *éditeur* можетъ подлежать различнымъ толкованіямъ. Такъ, французскій делегатъ Лаволле полагалъ, не встрѣчая на конференціи возраженій противъ такого толкованія, что этотъ терминъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, чтобы можно было примѣнить его напр. и къ антрепренеру драматическихъ представленій.

Вообще конвенція относится весьма благопріятно къ *издателямъ*, предоставляя имъ гарантіи авторскаго права не только въ случаяхъ, упомянутыхъ въ 3-й ст., но и по отношенію къ *переводамъ* (ст. 5, 6), произведеніямъ *драматическимъ*, *драматико-музыкальнымъ* и просто *музыкальнымъ* (ст. 9). Незабыты издатели и въ ст. 11-й — о легальной презумпціи авторства на судѣ ¹⁾.

Предоставляя „союзнымъ“ *издателямъ* привилегію авторскаго права даже на сочиненія чужестранныхъ авторовъ, составители конвенціи дѣйствовали съ явнымъ расчетомъ усилить притягательную силу Союза для странъ, еще къ нему не примкнувшихъ. Въ виду привилегированнаго положенія союзныхъ издателей, страны эти должны будутъ питать опасеніе, что, устранаясь отъ участія въ Союзѣ, онѣ рискуютъ поте-

¹⁾ Ст. 11 признаетъ, впрямь до доказательства противнаго, право судебного преслѣдованія контрафакціи за тѣмъ лицомъ, чья фамилія значится на сочиненіи.

Въ отношеніи анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненій такое право жалобы признается за издателемъ.

Но судъ можетъ требовать предъявленія доказательствъ, что въ мѣстѣ происхожденія сочиненія исполнены установленныя формальности.

рять часть своей книжной торговли въ пользу означенныхъ издателей.

Это соображеніе имѣетъ важность особенно по отношенію къ *переводнымъ* сочиненіямъ, которыя въ литературномъ дѣлѣ и книжной торговлѣ представляютъ безспорно выдающийся предметъ эксплуатаціи.

Конвенція посвящаетъ праву *перевода* двѣ статьи, дѣлая различіе между *исключительнымъ* правомъ перевода (ст. 5) и правомъ *дозволеннаго* перевода (*traduction licite*) (ст. 6).

Исключительное право дѣлать или разрѣшать переводъ съ оригинальнаго сочиненія принадлежитъ самому автору или преемникамъ его правъ, равно какъ и издателямъ, пользующимся авторскимъ правомъ. Срокъ дѣйствія этого права установленъ десятилѣтній, считая съ 31 декабря того года, въ которомъ послѣдовала публикація оригинальнаго сочиненія въ районѣ союза. Для сочиненій, выходящихъ *выпусками* (*livraisons*), срокъ считается съ года появленія послѣдняго выпуска. Въ сочиненіяхъ, выходящихъ по томамъ, каждый томъ принимается въ расчетъ какъ отдѣльное сочиненіе. Тоже правило существуетъ для *бюллетеней* или *тетрадей* (*cahiers*), издаваемыхъ учеными или литературными обществами или частными лицами.

Установленіе въ конвенціи опредѣленнаго срока, однороднаго для всей территоріи Союза, послѣдовало въ видахъ согласованія двухъ противоположныхъ мнѣній въ конференціи. Одни (Франція) стояли за полное отождествленіе перевода съ оригиналомъ (въ смыслѣ ассимиляціи права перевода съ правомъ репродукціи, перепечатки, оригинальнаго сочиненія). Другіе (Англія) были противъ того, чтобы исключительное право перевода пользовалось одинаково продолжительнымъ, наравнѣ съ правомъ репродукціи самаго оригинала, покровительствомъ. Они желали ассимилировать оба права лишь въ отношеніи того, чтобы и срокъ дѣйствія права перевода опредѣлялся *мѣстнымъ* въ каждой странѣ союза законодательствомъ.

При наличности такого разномыслія и признано возможнымъ, въ видахъ соглашенія, установить, по предложенію

делегатовъ Германіи, одинъ общій, именно десятилѣтній, срокъ для права *перевода*, въ качествѣ минимума гарантіи, отнюдь не препятствуя мѣстнымъ національнымъ законодательствамъ и частнымъ конвенціямъ предоставлять болѣе продолжительное покровительство авторскому праву перевода.

Хотѣли было, по примѣру нѣкоторыхъ законодательствъ и частныхъ конвенцій, поставить пользованіе *исключительнымъ* правомъ „авторскаго“ перевода въ зависимость отъ выпуска самаго перевода въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ послѣ публикаціи оригинала. Но это правило могло крайне затруднить автора и сдѣлать призрачнымъ гарантированное ему право перевода, такъ какъ пропускъ проектированнаго предварительнаго срока легко могъ бы послѣдовать безъ вины автора, а именно вслѣдствіе недобросовѣстности напр. издателя или типографщика. Поэтому означенное стѣснительное предположеніе было оставлено.

До сихъ поръ шла рѣчь о правѣ „авторскаго“ перевода, но конвенція этимъ не ограничивается, а гарантируетъ въ ст. 6 покровительство и самимъ *переводчикамъ*—право на сдѣланный ими переводъ, въ томъ случаѣ, когда это такъ называемый *дозволенный* переводъ (*traduction licite*), т. е. сдѣланный либо съ разрѣшенія самого автора, либо по праву общаго пользованія, за истеченіемъ указанной выше десятилѣтней авторской привилегіи.

Конвенція приравниваетъ такой переводъ къ оригинальнымъ произведеніямъ и гарантируетъ переводчику (а въ подлежащихъ случаяхъ—и издателю перевода) авторское право на его трудъ.

Но покровительство переводному труду гарантируется, по смыслу 6 ст. и разуму конвенціи, не всѣмъ переводчикамъ въ одинаковой степени.

Переводчикъ, сдѣлавшій переводъ съ *разрѣшенія самого автора* оригинальнаго сочиненія (до истеченія десятилѣтней авторской привилегіи), вправѣ преслѣдовать всякій иной, появившійся въ раіонѣ Союза, неразрѣшенный переводъ того же сочиненія, какъ контрафакцію.

Переводчикъ же, сдѣлавшій переводъ *по праву общаго пользованія* (за истеченіемъ десятилѣтней авторской привилегіи), пользуется авторскимъ правомъ лишь на свой собственный трудъ, ограждаемый лишь отъ простой *перепечатки*, и не вправе протестовать противъ появленія другихъ переводовъ съ того же оригинала.

Ознакомивъ читателей со всѣми этими руководящими положеніями бернской союзной конвенціи по главнымъ, на нашъ взглядъ, пунктамъ трактуемаго въ ней предмета, мы считаемъ возможнымъ пока ограничиться изложенными свѣдѣніями, которыя надѣемся при случаѣ пополнить въ отношеніи нѣкоторыхъ незатронутыхъ нами специальностей ¹⁾, когда выйдетъ продолженіе печатаемаго въ *Revue générale du droit etc* прекраснаго комментарія къ означенной конвенціи, составленнаго Soldan, швейцарскимъ судьей и секретаремъ бернскихъ конференцій по дѣлу этой конвенціи ²⁾.

Редакція нѣкоторыхъ статей конвенціи, при трудности вообще формулировки сложныхъ, по свойству самаго дѣла, постановленій въ сжатыхъ текстахъ, не представляется на столько ясною, чтобы можно было обойтись безъ толковаго комментарія. Но такой комментарий нуженъ и не для одного лишь уразумѣнія смысла текста конвенціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ главный интересъ заключается въ *мотивахъ* ея постановленій. Почтенная, сама по себѣ, попытка образовать всемірный союзъ для защиты литературной и художественной собственности удалась лишь отчасти. Нѣсколько крупныхъ единицъ, въ томъ числѣ и наше отечество, держатся пока въ сторонѣ. Вслѣдствіе того нѣкоторыя указанная нами выше

¹⁾ Конвенція трактуетъ еще: о *газетныхъ* статьяхъ, учебныхъ и научныхъ *сборникахъ*, разнаго рода *передѣлкахъ*, о *дробномъ* издательствѣ, о представленіи или исполненіи *драматическихъ* или *музыкальныхъ* произведеній. Регулировано *обратное* дѣйствіе международнаго покровительства; опредѣлены нѣкоторыя послѣдствія нарушенія авторскаго права (наложеніе ареста на незаконную репродукцію); учреждено постоянное международное *бюро* союза.

²⁾ См. также брошюру профессора правъ цюрихскаго университета Dr. Aloys von Orelli—Der internationale Schutz des Urheberrechtes. 1887.

постановленія не только имѣютъ въ виду регулировать правовыя отношенія лицъ, заинтересованныхъ въ охранѣ авторскаго права, но предназначены также производить необходимую *force violence* для привлеченія въ составъ Союза недостающихъ ему элементовъ. Это надлежитъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ содержанія разсматриваемой конвенціи.

Намъ неизвѣстны основанія почему Россія не участвовала на бернской конференціи. Возможно, что частныя наши конвенціи достаточно ограждаютъ правовые интересы нашихъ литераторовъ, художниковъ и прочихъ дѣятелей этой сферы и потому не встрѣчается надобности торопиться примкнуть къ юному Союзу, не испытавъ вліянія его притягательной силы. Но если окажется, что книгопродавческая эксплуатація на Западѣ нашихъ, нынѣ столь популярныхъ за границу, литературныхъ произведеній и выгоды нашихъ литераторовъ и художниковъ, въ связи съ интересами нашихъ переводчиковъ, издателей и книгопродавцевъ, при развитіи литературно-художественной политики Союза, сдѣлаетъ для насъ желательнымъ принять *en connaissance de cause* участіе въ его конвенціи, то мы можемъ быть увѣрены, что насъ ждутъ распростертыя объятія.

Въ Италіи заняты преобразованіемъ судебной организаціи, измѣненіями въ уставахъ гражданскаго и уголовного судопроизводства и проектомъ новаго уголовного уложенія.

Въ проектѣ министра Таяни отъ 25 ноября 1885 года о преобразованіи итальянскаго судоустройства встрѣчаются, между прочимъ, два пункта, которые знаменуютъ поворотъ въ сторону новыхъ воззрѣній.

Такъ, предполагается напр. видоизмѣнить кассационную функцію высшаго суда, присвоивъ ему право самому постановлять надлежащее рѣшеніе, не отсылая дѣла обратно въ прежнія инстанціи. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть существеннаго отступленія отъ французской „кассационной“ теоріи и усвоеніе болѣе практичной „ревізійной“ системы германскаго *Reichsgericht'a*.

Характерна также метаморфоза въ оцѣнкѣ значенія судебного догмата: *tres faciunt collegium*. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, практическихъ соображеній, итальянцы желаютъ произвести *chassé-croisé*, а именно: сдѣлать единоличный судъ мировой юстиціи — коллегіальнымъ, а судъ, засѣдающій съ присяжными, — единоличнымъ.

Вопросъ о томъ, что лучше для правильнаго рѣшенія такъ называемыхъ *маловажныхъ* дѣлъ: единоличный ли мировой судья или судебная коллегія?—вопросъ трудно разрѣшимый. До сихъ поръ, опытъ всѣхъ странъ, гдѣ существуетъ та либо другая форма, порождаетъ одну лишь разногласицу и не привелъ еще къ болѣе или менѣе единодушному убѣжденію относительно выбора лучшей, цѣлесообразно-пригоднѣйшей, формы этого суда.

Мы не знаемъ достовѣрно, какъ относится общественное мнѣніе Англіи къ формѣ единоличнаго суда по самому существу этой формы, но касательно организаціи его встрѣчаемъ, напримѣръ, въ выдержкѣ изъ *Law Times* (13 августа 1887 г.), среди жалобъ: на производство „ассизъ“ при „условіяхъ, заслужившихъ осужденія“, на „уродливости“ англійской судебной организаціи, равнодушное отношеніе судей къ тому, что въ Лондонѣ и округахъ „законныя дѣла погибаютъ отъ недостатка метода, правильнаго порядка и акуратности“, на безпечность адвокатовъ и „странную“ ихъ организацію — жалобу спеціально на „безчисленныя неудобства системы *единоличнаго судьи*“.

Въ Германіи установленъ, какъ извѣстно, и для *маловажныхъ* дѣлъ уголовнаго правосудія коллегіальный, *шеффенскій*, судъ, но противъ такой коллегіи ратуютъ сторонники суда ученыхъ юристовъ.

Если Италія перейдетъ отъ англо-французской системы единоличнаго суда мировой юстиціи, къ германской или какой нибудь своей собственной коллегіальной системѣ, то, не касаясь личныхъ качествъ итальянскаго мирового судьи, можно только сказать, что тамъ, гдѣ вопросы факта и права, виновности и наказанія, рѣшаетъ одинъ и тотъ же составъ суда, коллегія

безспорно представляет аргіогі болѣе гарантій правильнаго рѣшенія по существу дѣла.

Иначе представляется вопросъ о *коллегіальномъ* составѣ суда, засѣдающаго съ присяжными.

Теоретически и здѣсь *коллегія* боронныхъ юристовъ можетъ имѣть значеніе, но практически это значеніе столь неощутительно или сравнительно маловажно, что функціи коллегіи смѣло могли бы быть совмѣщены въ лицѣ одного предсѣдателя, какъ въ Англіи, безъ всякаго ущерба для правильнаго отправленія правосудія. Дѣло рѣшается присяжными; руководитъ засѣданіемъ предсѣдатель и несетъ главную отвѣтственность за ходъ его; дѣйствительно совѣщаться съ коллегами во время судебного слѣдствія на практикѣ приходится не часто; постановка вопросовъ присяжнымъ требуетъ коллегіальнаго совѣщанія развѣ только въ томъ случаѣ, когда законъ уголовный неясенъ или казуистиченъ; при дѣйствіи же хорошо составленнаго уголовного уложенія и примѣненіе закона о наказаніи къ вердикту присяжныхъ могло бы обойтись безъ коллегіальнаго обсужденія.

Этими соображеніями, вѣроятно, и руководствовался итальянскій министръ Таяни, внося въ палату депутатовъ свой проектъ новой судебной организаціи, въ которой на судѣ съ присяжными оба „ассесора“ короннаго суда упраздняются ¹⁾.

Таяни, само собою разумѣется, пришлось одновременно представить палатѣ и проектъ соотвѣтственныхъ измѣненій въ уставѣ уголовного судопроизводства.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что принятіе проектированной реформы побудитъ итальянскій парламентъ принять измѣненную обстановку ассизнаго суда въ соображеніе и при обсужденіи своего вновь проектированнаго уголовного уложенія.

¹⁾ Къ слову сказать, мнѣніе о достаточности единоличнаго судьи—предсѣдателя на судѣ съ присяжными было, если память намъ не измѣняетъ, высказано въ одномъ офиціальномъ заключеніи с.-петербургскаго окружнаго суда въ концѣ, кажется, 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ.

Означенное уложеніе — министерскій проектъ Цанарделли-Савелли, съ поправками бывшаго министра Пессина — находится еще въ обсужденіи особой парламентской комисіи, которая пока окончила разсмотрѣніемъ только первую, общую, его часть, причемъ послѣдовали различныя измѣненія въ проектированныхъ Пессина статьяхъ; число ихъ въ проектѣ комисіи возросло съ 93 до 108. Относительно особенной части уложенія, комисія, повидимому, не пришла еще къ заключенію.

Интересно знать, какую судьбу постигнетъ новое уголовное уложеніе въ парламентѣ, на родинѣ Ломброзо-Ферри? Какъ отнесутся офиціально депутаты — сторонники „антропологическихъ“ воззрѣній къ основнымъ вопросамъ о вѣроятности и о наказаніи, и будутъ ли твердо стоять криминалисты классической школы на почвѣ философскихъ доктринъ, ни на шагъ не уступая новымъ вѣяніямъ?

Умы „правовѣрныхъ“ криминалистовъ, ученыхъ и судей, можетъ, пожалуй, нѣсколько смутить успѣхъ новаго реалистическаго направленія, которое продолжаетъ, въ естественно-научной и юридической литературахъ, приковывать всеобщее вниманіе и популяризуется въ разныхъ странахъ выдающимися учеными спеціалистами, съ живыми, наглядными аргументами которыхъ нельзя будетъ удачно бороться такимъ тяжеловѣснымъ философскимъ оружіемъ, какъ, напримѣръ, весьма почтенныя, но трудно усвоиваемыя объясненія *Вундта* о свободѣ воли и нравственности въ его „Исслѣдованіи фактовъ и законовъ нравственной жизни“ (1886 г.), или другія, тому подобныя, болѣе или менѣе „умозрительныя“ диссертации. Могутъ ли годиться доводы, почерпнутые лишь исключительно въ метафизической философіи, чтобы успѣшно оппонировать такой наприм. блестящей „антропологической“ лекціи, какъ та, которую прочелъ въ мартѣ 1886 г. профессоръ-врачъ Морицъ Бенедиктъ въ собраніи Вѣнскаго юридическаго общества (см. *Zeitschrift für gesamte Strafrechtswissenschaft*, VII Band. 1887 г.)?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ подобный пріемъ непрактиченъ, особенно теперь, когда спросъ на реализмъ значительно превышаетъ требованіе продуктовъ „Hegel'ianства“

Да нужно ли вообще особенно огорчаться изслѣдованіями и выводами антропологической біологіи и соціологіи и от-крещиваться отъ такого напр. сообщаемого газетами факта, что тотъ же вѣнскій профессоръ Бенедиктъ недавно изслѣдывалъ мозгъ убійцы Шимана, повѣшеннаго въ Моравіи, и по нѣкоторымъ извилинамъ въ мозгу опредѣлилъ, что мозгъ Шимана не отличается отъ мозга хищнаго звѣря (Новое Время 1887 г. 28 ноября № 4221: Заграничныя Мелочи)?

Вѣдь изъ того, что Шиманъ могъ быть природнымъ хищникомъ, слѣдовательно—врожденнымъ преступникомъ (по схемѣ Бенедикта—*homo criminalis degeneratus*), и вообще изъ уголовно-антропологическаго ученія Бенедикта отнюдь не слѣдуетъ, чтобы этотъ субъектъ былъ лишенъ всякихъ „психическихъ тормазовъ“ (*Hemmungsempfindungen*), не имѣлъ бы въ умѣ „тормозящихъ представленій“ (*Hemmungsvorstellungen*) напр. о полиціи, палачѣ, чтобы въ немъ не происходило никакой внутренней борьбы передъ совершеніемъ преступленій, и т. д. Въ такомъ случаѣ, какъ мы увидимъ ниже, и самъ Бенедиктъ не стоитъ за безотвѣтственность подобнаго преступника, у котораго недостатокъ болѣе въ сферѣ чувствъ, чѣмъ въ умственной сферѣ.

Существуютъ, должно полагать, еще болѣе загадочныя явленія въ духовной и физической природѣ человѣка, какъ тѣ, напр., о которыхъ повѣствуетъ цюрихскій профессоръ Lilien-thal въ своей интересной статьѣ *Hypnotismus und das Strafrecht* (см. вышеуказанную *Zeitschrift*, VII., 1887 г.) Эти явленія еще болѣе могутъ усложнить вопросъ объ индивидуальной свободѣ въ преступномъ субъектѣ, поднимая этотъ вопросъ на головокружительную высоту, почти недосыгаемую для точныхъ опредѣленій ¹⁾.

¹⁾ Не такъ давно былъ сообщенъ въ газетахъ (Новое Время, ноябрь 1887 г. № 4223) слѣдующій случай: Судили въ Малагѣ сектантовъ-аллюминатовъ,

Если новѣйшія изслѣдованія жизненныхъ явленій дѣйствительно таковы, что должны неминуемо привести къ исправленію нѣкоторыхъ установившихся взглядовъ и теорій, то съ *достовѣрно* установленными фактами нужно считаться, а не стараться закрывать глаза и упрямо отрицать дѣйствительность.

Дѣйствительность, въ данномъ случаѣ, стучится съ своими истинами и гипотезами въ двери суда и предъявляетъ свои требованія въ лицѣ экспертовъ-врачей, этихъ какъ выразился Гладстонъ на послѣднемъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ—„будущихъ вождей народовъ“. Врачи-психіатры уже теперь являются на судѣ присяжныхъ нерѣдко вершигелями судьбы процесса и намъ, юристамъ, въ спорѣ *lex contra scientiam* не всегда удается доставить торжество нашему правовому Standpunkt'у. И чѣмъ дальше пойдетъ развитіе врачебной психіатріи, тѣмъ рѣзче можетъ обозначиться на практикѣ разладъ между врачебною наукою о природѣ человѣка и уголовно-судебною юриспруденціею.

Профессоръ медицины Бенедиктъ, разъясняя въ указанной выше лекціи, вѣнскимъ юристамъ причины этого разлада, усматривалъ ее, главнымъ образомъ, въ томъ, что система юристовъ болѣе искусственная, а система его школы—естественная, позитивная.

По мнѣнію Бенедикта, система судебной психологіи, созданная юристами, часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною психологіею большинства преступниковъ, все равно какъ если бы „мы прилагали европейскую мѣрку къ дѣйствіямъ, мыслямъ и чувствамъ жителя Тасманіи“ (Вандименовой Земли). Явились судебные психіатры и стали въ большомъ числѣ случаевъ усматривать, въ разрѣзъ съ поло-

которые ходятъ нагишомъ. Почему то понадобилось защитѣ, чтобы произвели надъ подсудимыми—женщинами опытъ гипнотизаціи. Судъ распорядился произвести этотъ опытъ. Внушили одной изъ женщинъ потѣть и черезъ нѣсколько секундъ она обливалась потомъ. Другой внушили, что ей надо взойти на высокую гору и движенія ея, видимая усталость, соответствовали внушенію.

женіями юристовъ, патологическое разстройство и патологическую организацію тамъ, гдѣ юристы этого и не подозрѣвали. Юристы протестовали и, свидѣтельствуешь Бенедиктъ, часто бывали правы потому, что, въ виду странной психологій большого числа преступниковъ, врачи-психіатры часто впадали въ искушеніе усматривать патологическое явленіе тамъ, гдѣ была лишь своеобразная и недостаточная организація. Поэтому Бенедиктъ ставитъ себѣ въ заслугу предложенную имъ на антверпенскомъ конгрессѣ 1885 г. психіатрическую классификацію преступнаго человѣчества, помѣстивъ между группою (I) преступниковъ съ нормальными психическими способностями и группами: (III) душевнобольныхъ и (IV) выродившихся субъектовъ, группу (II) слабосильныхъ (неврастениковъ), къ которой принадлежитъ большинство профессиональныхъ преступниковъ. Это распредѣленіе дастъ, по мнѣнію Бенедикта, юристамъ возможность ориентироваться въ области уголовно-психологическихъ фактовъ.

Съ другой стороны, Бенедиктъ находитъ, что съ нѣкоторыми, въ особенности для профановъ, не легко распознаваемыми формами помѣшательства, каковы: первичное сумашествіе и врожденное слабоуміе, судьи, прокуроры и защитники менѣе знакомы, чѣмъ бы слѣдовало.

Многіе случаи выясняются лишь послѣ систематичныхъ наблюденій въ тюрьмѣ и часто только вскрытіе трупа (некроскопія) умершаго субъекта обнаруживало состояніе, которое при жизни не было замѣчено.

Далѣе, Бенедиктъ упрекалъ юристовъ въ томъ, что иногда, даже въ ясныхъ случаяхъ, судебное правосудіе, съ его ошибочными метафизическими точками отправленія и ошибочною „номенклатурою“ (терминологією), оказывалось безпомощнымъ и принимало мѣры, противорѣчившія главной практической цѣли уголовной юстиціи—защитѣ общества. Преступниковъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи полного опьяненія, въ эпилептическомъ состояніи или въ умственномъ разстройствѣ, отпускали на свободу, вмѣсто того, чтобы учредить за ними, для огражденія общества отъ

возможности рецидива, надлежащую судебную обсервацію. Много—много, если позаботятся помѣстить какого нибудь умалишеннаго или эпилептика на время въ лечебное заведеніе, откуда его скоро отпускаютъ, или, довольствуясь показаніемъ дворника, либо городского, сажаютъ подъ стражу какого нибудь алькоголика, какъ недостигшаго еще въ своемъ опьяненіи степени невмѣняемости. Не всѣ, по замѣчанію лектора, законодательства столь предусмотрительны, какъ бельгійское, которое даетъ генераль-инспектору тюремъ право брать подъ продолжительный надзоръ оправданныхъ по суду, вслѣдствіе явнаго умопомѣшательства.

Въ другомъ мѣстѣ своей лекціи, объяснивъ психическое состояніе *врожденныхъ* преступниковъ (*homo crim. degeneratus*),—которые, однако, по его словамъ, на практикѣ являются всегда такъ называемыми *случайными* (*occasionelle*), потому что дѣйствуютъ лишь при особомъ стеченіи обстоятельствъ, а не подъ давленіемъ психическаго непреодолимаго влеченія (*psychologischer Zwang*), какъ „быкъ при видѣ красной тряпки“,—Бенедиктъ усматриваетъ, во взаимныхъ отношеніяхъ врача-психіатра, съ одной стороны, и суда—съ другой, въ этой именно категоріи преступниковъ, поводъ для критики настоящаго уголовного законодательства.

Бенедиктъ, нужно сказать, желалъ бы вычеркнуть изъ уголовныхъ кодексовъ такіа слова, какъ: „вмѣняемость“, „вмѣненіе“, „вина“, „наказаніе“. По его мнѣнію, выраженія: *вина* и *наказаніе*—грѣшатъ неточностью, представляютъ въ уголовныхъ законодательствахъ „научное прегрѣшеніе“ противъ точной терминологіи и отъ нихъ-то, главнымъ образомъ, „путаница“ въ нынѣшнемъ отправленіи уголовного правосудія. Онъ находитъ подтвержденіе тому въ „беспомощности“ нынѣшняго, построеннаго на принципѣ свободы воли, уголовного законодательства именно по дѣламъ о *врожденныхъ* преступникахъ—самыхъ опасныхъ субъектовъ и тѣмъ опаснѣе, чѣмъ явнѣ признаки ихъ „дегенерачіи“ (вырожденности). Для врача-психіатра, спрошеннаго на судѣ о такомъ субъектѣ, онъ представляется, въ смыслѣ дѣйствующей официальной

судебной психологіи, субъектомъ „*невмѣняемымъ*“. По судья—и, по мнѣнію Бенедикта, совершенно правильно—не можетъ не чувствовать, что функціи уголовного правосудія были бы парализованы въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, если бы, вслѣдствіе признанія невмѣняемости, такіе преступники оправдывались по суду.

„Вы видите,—поясняетъ Бенедиктъ своимъ слушателямъ—что зависимость обвиненія или оправданія отъ принципа индивидуальной свободы воли опасна, такъ какъ она насъ вынуждаетъ, во многихъ случаяхъ, либо обвинять такихъ индивидуумовъ—противъ истиннаго разума нынѣшняго законодательства, либо выпускать ихъ на свободу—вопреки здраваго человѣческаго смысла“.

Говоря о группѣ *профессиональных* преступниковъ, которыхъ поставляютъ *неврастеники* (буквально—слабонервные), страдающіе притупленностью либо физической, либо нравственной, либо чувственной, либо умственной энергіи, онъ тоже удивляется „неумѣлости нынѣшней юстиціи“ въ обращеніи съ этими людьми.

Слабосильные неврастеники—не душевнобольные, не патологическіе субъекты. Они отличаются отъ нормальнаго чловѣка лишь иною діатезою (конституціоннымъ предрасположеніемъ). Въ этой категоріи встрѣчаются частые переходы, въ особенности, къ группѣ „выродившихся“ (врожденныхъ преступниковъ). Неврастеники отъ рожденія или съ дѣтства (вслѣдствіе слишкомъ усиленной мускульной дѣятельности въ дѣтскомъ возрастѣ)—чувствуютъ отвращеніе отъ всякаго полезнаго труда и всего, что требуетъ серьезной работы ума, воли, чувствъ (эстетическая неврастенія), стремятся къ легкимъ наслажденіямъ жизни, цыганскому житью, легкой наживѣ. Неврастеникъ, имѣющій изъ дому обезпеченныя средства, будетъ бесполезнымъ, легкомысленнымъ, порочнымъ и, въ этомъ смыслѣ, тоже вреднымъ элементомъ общества (*homo vitiosus*—порочный), но онъ не придетъ въ столкновение съ закономъ. Физическіе неврастеники же (лѣнтяи), необезпеченные въ средствахъ, составляютъ главный элементъ класса *бродягъ*. Если

отвращеніе къ труду сопряжено съ живою страстью къ наслажденіямъ, неврастеникъ дѣлается *воромъ, поддѣльвателемъ, бриантомъ* и проч. *Насильственные* преступленія совершаются неврастениками, отличающимися притупленною чувствительностью, невоспріимчивыми для болевыхъ ощущеній, вслѣдствіе чего страданія ихъ жертвъ доставляютъ имъ наслажденіе. (Изъ этого явствуетъ, что отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать то, что мы обыкновенно понимаемъ подъ „слабонервностью“, съ сущностью того *упадка* нормальныхъ душевныхъ силъ, который опредѣляется медицинскимъ терминомъ: „неврастенія“ — Nervenschwäche, нервная слабость. Не беремся судить, насколько это греческое выраженіе соотвѣтствуетъ защищаемому Бенедиктомъ принципу „безвредныхъ“ (unpräjudizirlich) выраженій въ точной номенклатурѣ!)

Далѣе Бенедиктъ усматриваетъ въ натурѣ неврастениковъ и тотъ психическій элементъ, который онъ называетъ „стимуломъ *виртуозности*“ (Virtuositätskitzel), а именно испытываемое ими чувство удовольствія вслѣдствіе приобрѣтенной ловкости и сноровки въ достиженіи преступныхъ цѣлей. Это „виртуозность“ и побуждаетъ, въ особенности рецидивистовъ, обратившихся на добрый путь, снова впадать въ преступленіе. Отсюда и страсть къ *заговорамъ* (Complottmänie), эпидемическая или мѣстная, эндемическая, исчезающая и тогда, когда уже исчезла самая причина для заговоровъ.

Въ виду всѣхъ этихъ психическихъ свойствъ неврастениковъ — профессиональных преступниковъ, Бенедиктъ и удивляется, когда судъ ихъ освобождаетъ, хотя судьи должны были бы знать, что для этихъ субъектовъ невозможно, внѣ тюрьмы, существованіе безъ преступной дѣятельности.

Въ концѣ концовъ (мы опускаемъ дальнѣйшія подробности лекціи), Бенедиктъ рекомендуетъ иную принципиальную постановку уголовно-судебнаго дѣла для исправленія усматриваемыхъ имъ недостатковъ или, вѣрнѣе, погрѣшностей въ нынѣшнемъ отправленіи уголовного правосудія, которое впадаетъ, по его мнѣнію, часто въ крупное противорѣчіе съ

разумомъ уголовного закона и главною цѣлью юстиціи, обязанной защищать безопасность общества.

Бенедиктъ предлагаетъ, по удаленіи изъ уголовныхъ кодексовъ „метафизическаго“ понятія *виновности*, предоставить суду, вмѣсто объявленія преступника *виновнымъ*, опредѣлять, въ каждомъ данномъ случаѣ, когда имѣется въ виду нарушение подсудимымъ институтовъ общества: что въ его поступкѣ усматривается „*доказанная опасность*“ для неприкосновенности, напр., жизни, собственности, чести и т. д. Затѣмъ суду, по мнѣнію Бенедикта, надлежитъ рѣшить вопросъ о томъ: совершено ли преступленіе субъектомъ *нормальныхъ* способностей, или неспособнымъ въ честному труду *неврастеникомъ*, или „*отравленнымъ*“ либо *душевнобольнымъ*, или же врожденнымъ, „*выродившимся*“ преступникомъ?

Смотря по тому, что окажется, судъ опредѣляетъ, не *наказаніе* (это слово должно будто бы тоже исчезнуть изъ уголовныхъ кодексовъ), а то: какому *обращенію*, *режиму* или *распоряженію* онъ долженъ подлежать въ видахъ огражденія отъ него общественной безопасности.

При выборѣ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, въ отношеніи напр. душевно-больнаго—нужно будетъ различать, въ какомъ онъ состояніи: *преходящемъ*, *періодически возвращающемся* или *постоянномъ*, *безнадежномъ*. Въ отношеніи „*выродившихся*“ и „*неврастениковъ*“ — надлежитъ имѣть въ виду невозможность воспитать изъ нихъ нормальнаго человека и что слѣдуетъ поэтому считать ихъ постоянно на волѣ угрозою общественной безопасности. Въ отношеніи, наконецъ, преступника съ „*нормальными*“ способностями, — слѣдуетъ сообразовать строгость мѣропріятія, съ тѣмъ: дѣйствовалъ ли онъ въ припадкѣ остраго или хроническаго аффекта, принявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, при установленіи такого „*психологическаго уравненія*“, въ расчетъ также величину причиненнаго вреда и оскорбленное чувство общественной безопасности.

Для правильнаго же установленія подобнаго „*уравненія*“ слѣдуетъ придавать особое значеніе результатамъ наблюденій

въ тюрьмѣ надъ преступникомъ и желать, чтобы судьи, прокуроры и защитники уже до поступления на судебное поприще приобрѣтали опытнымъ путемъ надлежащія свѣдѣнія изъ психологіи преступниковъ.

Такова сущность лекціи профессора Бенедикта и такова сущность и тенденція уголовно-антропологическаго ученія. Мы взяли изъ этой лекціи только то, что могло намъ объяснить современную точку зрѣнія врачей-психіатровъ на судебное отношеніе къ преступному человѣку.

Въ одномъ отношеніи лекція эта, во всякомъ случаѣ, назидательна: классификація, въ которой отведено особое мѣсто *неврастеникамъ*, можетъ дѣйствительно дать хотя нѣкоторую возможность нѣсколько оріентироваться въ вопросѣ, въ которомъ, по крайней мѣрѣ у насъ, съ легкой руки психіатровъ, уже однимъ пущеннымъ въ ходъ выраженіемъ „*психопатія*“, вверивъ и вкось повторяемымъ и толкуемымъ, создается большой вопросительный знакъ для дѣлъ, не встрѣчавшихъ до сихъ поръ сомнѣнія.

Въ рѣчи почтеннаго профессора Бенедикта слышится тонъ авторитетнаго превосходства надъ уголовными юристами, Тонъ этотъ, имѣющій, можетъ быть, оправданіе въ томъ, что добиваясь истины онъ посвятилъ многіе годы упорнымъ трудамъ по антропологической психофізикѣ, умѣряется однако его откровеннымъ признаніемъ, что при всей важности для уголовной психологіи біологическаго изслѣдованія череповъ, не существуетъ вообще, по крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи науки, *никакой специальной антропологіи или, иначе, никакой специальной краниологіи преступлений*, а также тѣмъ фактомъ, что въ своей лекціи онъ не обмолвился (чего, впрочемъ, и требовать нельзя) на счетъ идеала *нормальнаго* человѣка.

У него есть въ схемѣ „нравственной“ классификаціи — *homo nobilis*, рѣдкій типъ передоваго, въ лучшемъ смыслѣ слова, дѣятеля на пользу всего человѣчества. У него есть — *средній* человѣкъ, *homo typicus*, типъ большинства людей, которые, то „поднимаются въ благородныхъ порывахъ далеко

за предѣлы обыденнаго, то глубоко погрязаютъ въ эгоизмъ“ и которыхъ, даже изъ числа лучше одаренныхъ, дурное воспитаніе можетъ превратить въ профессиональныхъ преступниковъ, а какая нибудь пагубная страсть, апатія, нужда и горе, бросить „въ объятія уголовной юстиціи“.

Затѣмъ уже слѣдуютъ группы ненормальныхъ людей „компенсированной или малой криминальности“ (сюда онъ относитъ типы безнравственныхъ, но непопадающихъ подъ уголовный судъ: группу *homme canaille*, выжигало-ловца, съ подраздѣленіемъ на „грубаго“, *homo brutalis*, и „коварнаго“, *h. perfidus*, и группу *homo vitiosus*, порочный).

Послѣ нихъ уже идетъ *человѣкъ-преступникъ*, съ его указанными раньше четырьмя подраздѣленіями.

Здѣсь, правда, упоминается объ *homo criminalis* съ *нормальными* способностями (*mit normaler Anlage*). Юристы-криминалисты отлично понимаютъ, что эта „нормальность“ — понятіе относительное, которое болѣе доступно чутью здраваго смысла, чѣмъ точному опредѣленію науки и, потому, о „словахъ“ спорить не будутъ, несмотря на искушенія Геттескаго Мефистофеля, что „*mit Worten lässt sich trefflich streiten*“.

Дѣйствительно— „словами можно отлично препираться“! Но вотъ мы чего непонимаемъ. Почему наше выраженіе „наказаніе“ — *praejudizirlich*, вредно, превратно, и отнюдь не соотвѣтствуетъ, будто бы, точному понятію того, скажемъ, *мѣропріятія*, которое предлагается антропологистами относительно, положимъ, *неврастениковъ*, субъектовъ *ненатологическихъ*, но не исправимыхъ и, съ чѣмъ мы согласны, потому весьма опасныхъ на волѣ? Разница только въ томъ развѣ, что ихъ *мѣры* могутъ оказаться на практикѣ дѣйствительнѣе нашихъ *наказаній*. Пожизненное заключеніе—въ тюремную больницу или иное соотвѣтствующее заведеніе—бродягъ, воровъ, бригантовъ и т. п., „не принимая въ расчетъ самой тяжести преступленія“, будетъ, конечно, дѣйствовать болѣе устрашающимъ и предупреждающимъ образомъ, чѣмъ наши краткосрочныя тюрьмы или оправдательные, на основаніи заключеній психіатровъ, приговоры.

Недоумѣваемъ мы также, какъ могутъ, въ лицѣ Бенедикта, антропологи говорить объ уголовномъ судебномъ правосудіи и смѣшивать подчасъ функціи суда съ обязанностями уголовной полиціи? Если же они желаютъ стереть это традиціонное и наукою освященное различіе органовъ государственной власти, то почему же принимаются въ лекціи его за „шутку“ слова, сказанныя извѣстнымъ венгерскимъ юристомъ Шемеги, президентомъ высшаго суда Венгріи: „теперь юристы должны будутъ сжечь свои старыя библіотеки“, когда ему, Шемеги, вручили книгу Бенедикта „Штудіи на мозгахъ преступниковъ“?

Сжечь, не сжечь (откровенія антропологической психологіи и психіатріи еще не стали нашимъ Кораномъ!) а необходимо освѣжить означенныя библіотеки новымъ юридическимъ матеріаломъ для сравнительной критики старыхъ и предлагаемыхъ новыхъ системъ уголовного права.

Такимъ матеріаломъ могутъ служить, какъ pendants къ утилитаріанисту Іереміи Бентаму, — Игеринга извѣстное „Цѣль въ правѣ“ и сочиненія криминалистовъ новаго „реалистическаго“ направленія на началахъ науки уголовной соціологіи. Выдающійся трудъ въ этомъ научномъ направленіи представляетъ, безъ сомнѣнія, вышедшее въ 1886 году: «Essai» Прэнса (Prins), профессора уголовного права въ Брюсселѣ, и генераль-инспектора бельгійскихъ тюремъ: Criminalité et répression.

Компетентный бельгійскій юристъ и тюремовѣдъ предлагаетъ для реформы уголовного законодательства усвоить выработанное Quetelet и его послѣдователями положеніе: что преступленіе — явленіе *соціальное*, болѣзнь общественнаго организма. Прэнсъ не отрицаетъ интереса, который могутъ представлять для законодателей изслѣдованія антропологовъ и психіатровъ о физической и психической природѣ преступниковъ „по ремеслу“. Но въ своемъ сочиненіи онъ защищаетъ тезисъ: что *преступность* (criminalité), во всей совокупности этого явленія, не только антропологическій или

медицинскій фактъ, а, въ то же время, фактъ *соціальный*, результатъ послѣдовавшаго, по общимъ законамъ, историческаго развитія. Существовавшая въ оныя годы во всемъ общественномъ тѣлѣ „криминальность“, мало по малу локализовалась, сосредоточиваясь въ извѣстныхъ преступныхъ классахъ, въ „профессиональномъ“ преступникѣ.

Указываютъ на „склонность къ преступленію“. Но положеніе это, по мнѣнію Прэнса, отнюдь не парализуетъ карательнаго права и вовсе не обязываетъ непременно примкнуть къ фаталистическому міросозерцанію детерминизма. Если общество вправѣ чтить и награждать великаго художника, писателя, оратора, хотя и они—только дѣти своего вѣка и народа, потомки своихъ предковъ, продукты своего воспитанія и собственной житейской судьбы, то общество, очевидно, имѣетъ также несомнѣнное право преслѣдовать и карать тѣхъ, природныя наклонности которыхъ влекутъ ихъ къ борьбѣ съ общественнымъ порядкомъ.

Статистика, орудуя лишь крупными величинами и оставляя въ сторонѣ мелкія индивидуальныя различія, можетъ, конечно, усматривать съ высоты своего „штабдпункта“ извѣстную естественную закономерность въ человѣческихъ дѣянiяхъ, но выводы ея цифръ отнюдь еще не могутъ служить доказательствомъ противъ существованія индивидуальной, хотя, быть можетъ, и дѣйствительно болѣе или менѣе относительной, свободы каждаго лица.

Впрочемъ, по теоріи Прэнса (и въ этомъ онъ сходится съ уголовно-антропологическою школою), вопросъ объ индивидуальной свободѣ воли вовсе не затрогивается началомъ права обороны общества: дѣйствіе этого права общественной самозащиты обуславливается лишь степенью грозящей обществу опасности и совсѣмъ не зависитъ отъ степени индивидуальной виновности. Исторія уголовного права—исторія инстинктивной реакціи общества, противъ инстинктивныхъ стремленій отдѣльной личности.

Прэнсъ считаетъ главнымъ очагомъ преступленій—*бродяжничество*. Профессиональнаго бродягу онъ непрочь былъ

бы запереть на замокъ, даже, если нужно, на всю жизнь. Онъ сочувствуетъ англійскому законодательству XVI вѣка о нищихъ: строжайшее наказаніе профессиональных бродягъ и самая щедрая поддержка несчастныхъ и бѣдныхъ.

Онъ недоволенъ нынѣшнею системою лишенія свободы. Въ Бельгіи, изъ 90 тысячъ случаевъ, съ 1876 по 1880 г., въ 70.210 случаяхъ присуждалось лишеніе свободы на срокъ не выше 6 мѣсяцевъ, въ томъ числѣ на одинъ мѣсяць—въ 40.000 случаяхъ. Онъ объясняетъ это не милосердіемъ судей, а тѣмъ, что въ Бельгіи, какъ и во Франціи, страшно злоупотребляютъ краткосрочнымъ лишеніемъ свободы. Вообще же онъ видитъ главный недостатокъ нынѣшняго бельгійскаго суда въ томъ, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ профессиональнымъ преступникамъ и относительно слишкомъ строгъ къ новичкамъ въ преступленіи. Прэнсъ извѣрился въ исправительное дѣйствіе тюремной кельи. Если по уголовной статистикѣ и замѣчается вообще уменьшеніе числа тяжкихъ преступленій, то нужно это приписать не столько тюремной кельейной системѣ, сколько измѣнившимся общественнымъ условіямъ. Поэтому результаты центральныхъ тюремъ ничего не доказываютъ. Въ средѣ же менѣе важныхъ преступленій, рецидивъ часть и *maisons centrales*, по прежнему, кишатъ рецидивистами.

Лучше больше заботиться о воспитаніи дѣтей, имѣть надлежащее попеченіе о преступной и заброшенной молодежи, чѣмъ брать на себя, безъ всякой надежды на успѣхъ, безплодный сизифовъ трудъ исправленія закоренѣлаго преступника.

Но какая бы ни была установлена карательная система, исходною *стратегическою* точкою въ борьбѣ общества съ преступленіемъ должно служить различіе *случайныхъ* преступниковъ отъ *обычныхъ*, профессиональныхъ. Первыхъ желательно было бы не подвергать, по возможности, наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ свободы. Относительно же „профессиональныхъ“ нужно различать группу подающихъ еще надежду на возможность исправленія, отъ группы неиспра-

вимыхъ. Примѣнять къ этимъ послѣднимъ „исправительную“ систему было бы непростительною наивною. Покорная подчиненность внутреннимъ порядкамъ келейной тюрьмы не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною нравственностью, стойкою въ мірѣ страстей и противорѣчащихъ интересовъ. Вѣдь извѣстно, что самымъ примѣрнымъ поведеніемъ въ келейныхъ тюрьмахъ отличаются именно *неисправимые* преступники. А этихъ то и нужно сдѣлать безвредными для общества.

На многое Прэнсъ, писавшій свой „Опытъ“ для Бельгіи, смотритъ, конечно, глазами бельгійскаго юриста и тюремовѣда, и многіе его сужденія обусловливаются бельгійскою уголовно-судебною практикою и мѣстными тюремными порядками. Но „соціологическая“ его точка отправленія въ постановкѣ дѣла уголовного законодательства и юстиціи находитъ себѣ отълики и за предѣлами его отечества. Марбургскій профессоръ Листъ привѣтствуетъ его, въ своей *Zeitschrift f. ges. Strafrechtswiss.*, какъ единомышленника. Тотъ же „штангтпунктъ“ раздѣляетъ амстердамскій профессоръ Гамель, защищаетъ профессоръ Гарро въ Ліонѣ. Майнцкій адвокатъ *Фумдъ*, въ своей брошюрѣ „Реализмъ и уголовное право“ (*Realismus und Strafrecht*) сопоставляя „идеалистическое вдохновеніе“ отвлеченной науки, съ „болѣе скромною“ тенденціею уголовно-правнаго реализма, сознающаго несовершенство своихъ средствъ, высказывается въ томъ смыслѣ, что этотъ реализмъ имѣетъ въ виду *конкретнаго* преступника, а не *отвлеченное понятіе преступленія*. „Реалистическая наука уголовного права—говоритъ онъ о задачахъ ея—„должна слѣдить внимательнымъ окомъ за біеніемъ пульса въ общественномъ тѣлѣ, должна имѣть въ виду „гравитацію“ важнѣйшихъ цѣнъ на жизненные припасы, въ особенности для нищихъ классовъ, должна слѣдить за движеніемъ народонаселенія, обращать вниманіе на развитіе торговли и промышленности, принимать въ соображеніе профессиональную обстановку и занятія трудящагося населенія, квартирный вопросъ и многіе другіе мо-

менты, которые имѣютъ для общественнаго организма столь существенное значеніе“.

Можетъ быть, замѣчаетъ Листъ, все это и — „музыка будущаго“, какъ назвали иронически школу уголовныхъ реалистовъ, помогающихъ радикальнаго преобразованія дѣйствующаго уголовного законодательства, практики уголовного суда и карательной системы, на почвѣ основнаго положенія: о цѣлесообразной приспособленности наказаній къ *различіямъ преступническихъ группъ*, для лучшей борьбы общества противъ преступленій. Но такова уже, иронизируетъ и съ своей стороны Листъ, видно судьба „музыки будущаго“ и на этомъ, какъ и на другихъ поприщахъ, что за нею будущность, что она съ каждымъ днемъ приобрѣтаетъ все новыхъ послѣдователей и выноситъ движеніе за предѣлы своей родины.

Поживемъ — увидимъ! Но, стоя подъ напоромъ „физико-психическихъ“ смутительныхъ разоблаченій и проповѣдей, и присутствуя при начинающемъ также въ лагерѣ самихъ криминалистовъ броженіи идей, готовящихъ противъ „добрыхъ старыхъ кумировъ“ юридической науки реакцію, въ смыслѣ превращенія органовъ и функцій уголовного *правосудія* въ органы и функціи лишь уголовной *полиціи*, не станемъ предаваться ни скороспѣлымъ иллюзіямъ, ни преждевременному унынію. Почерпнемъ утѣшеніе и бодрость въ убѣжденіи, что если, какъ говорятъ, отправленіе уголовной юстиціи подчасъ хромаетъ, и въ судебномъ дѣлѣ здравый смыслъ иногда терпитъ ущербъ, то это не всегда вина судей и присяжныхъ. Въ своемъ „Опытѣ“ Прэнсъ высказываетъ золотую истину, что туманъ въ современномъ правосудіи происходитъ отъ „чрезмѣрнаго обилія науки“, которымъ оно загроможено.

Дѣйствительно, случается же „отъ множества деревьевъ не видѣть лѣса“, какъ гласитъ нѣмецкая, кажется, поговорка!

Н. Я.

ЗА МѢСЯЦЪ

(Юридическая хроника).

А. Б. Думашевскій. — Отказъ присяжнаго засѣдателя отъ принятія присяги. —
Дѣло о Преображенскомъ плацѣ.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ намъ приходится начать свою хронику некрологомъ. 22 ноября 1887 года скончался бывшій издатель „Судебнаго Вѣстника“ Арнольдъ Борисовичъ Думашевскій. Это былъ одинъ ихъ тѣхъ немногихъ людей, которые всѣмъ обязаны единственно самимъ себѣ. Его врожденный талантъ пробился въ жизнь сквозь крайнюю бѣдность родительской семьи, черезъ цѣлый рядъ невзгодъ, которыя далеко отбрасывали Арнольда Борисовича отъ пути къ научному образованію:—онъ сидѣлъ и за портняжнымъ верстакомъ, онъ стоялъ и за прилавкомъ; повидимому неизбѣжная для него въ ближайшемъ будущемъ солдатская шинель грозила, какъ Дамокловъ мечъ, разсѣять всѣ мечты молодого Думашевского объ университетѣ. Да, это былъ русскій „Давидъ Копперфильдъ“! Грамотѣ онъ выучился кое-какъ, самоучкой и поступилъ въ земледѣльческое училище, гдѣ кончилъ курсъ въ 1855 году. Почти безъ средствъ къ существованію онъ сумѣлъ приготовить самого себя къ поступленію въ 1859 году въ Рিশелевскій лицей по юридическому отдѣленію. Отсюда вскорѣ онъ перешелъ въ с.-петербургскій университетъ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1862 году со

степенію кандидата правъ. Въ виду выдающихся его способностей Арнольдъ Борисовичъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ за границу для усовершенствованія своего научнаго образованія. По возвращеніи изъ за границы онъ поступилъ на службу въ министерство юстиціи и, спустя нѣкоторое время, получилъ должность оберъ-секретаря правительствующаго сената. Занимая эту должность въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Арнольдъ Борисовичъ приобрѣлъ репутацію авторитетнаго цивилиста и принималъ дѣятельное участіе по гражданскому праву и судопроизводству въ издававшихся въ 60-хъ годахъ „Судебномъ Вѣстникѣ“ и „Журналѣ“ въ качествѣ постоянного сотрудника. Въ этихъ періодическихъ изданіяхъ на Арнольдъ Борисовичъ лежала исключительная обязанность просматривать помѣщавшіяся рѣшенія и опредѣленія, выставлать въ нимъ тезисы и разбирать наиболѣе интересныя изъ нихъ; кромѣ того въ „Журналѣ“ онъ одинъ велъ въ теченіи 1867 и 1868 г.г. „судебную хронику“. Выйдя въ отставку, Арнольдъ Борисовичъ посвятилъ себя всецѣло юридической литературѣ; онъ приобрѣлъ отъ А. П. Чебышева - Дмитріева право на изданіе „Судебнаго Вѣстника“ и нѣсколько лѣтъ его редактировалъ. Въ 1872 году Арнольдъ Борисовичъ издалъ Систематическій сводъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената. Этотъ капитальный трудъ, при которомъ Думашевскій нашелъ себѣ сотрудника въ лицѣ А. П. Чебышева-Дмитріева, отвѣчалъ практическимъ потребностямъ времени и послужилъ образцомъ для цѣлаго ряда другихъ подобныхъ изданій. Много силъ и знаній вложилъ Арнольдъ Борисовичъ въ эту работу и могъ сказать, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и за всю свою жизнь, что потрудился „cum diligentia, quam suis rebus adhibere solet“. Онъ принималъ также участіе въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ, помѣщая въ нихъ статьи по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Скончался Арнольдъ Борисовичъ 50 лѣтъ. Онъ завѣщалъ большую часть своего состоянія с.-петербургскому университету на образованіе для нуждающихся студентовъ юридическаго факультета степеній его имени.

Пусть это имя скромнаго труженика на поприщѣ дѣла и слова послужить для многихъ грядущихъ поколѣній символомъ неустанной энергіи въ стремленіи къ саморазвитію и честному служенію родинѣ!

Въ практикѣ с.-петербургскаго окружнаго суда въ ноябрѣ минувшаго года обратилъ на себя общее вниманіе случай отказа г. В., призваннаго къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя, — отъ принятія установленной въ этихъ случаяхъ присяги (666 ст. уст. угол. судопр.). При составленіи въ судебномъ засѣданіи присутствія присяжныхъ засѣдателей, г. В. заявилъ, что онъ не можетъ принять присяги въ той формѣ, въ какой она изложена въ уставѣ, при этомъ г. В. объяснилъ суду, что онъ православнаго вѣроисповѣданія. Въ виду такого заявленія окружный судъ постановилъ исключить г. В. изъ списка присяжныхъ засѣдателей, и, усматривая въ отказѣ г. В. принять присягу на должность присяжнаго засѣдателя признаки преступленія, предусмотрѣннаго въ 1 главѣ V раздѣла улож. о наказ., имѣющей своимъ предметомъ неисполненіе указовъ, предписаній и законныхъ по службѣ требованій, опредѣлилъ сообщить о томъ на распоряженіе прокурора окружнаго суда.

Насъ интересуетъ, насколько правильно сдѣлана судомъ юридическая оцѣнка этого случая. По нашему мнѣнію обязанность быть присяжнымъ засѣдателемъ, до дѣйствительнаго вступленія лица въ составъ присутствія суда по тому или другому дѣлу, не можетъ быть приравниваема къ обязанностямъ по службѣ государственной или общественной. Въ этомъ отношеніи мы проводимъ параллель между обязанностью всѣхъ гражданъ, при наличности законныхъ условій, участвовать въ отправленіи правосудія, съ воинской повинностью. Судить ближняго и защищать свою родину — высокія общегражданскія права, но до дѣйствительнаго осуществленія этихъ правъ — обязанность быть готовымъ къ явѣ и явиться къ призыву въ войска или въ судъ, именуется въ нашемъ законѣ государственной или земской повинностью (раздѣлъ VI

улож. о наказ.). До дѣйствительнаго принятія на военную службу призванное для того лицо не почитается должностнымъ, точно также до дѣйствительнаго составленія по извѣстному дѣлу присутствія присяжныхъ засѣдателей — они въ залѣ суда лишь простые граждане, явившіеся въ силу общегосударственной повинности. Присутствіе присяжныхъ засѣдателей почитается составленнымъ по окончаніи обряда присяги, на что указываетъ и самое названіе „присяжный“ засѣдатель; только послѣ принятія присяги лица, вошедшія въ составъ присутствія, вступаютъ въ должностное положеніе судьи. Съ этой точки зрѣнія отказъ г. В. отъ принятія присяги, конечно, послѣдовалъ въ то время, когда онъ въ должность судьи еще не вступилъ и потому, какъ мы думаемъ, къ его поступку V раздѣлъ уложенія не можетъ имѣть примѣненія. Но уклоненіе отъ исполненія государственной повинности въ формѣ того или другаго служенія государству не можетъ быть не наказуемо. По отношенію къ воинской повинности карательныя постановленія содержатся въ VI раздѣлѣ уложенія, точно также и въ уставѣ угол. судопроизводства установлены особыя взысканія для тѣхъ лицъ, которыя уклоняются отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя. Въ 651 ст. устава идетъ рѣчь только о неприбытіи въ судъ безъ представленія законныхъ къ тому причинъ, но по общему смыслу закона и на основаніи 12 ст. уст. угол. судопр. взысканіе, опредѣленное въ 651 статьѣ, должно быть, какъ намъ кажется, примѣняемо и ко всякому другому незаконному уклоненію отъ исполненія означенныхъ обязанностей, въ чемъ бы это уклоненіе не выражалось.

С.-петербургской судебной палатѣ предстоитъ высказаться по весьма интересному дѣлу с.-петербургскаго городского общественнаго управленія съ военнымъ вѣдомствомъ о преобращенскомъ плацѣ. Въ виду важности юридическихъ вопросовъ, возбужденныхъ этимъ процессомъ, мы изложимъ краткѣ содержаніе этого дѣла, въ которое стороны внесли

много матеріала по історіи развитія права собственности нашихъ городовъ.

Всѣмъ жителямъ Петербурга, конечно, извѣстна обширная площадь противъ казармъ преображенскаго полка, называемая преображенскимъ плацемъ. Этотъ плацъ непосредственно прилегаетъ къ мостовой четырехъ городскихъ улицъ, ничѣмъ не огороженъ, всѣ по немъ постоянно идутъ и ѣдутъ, и нието до сихъ поръ не сомнѣвался въ томъ, что это мѣсто общаго пользованія, наравнѣ съ улицей, точно также, какъ царичинъ лугъ, семеновскій плацъ и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждому было понятно, что въ интересахъ государственнаго управленія это право общаго пользованія плацемъ могло на время стѣсняться для обученія войскъ, смотровъ, также какъ и на всякой улицѣ могло быть пріостановлено движеніе городскихъ обывателей во время прохода войскъ и т. п. Таковъ общежитейскій взглядъ, выводимый изъ фактовъ повседневной жизни. Однако, въ излагаемомъ нами дѣлѣ, военное вѣдомство взглянуло на пользованіе преображенскимъ плацемъ, предоставленное издавна преображенскому полку для исполненія его государственныхъ обязанностей, какъ на право частнаго владѣнія полка, и такъ какъ фактически городское общественное управленіе никогда ничѣмъ не стѣсняло производство обученія войскъ на плацѣ, точно также какъ никому не запрещало проходить и проѣзжать черезъ плацъ, то военное вѣдомство усмотрѣло ненарушимость владѣнія полка плацемъ въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ, черезъ что полкъ пріобрѣлъ право собственности на преображенскій плацъ, по давности владѣнія. Для укрѣпленія этого права преображенскій полкъ обратился въ 1875 году съ искомъ въ с.-петербургскій окружный судъ. Это ходатайство полка было рассмотрѣно судомъ безъ участія въ дѣлѣ городского общественнаго управленія и признано подлежащимъ удовлетворенію. На основаніи рѣшенія окружнаго суда 4 марта 1875 года былъ совершенъ нотаріальный актъ, по которому преображенскій полкъ и былъ введенъ во владѣніе плацемъ на правахъ частнаго собственника. Послѣ этого на

плацѣ были построены полкомъ стрѣльбище и батальная гора. Это, конечно, были уже такія дѣйствія, которыя могъ совершить только собственникъ, и какихъ мы, однако, не видимъ въ отношеніяхъ полка къ плацу за все предъидущее время до 1875 года.

23 января 1885 года уполномоченный с.-петербургской городской управы, присяжный повѣренный С. В. Унковскій подалъ въ окружный судъ исковое прошеніе, въ которомъ просилъ признать за с.-петербургскимъ городскимъ обществомъ право собственности на преображенскій плацъ и объявить недѣйствительными акты укрѣпленія, совершенные преображенскому полку на основаніи рѣшенія окружнаго суда отъ 4 марта 1875 года. Это ходатайство истецъ основываетъ на томъ, что пользованіе (а не владѣніе) полка плацемъ не могло составлять основанія для права собственности и, потому, не могло по давности обратиться въ право собственности, и что плацъ, какъ входящій въ предѣлы города и значащійся по городскому плану площадью, составляетъ, на основаніи 120 ст. город. полож., 420 ст. 1 ч. X т. и 40 ст. уст. о город. хозяйст. XII т. ч. 2 св. зак., городскую собственность.

Изъ исковаго прошенія вытекаетъ слѣдующее общее положеніе, какъ основа иска: въ городѣ вся земля общаго пользованія (улицы, площади и т. п.) есть собственность городского общества, укрѣпляемая за нимъ *силою самого закона*, безъ особыхъ актовъ укрѣпленія, установленныхъ для собственности частныхъ лицъ. Такъ, въ 120 ст. город. полож. говорится, что принадлежащія городу земли, назначенныя по городскому плану подъ площади, улицы и т. п., оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ пользованіи. Исключенія изъ этого общаго правила могутъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если то или другое учрежденіе или лицо представляютъ законные акты укрѣпленія ихъ права собственности на какую либо часть земли общаго пользованія, устраняющіе право собственности города. Такими законными актами укрѣпленія не могутъ быть признаны акты, выдан-

ные преображенскому полку въ 1875 году на право собственности плацемъ по давности владѣнія. Преображенскій плацъ, какъ городская площадь, принадлежитъ къ числу имуществъ общаго пользованія, которыя не могутъ быть приобрѣтаемы посредствомъ давности. Если даже разсматривать это имущество не въ смыслѣ имущества общаго пользованія, то и въ такомъ случаѣ оно не могло быть приобрѣтено преображенскимъ полкомъ по давности, потому что отношеніе къ нему учреждений, простирающихъ нынѣ на него свое право собственности (преображенскій полкъ, военное министерство), заключалось только въ правѣ *пользованія*, а не *владѣнія*. Въ виду этого истецъ утверждаетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ законы о давности не могутъ имѣть примѣненія.

На исковое прошеніе послѣдовалъ отвѣтъ отъ уполномоченнаго л.-гв. преображенскаго полка, профессора Гольмстена.

Отвѣтчикъ признаетъ, что съ изданіемъ въ 1870 году городского положенія, государствомъ были переданы въ собственность городовъ (120 ст. город. полож.) земли общаго пользованія городскихъ обывателей, но не всѣ безъ исключенія, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя ранѣе 1870 года не были уже переданы государствомъ въ собственность или владѣніе различнымъ учрежденіямъ и лицамъ. До этихъ послѣднихъ имуществъ 120 статья город. полож. относиться не можетъ. Преображенскій плацъ былъ устроенъ специально для преображенскаго полка въ царствованіе Анны Іоанновны, когда городъ, какъ юридическое лицо, вовсе не существовалъ. Въ допетровскую эпоху городъ былъ мѣстомъ, заселеннымъ тягловыми людьми, которые, сообразно видамъ правительства, то переселялись, то снова водворялись тамъ, откуда были выселены; съ Петра начинаютъ проявляться проблѣки самоуправленія, но города, какъ автономной единицы, еще нѣтъ, вся его земля была государственной. Екатерина II объявила городъ юридическимъ лицомъ; „грамота на права и выгоды городовъ российской имперіи“ 1785 года признала за городами право на приобрѣтеніе недвижимаго имущества наравнѣ съ частнымъ лицами, но право на выгоны, улицы, площади

не было передано государствомъ городу до 1870 года, когда было издано нынѣ дѣйствующее городовое положеніе. По мнѣнію отвѣтчика, преображенскій плацъ не относится къ числу земель, упомянутыхъ въ 120 ст. город. полож. На это указываютъ историческія данныя. Плацъ и земля, находящаяся подъ казармами преображенскаго полка, составляли съ половины прошлаго столѣтія преображенскую слободу, что подтверждается и планомъ л.-гв. преображенскаго полка, составленнымъ въ 1796 году, въ который вошли и „парадные мѣста“, называемыя нынѣ преображенскимъ плацемъ. Съ 1801 года слободы были замѣнены казенными казармами, которыя содержались на счетъ казны и, какъ видно изъ указа 19 августа 1809 г., находились въ завѣдываніи сначала полка, а потомъ инженерной экспедиціи, такъ что вся земля, которая нынѣ находится во владѣніи полка, не была передаваема полку городомъ, не находилась во владѣніи города или въ его завѣдываніи, и непрерывно оставалась казенною. То обстоятельство, что плацъ не былъ огороженъ и по волѣ собственника (т. е. преображенскаго полка) былъ открытъ для общаго пользованія, представляется фактомъ, неимѣющимъ юридическаго значенія. Съ другой стороны, с.-петербургскимъ городскимъ обществомъ плацъ не былъ пріобрѣтаемъ и на правахъ частной собственности и никакихъ актовъ укрѣпленія правъ на этотъ плацъ городское общество представить не можетъ; давностью пріобрѣсти этотъ плацъ городъ не могъ уже потому, что владѣніе, въ видѣ права собственности, со стороны преображенскаго полка, съ 1865 по 1875 г. признано рѣшеніемъ окружнаго суда отъ 4 марта 1875 года и до настоящаго времени городъ не касался плаца, а полкъ продолжалъ имъ владѣть.

Сравнивая этотъ резюмированный нами отвѣтъ профессора Гольмстена, не трудно замѣтить, что истецъ и отвѣтчикъ для доказательства своихъ правъ на преображенскій плацъ исходятъ изъ одного и того же основанія—передачи этого имущества тому или другому государствомъ, и потому истецъ требуетъ, чтобы отвѣтчикъ представилъ такіе акты

укрѣпленія, которые исключали бы права города; отвѣтчикъ требуетъ того же отъ истца по отношенію къ преображенскому полку; истецъ, въ подтвержденіе своего иска ссылается на городской планъ, отвѣтчикъ доказываетъ передачу ему государствомъ права собственности на плацъ планомъ преображенскаго полка, и все сказанное о непримѣнимости въ этомъ случаѣ законовъ о давности владѣнія взаимно прилагается сторонами одною къ другой.

Въ своемъ возраженіи противъ отвѣта профессора Гольмстена присяжный повѣренный Унковскій излагаетъ, что города съ давнихъ поръ владѣли землями, приобрѣтенными по пожалованію или покупкою, а равно землями, отведенными имъ въ надѣлъ казною. Это видно изъ постановленій, изложенныхъ въ жалованной грамотѣ городамъ 1785 года, которою, между прочимъ, опредѣлено, „что городу подтверждаются правильно принадлежащія по межевой инструкціи или инако законно земли, сады, поля и т. д., всѣ оныя вообще и каждое порознь ненарушимо имѣть и онымъ пользоваться мирно и вѣчно, на основаніи законовъ, какъ внутри города, такъ и внѣ онаго“. Такимъ образомъ и ранѣе изданія жалованной грамоты законъ признавалъ за городами право на разнаго рода недвижимыя имуществы, а жалованною грамотою только подтверждены уже принадлежавшія городамъ права. Правоспособность городовъ къ приобрѣтенію земель во время, предшествовавшее жалованной грамотѣ, доказывается и другими законодательными актами того времени, какова, напримѣръ, упомянутая въ грамотѣ межевая инструкція 1766 г. Этими законодательными памятниками опровергается, по мнѣнію истца, указаніе профессора Гольмстена на то, что во время устройства преображенскаго плаца при Аннѣ Іоанновнѣ городъ не могъ получить право собственности на этотъ плацъ, потому что въ то время не существовало городского общества въ смыслѣ юридическаго лица.

Но приведенныя истцомъ историческія справки доказываютъ только то, что города могли приобрѣтать *наравнѣ съ частными лицами* недвижимыя имуществы и до жалованной

грамоты Екатерины II, въ настоящемъ же дѣлѣ идетъ рѣчь о правѣ собственности городовъ, построенномъ совсѣмъ на иномъ основаніи, чѣмъ право собственности частныхъ лицъ. Основанія приобрѣтенія городами недвижимой собственности двоякаго рода: *частныя* и *государственныя*. Въ силу первыхъ городъ можетъ приобретать имущество покупкою, даромъ, завѣщаніемъ и т. п.; во всѣхъ этихъ случаяхъ право города основывается и доказывается актами, въ которые оформлены указанные способы прибрѣтенія имущества, и въ случаѣ спора городское управленіе обязано предъявить эти акты. По отношенію къ преображенскому плацу такихъ актовъ у города нѣтъ и городъ не можетъ доказать, чтобы они когда либо существовали, слѣдовательно о правѣ собственности города на плацъ по частному основанію не можетъ быть и рѣчи. Государственнымъ основаніемъ прибрѣтенія городами собственности является предоставленіе государствомъ въ мѣстности, занятой городомъ или прилегающей къ городу, земель, не принадлежащихъ никому по какому либо частному основанію, т. е. земель общаго пользованія. Опреѣлительно этотъ способъ прибрѣтенія собственности городами указанъ въ 120 ст. город. полож. 1870 года; но существовало ли это право городовъ и ранѣе, а если существовало, то въ какомъ объемѣ и какъ оно можетъ доказываться на судѣ — самый существенный вопросъ въ этомъ дѣлѣ. Въ видахъ разрѣшенія этого вопроса истецъ ссылается на циркулярное разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшее въ 1865 году, т. е. до изданія городского положенія. Этотъ циркуляръ вошелъ въ указъ правительствующаго сената с.-петербургскому губернскому правленію, отъ 17 сентября 1886 года за № 10659. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, изложено, что въ прежнее время города владѣли двоякаго рода землями: однѣ они прибрѣтали, наравнѣ съ частными лицами, въ полную собственность, другія были отведены городамъ въ надѣлъ казною, и на эти земли городамъ принадлежало одно право пользованія. Такъ, о надѣленіи городовъ выгонами упоминается въ уложеніи 1649 года, въ инструк-

ціи межевщикамъ 1754 г. и въ инструкціи межевой канцеляріи 1766 г., дѣйствовавшей до 1864 года. Города не имѣли права отчуждать надѣленные имъ казною земли, которыя, равнымъ образомъ, не могли обратитися и въ частную собственность городовъ или частныхъ лицъ въ силу давности владѣнія. На основаніи 40 ст. уст. город. хоз. всѣ земли какъ *въ чертѣ города*, такъ и внѣ онаго, въ предположенной пропорціи, составляютъ принадлежность города (на указанныхъ выше основаніяхъ), за исключеніемъ тѣхъ земель и участковъ, которые уступлены въ частное пользованіе на основаніи установленныхъ документовъ. Засимъ, тѣ казенные участки для общественныхъ зданій (а тѣмъ болѣе незанятыхъ зданіями мѣста, напр. плацъ), для которыхъ у завѣдывающихъ такими зданіями нѣтъ надлежащихъ актовъ на право собственности, должны по прежнему поступать, по минованіи въ нихъ надобности, для коей они были отведены, въ собственность городовъ. Въ отношеніи земель, бывшихъ въ пользованіи собственно военного вѣдомства, истецъ ссылается на Высочайше утвержденное положеніе военного совѣта 18 мая 1874 года, которымъ опредѣлено огородныя мѣста, остающіяся свободными за ненадобностью для войскъ, передать тому вѣдомству, которому принадлежать эти мѣста. На этомъ основаніи г. Москвѣ были возвращены 1-й гренадерской дивизіей 30 десятинъ земли. Изъ этихъ данныхъ можно придти къ тому заключенію, что въ мѣстности, занятой городомъ, всѣ земли общаго пользованія были государственныя, но государство признавало всегда за городами право владѣнія и пользованія этими землями безъ права отчужденія, какъ общее правило. Въ видѣ исключенія правительство, независимо отъ городского управленія, занимало отдѣльныя части этихъ земель для государственныхъ потребностей, подъ казармы и другія казенныя зданія, и по минованіи этихъ потребностей само собою возстановлялось право собственности городовъ на эти земли по государственному основанію. Такимъ образомъ, по мнѣнію истца, не только преображенскій плацъ, но и земля подъ казармами, никогда не принадлежали преображенскому ж. гр. и уг. пр. кн. 1 1888 г.

полку на правѣ частной собственности, причемъ плацъ всегда оставался землею общаго пользованія.

Послѣ опроверженія со стороны отвѣтчика, подробно развивавшаго изложенные выше свои доводы, дѣло было разрѣшено с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ 30 апрѣля 1887 года.

Окружный судъ нашелъ необходимымъ, прежде всего, установить точный смыслъ 120 ст. город. полож., по которой „принадлежащія городу земли, назначенныя по городскому плану подъ площади, улицы и т. п. части города, оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ пользованіи“. По мнѣнію суда этотъ законъ не создаетъ какого либо новаго права для города на означенныя въ немъ земли, а заключаетъ повтореніе того, что было признаваемо и прежнимъ закономъ. Это видно изъ употребленнаго выраженія „остаются“, указывающаго на то, что эти земли должны были и прежде составлять собственность города. Таковъ смыслъ 120 ст. город. полож. еще болѣе выясняется изъ сравненія ея съ 1 п. 103 ст. того же положенія. Предоставивъ городскимъ думамъ издавать обязательныя постановленія о порядкѣ содержанія въ исправности улицъ, площадей и т. п. имуществъ общаго пользованія въ чертѣ города, этотъ законъ (1 п. 103 ст.) употребилъ выраженіе: „не исключая и тѣхъ, которыя находятся на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, учрежденіямъ и вѣдомствамъ“. Закону не было бы необходимости указывать на то, что отъ дѣйствія обязательныхъ постановленій городской думы не изъяты и тѣ улицы и площади, которыя находятся на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій, если бы законъ признавалъ право собственности города на *всѣ* имущества общаго пользованія, находящіяся въ чертѣ города. Изъ сего, по мнѣнію суда, слѣдуетъ заключить, что 120 ст. город. полож. подтвердила городамъ право собственности не на *всѣ* земли, назначенныя по городскому плану подъ улицы и площади, но лишь на земли, городу „принадлежащія“. Но какія же земли общаго пользованія составляли и прежде городскую собствен-

ность? Для разрѣшенія этого вопроса судъ обращается къ межевой инструкціи 1766 года. Въ 3 ст. VIII главы этой инструкціи повелѣно въ число указанной пропорціи (въ 2 и 4 версты, вокругъ города) намѣривать городамъ: 1) всѣ прежде написанныя по писцовымъ и межевымъ книгамъ и состоящія по жалованнымъ грамотамъ и по всякимъ крѣпостямъ выгоны; 2) такія земли, которыя, въ силу уложенія 1649 года изъ чьихъ дачъ взяты къ городамъ для пространства и скотнаго выпуска; 3) покупныя отъ разныхъ владѣльцевъ земли не на имена каждого особо, а ко всему городу и для всѣхъ городскихъ жителей пользы; 4) изъ смежныхъ къ тому государственныхъ порожнихъ земель. Перечисленныя здѣсь земли и составляютъ собственно земли, принадлежащія городу, и право собственности города на нихъ основывается на поименованныхъ въ инструкціи актахъ. Городамъ не воспрещалось и затѣмъ пріобрѣтать земли и другія имущества. Грамота 1785 года подтвердила городамъ правильно принадлежащія имъ по межевой инструкціи или инако законно земли,—слѣдовательно на эти только земли грамотою подтверждено право собственности городовъ. Эти же земли признаются собственностью городовъ и по своду законовъ, ибо въ 40 ст. уст. о город. хозяйс. сказано: „правильно принадлежащія городу, по всякому законному пріобрѣтенію, земли, сады, поля, пастбища, луга, рѣки, рыбныя ловли, рощи, кустарники, пустыя мѣста и мельницы водяныя и вѣтряныя, вообще и порознь, присвоиваются ему въ ненарушимую собственность, съ правомъ пользоваться ими и всѣми доходами съ нихъ мирно и вѣчно, на основаніи законовъ, какъ внутри города, такъ и внѣ онаго“. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ судъ призналъ, что городъ обязанъ въ каждомъ спорномъ случаѣ представить въ доказательство своего права собственности какіе либо акты укрѣпленія или указать на особое распоряженіе правительства о предоставленіи городу во владѣніе спорнаго участка земли. Судъ не призналъ такими доказательствами представленные истцомъ Высочайше утвержденные планы гор. С.-Петербурга 1798,

1806, 1839 и 1880 годовъ, на которыхъ преображенскій плацъ означенъ площадью, находя, что планами опредѣляется лишь топографическое распоряженіе частей города, а не права города и частныхъ лицъ на земли, занятыя городомъ, а посему въ искѣ городу отказалъ.

Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе окружнаго суда присяжный повѣренный Унѣовскій излагаетъ, что искать въ межевыхъ законахъ основанія принадлежности городу расположенныхъ *внутри* его земель, какъ это сдѣлалъ судъ — представляется, по отношенію къ настоящему дѣлу, неправильнымъ, такъ какъ въ межевой инструкціи, имѣвшей своимъ предметомъ указаніе порядка опредѣленія границъ или окружности всего городского владѣнія, идетъ рѣчь лишь о земляхъ *около* городовъ, послѣднимъ отведенныхъ, и о выгонахъ (цитированная судомъ VIII глава инструкціи озаглавлена „о городскихъ выгонахъ на всѣхъ лежащихъ при городахъ земляхъ“); что же касается упомянутыхъ судомъ писцовыхъ книгъ, то въ настоящемъ дѣлѣ объ нихъ также не можетъ быть рѣчи, потому что эти книги составлялись только по нѣкоторымъ городамъ и составленіе ихъ прекратилось въ концѣ XVII столѣтія, т. е. до основанія гор. Петербурга. Отсюда, по мнѣнію истца, слѣдуетъ, что всѣ соображенія суда по вопросу о принадлежности преображенскаго плаца городу основаны на такихъ данныхъ, которые не относятся къ землямъ, входящимъ въ площадь городского заселенія. Повторяя свои изложенные выше доводы о томъ, что силою самого закона вся земля общаго пользованія внутри города есть городская собственность, пока не доказано противнаго какими либо актами, удостоверяющими право собственности частныхъ лицъ или учреждений на ту или другую часть этой земли, истецъ ссылается на регламентъ или уставъ главнаго магистрата 16 января 1721 г. Въ этомъ регламентѣ Петръ Великій повелѣваетъ магистрату производить описаніе города, причемъ должно быть указано: „онный городъ на своей землѣ имѣетъ ли рѣки“, „до которыхъ мѣстъ земля и владѣніе города расширяется“, „та городская земля равная-ль“, за-

тѣмъ предписывается построить ратушу „на площади или иномъ удобномъ мѣстѣ“. Никакихъ актовъ или жалованныхъ грамотъ русскіе города, за рѣдкими исключеніями, на земли общаго пользованія внутри городского поселенія не имѣли, а между тѣмъ уже изъ регламента 1721 г. очевидно, что государственная власть признавала землю подъ городомъ (не поступившую по надлежащимъ актамъ укрѣпленія въ частную собственность) собственностью городскою. Да иначе и быть не могло; иначе городъ не могъ бы развиваться и процвѣтать, какъ того всегда желало правительство. Самое понятіе о земляхъ, приписываемыхъ къ городу для городскихъ всѣхъ жителей пользы и о выгонахъ — невозможно, если мы ранѣе не сформируемъ понятія о недвижимомъ центрѣ, къ которому что либо приписывается. Такимъ недвижимымъ центромъ „городомъ“ и была площадь городского поселенія, опредѣляемая, согласно Высочайше подтвержденнымъ планамъ. Судъ исключилъ городскіе планы изъ доказательствъ иска города. По мнѣнію истца, планы не служатъ для указанія лишь одного топографическаго расположенія частей города, городскими планами опредѣляются земельные участки внутри города подъ тѣ или другія надобности; такъ, участки, опредѣленные по плану подъ городскія зданія, составляютъ, въ силу этого своего назначенія, доходную статью городской казны; участки, опредѣленные по плану подъ улицы и площади, составляютъ, силою своего назначенія, особый родъ имуществъ, въ отношеніи, которыхъ городъ ограниченъ въ правѣ его собственности; участки, назначенные подъ городскіе выгоны, составляютъ, на основаніи плана, городскія угодья и т. д. Вычеркнувъ изъ дѣла городской планъ, судъ тѣмъ самымъ оставилъ вовсе безъ обсужденія самый капитальный вопросъ въ дѣлѣ: есть ли преображенскій плацъ земля общаго пользованія по праву, а не только съ разрѣшенія собственника. По мнѣнію истца такихъ земель въ частномъ владѣніи не можетъ и быть (кромѣ специальныхъ случаевъ, напр. бичевниковъ). На основаніи городского положенія городъ не можетъ закрыть проѣздъ и проходъ по землямъ общаго поль-

зованія, не можетъ на нихъ возвести строенія; по отноше-
нію же къ огражденію права общаго пользованія на земляхъ,
составляющихъ частную собственность, ни въ какой части
свода законовъ правилъ не существуетъ. Исходя изъ этихъ
соображеній, — разрѣшеніе вопроса, есть ли преображенскій
плацъ земля общаго пользованія, представляется существен-
нымъ, такъ какъ внутри города всякая земля общаго пользо-
ванія является, по государственному основанію, городскою
собственностью.

Z.

ЗАМѢТКИ.

НАШИ ТЮРЕМНЫЕ ПОРЯДКИ.

I.

Всѣмъ извѣстно, что наши тюремные порядки весьма дурны, но почему дурны и въ какомъ смыслѣ дурны—это мало кто знаетъ, потому что тюрьма наша есть какъ бы своего рода *terra incognita*. Мы полагаемъ, они дурны оттого, что основаны на законѣ устарѣломъ, отжившемъ свое время. Главнымъ закономъ, на которомъ до сихъ поръ держался нашъ тюремный режимъ была инструкція тюремному смотрителю, изданная еще въ 1831 году, 9 апрѣля. Эта инструкція, какъ говорится въ примѣчанія къ ней, составленная въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, пополненная и исправленная по замѣчаніямъ с.-петербургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, была, въ видѣ проекта, разослана къ губернаторамъ для руководства и исполненія. При новомъ изданіи свода законовъ въ 1857 году былъ составленъ уставъ о содержащихся подъ стражей, въ которомъ сдѣланы къ инструкціи нѣкоторыя дополненія, часто противорѣчавшія статьямъ устава. Вообще же этотъ уставъ въ глазахъ тюремныхъ смотрителей игралъ второстепенное значеніе, а главнымъ руководствомъ служила инструкція. Такъ дѣло шло до послѣдняго времени, т. е. до 1886 г., когда вновь изданъ XIV томъ, въ которомъ мы уже не видимъ инструкціи, какъ приложенія къ 96 статьѣ устава о содержащихся подъ стражею. Въ новомъ изданіи уставъ заключаетъ большее количество статей, кое въ чемъ измѣненъ и пополненъ позднѣйшими узаконеніями по тюремной части, но неполонъ, потому что въ

немъ недостають многихъ необходимыхъ отдѣловъ, предусмотрѣнныхъ упомянутой инструкціей. Но какъ инструкціи тюрьмы смотрителю въ изданіи XIV тома 1886 г. отсутствуетъ, то является вопросъ — отмѣнена ли она или еще и теперь дѣйствуетъ?

Въ новомъ изданіи устава нѣтъ никакихъ ссылокъ на инструкцію; только въ одномъ его мѣстѣ, подъ статьей 159, мы находимъ такое примѣчаніе: въ 1831 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разослана была, въ видѣ проекта, губернаторамъ инструкція смотрителю губернскаго тюремнаго замка, съ порученіемъ учинить надлежащія распоряженія къ приведенію въ дѣйствіе изложенныхъ въ ней правилъ.

Высочайше утвержденнымъ 3 мая 1865 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлено пересмотрѣть означенную инструкцію и, по дополненіи и исправленіи въ чемъ слѣдуетъ, разослать къ губернаторамъ для руководства. Въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства ни за прошлый, ни за настоящій годъ исправленная инструкция тюремному смотрителю точно также не появилась, а въ законѣ, опубликованномъ въ августѣ мѣсяцѣ сего года (Собр. узак. 1877 г. ст. 738), между прочимъ говорится, что ближайшія указанія о порядкѣ исполненія обязанностей службы должностными лицами управленія отдѣльными мѣстами заключенія и чинами тюремной стражи опредѣляются инструкціей, *утверждаемою* министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. И въ другихъ позднѣйшихъ узаконеніяхъ, хотя есть довольно частыя ссылки на уставъ о содержащихся подъ стражею изд. 1886 г., но на инструкцію нѣтъ никакихъ намековъ. Очевидно новой инструкціи тюремному смотрителю еще не существуетъ, и пока обязательна старая, помѣщенная въ XIV томѣ изданія 1857 г., иначе говоря—тюремныя власти обязаны будутъ руководствоваться правилами, которыя весьма значительно противорѣчили уже старому изданію устава о содержащихся подъ стражей. Что изъ этого можетъ произойти? Положимъ, юристы поймутъ, что статьи устава, въ предусмотрѣнныхъ ими случаяхъ, отмѣняютъ правила инструкціи, но невѣжественные тюремные смотрители, незнающіе порядка отмѣны законовъ, будутъ всецѣло руководствоваться своей инструкціей, особенно когда это для нихъ выгодно, или когда старый законъ (?) даетъ имъ большій просторъ для злоупотребленій властію.

Тюремное дѣло, разумѣется, мало выиграло черезъ редакціон-

ный пересмотръ устава о содержащихся подъ стражей. Не говоря уже о томъ, что въ основаніи тюремные порядки остались прежніе, даже въ редакціонномъ смыслѣ уставъ остался несовершеннымъ, что видно изъ тѣхъ поправокъ къ нему, которыя уже успѣли появиться въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства послѣ его изданія въ 1886 году ¹⁾. Этихъ поправокъ, само собою, долго непришлось бы дѣлать, если бы былъ написанъ новый тюремный уставъ, на новыхъ началахъ. Задача, конечно, великая, но не невозможная.

Трудность этой задачи, безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что существовавшіе уставъ о содержащихся подъ стражей (тоже и существующій) и инструкція тюремному смотрителю не были затронуты кассационной практикой сената. Послѣднее объясняется тѣмъ, что на наши тюремные порядки, по смыслу устава и инструкціи, не могло быть жалобы въ судебныя мѣста, а слѣдовательно не могло быть и поводовъ для сенатскихъ толкованій. За то главное тюремное управленіе, несмотря на свою чисто полицейскую функцію, присвоило себѣ право объяснять и дополнять уставъ о содержащихся подъ стражей своими циркулярными распоряженіями, изъ которыхъ теперь составилъ обширный сборникъ. Распоряженія главнаго тюремнаго управленія, будучи обязательны для тюремъ, часто санкціонируютъ такіе тюремные обычаи, или вводятъ такія тюремныя правила, которыя не соответствуютъ ни духу вѣка, ни духу судебныхъ уставовъ. Такъ напр. въ уставѣ о содержащихся подъ стражею ничего не было сказано, слѣдуетъ ли запираеть арестантовъ въ камерахъ днемъ, сказано было только, что смотритель наблюдаетъ, дабы ключи и замки были исправны, почему камеры днемъ не вездѣ запирались, но тюремное управленіе разъяснило, что арестантскія камеры должны запираеться и днемъ. Пора бы положить этимъ полицейскимъ толкованіямъ законъ.

Отсталость нашихъ тюремныхъ порядковъ объясняется еще и тѣмъ, что ни специальная юридическая литература, ни газетная и журнальная пресса, по невозможности кому бы то ни было про-

¹⁾ Кстати обратить здѣсь вниманіе на то, что новое изданіе XIV тома свода законовъ не вездѣ еще разослано, но смотря на то, что отъ времени его появленія прошелъ почти годъ. Въ Сибири, напр., кое въ какихъ городахъ, ни въ судахъ, ни въ полиціи, ни въ тюремныхъ замкахъ лица, власть имѣющія, о новомъ изданіи XIV тома 1886 г. еще ничего не слышали.

никнуть за тюремныя стѣны, иначе какъ въ качествѣ арестанта, остаются въ невѣдѣніи, что творится за этими стѣнами,—почему и не могли воздѣйствовать на законодательство.

Наконецъ, тюремный вопросъ считается у насъ почему то мало важнымъ, скучнымъ, достойнымъ обсужденія развѣ на страницахъ спеціальной литературы ¹⁾. Но мы не знаемъ другаго болѣе важнаго вопроса, какъ въ юридическомъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ. Въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ перебиваетъ ежегодно не менѣе 20,000 человекъ мѣстнаго, преимущественно, крестьянскаго населенія, а во всѣхъ тюрьмахъ европейской и азіатской Россіи перебиваетъ ежегодно около милліона человекъ, какъ это видно изъ официальныхъ отчетовъ. Нельзя не интересоваться тюремнымъ вопросомъ, коль скоро съ нимъ тѣсно связана свобода человека; а сила судебъ такова, что никто, собственно говоря, не можетъ поручиться, что не сегодня—завтра попадетъ въ тюрьму. Теперь само правительство, повидимому, становится на путь тюремныхъ реформъ,—вотъ почему какъ нельзя болѣе своевременно подвергнуть существующіе тюремные порядки заслуженной критикѣ.

При сравненіи нашихъ тюремныхъ порядковъ съ таковыми же европейскими, мы воспользуемся статьей г. Дриля, помѣщенной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1884 г. Г. Дриль лично и не однажды посѣтилъ многія европейскія тюрьмы, а потому сообщенія его весьма кстати для нашей цѣли. Въ поясненіе же г. Дриля, спеціально въ отношеніи парижскихъ тюремъ, воспользуемся статьей М. Du Camp'a—*Des prisons de Paris*, помѣщенной въ *Revue de Deux Mondes*, за октябрь 1869 г. Статья эта хотя старая, но для насъ подходящая, потому что какъ свидѣтельство очевидца тюремныхъ порядковъ, существовавшихъ во Франціи при Наполеонѣ III, она даетъ намъ возможность сравненія этихъ порядковъ съ нашими тюремными порядками, сравненія, которое оказывается далеко не въ нашу пользу.

¹⁾ Къ чести нашихъ молодыхъ беллетристовъ надо сказать, что они первые начинаютъ дѣльно говорить о тюремныхъ порядкахъ въ беллетристической формѣ. Такова статья г. Вл. Короленки, помѣщенная въ Русскихъ Вѣдомостяхъ за 1886—1887 г.

II.

Изъ устава о содержащихся подъ стражей, изд. 1886 г., мы, прежде всего, узнаемъ, что у насъ существуютъ слѣдующіе виды тюремъ: 1) помѣщенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей; 2) арестантскія помѣщенія при полиціи; 3) исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ; 4) тюрьмы (губернскіе и уѣздные тюремные замки, с.-петербургская тюрьма, московская исправительная тюрьма); 5) исправительныя арестантскія отдѣленія; 6) тюрьма для содержанія присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ преступниковъ; 7) пересыльные тюрьмы; кромѣ того, въ С. Петербургѣ состоятъ: 8) домъ предварительнаго заключенія; 9) домъ содержанія неисправныхъ должниковъ; лица гражданскаго вѣдомства, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, содержатся также 10) на гауптвахтахъ и 11) въ крѣпостяхъ, на основаніи правилъ, опредѣленныхъ въ сводѣ военныхъ постановленій ¹⁾. Наконецъ лица, присужденныя къ заключенію въ монастырѣ, содержатся тамъ на основаніи церковныхъ постановленій.

Въ приведенной классификаціи не упоминается о рабочихъ и смиренныхъ домахъ, которые, очевидно, прекратили свое существованіе, тогда какъ въ прежнемъ изданіи XIV тома для нихъ существовали даже особые уставы, отличные отъ устава о содержащихся подъ стражею. Такой же спеціальный уставъ существовалъ и для заключенныхъ въ арестантскія роты. Всѣ эти уставы отсутствуютъ въ изданіи XIV тома 1886 г.; вмѣсто нихъ въ раздѣлѣ: „Уставы о содержащихся подъ стражей“ дается нѣсколько болѣе или менѣе общихъ правилъ, примѣнительно къ тому или другому изъ означенныхъ учрежденій. Такія же общія правила даются по управленію петербургскихъ мѣстъ заключенія, исправительныхъ пріютовъ, исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій и помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ

¹⁾ Къ сожалѣнію о содержаніи въ крѣпостяхъ намъ говорить не придется, такъ какъ для этого пришлось рыться въ сводѣ военныхъ постановленій, притомъ же объ этомъ рода мѣстахъ заключенія мы практически ничего не знаемъ, но думаемъ, что это нѣчто въ родѣ существовавшихъ во Франціи въ 18 вѣкѣ *Maisons de gêne*, въ коихъ практиковалась абсолютное уединеніе заключеннаго, съ запрещеніемъ работъ. Впрочемъ, во Франціи такія тюрьмы существовали болѣе въ теоріи, чѣмъ на дѣлѣ. По словамъ Du Camp'a: *peine qui ne fut jamais appliquée isolait absolument le condamné et ne laissait à sa disposition aucun moyen de travail.*

судей. Въ каждомъ изъ отдѣловъ, гдѣ помѣщены эти общія правила, заявляется, что подробныя правила объ обязанностяхъ чиновъ управленія и надзора въ такихъ то тюрьмахъ устанавливаются инструкціею *издаваемою* министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ ея разсмотрѣніи въ совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ и по соглашенію съ министромъ юстиціи (для дома неисправныхъ должниковъ безъ такого соглашенія). Инструкція для дома предварительнаго заключенія, въ главныхъ основаніяхъ, уже удостоилась Высочайшаго одобренія января 1875 г. (160), а составленіе подробныхъ инструкцій въ отношеніи помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ. Изъ всего этого можно заключить, что отнынѣ подробныя или спеціальныя инструкціи для мѣстъ заключенія, по примѣру инструкціи тюремнаго смотрителя 9 апрѣля 1831 г., будутъ издаваться не въ законодательномъ, а въ *административномъ порядкѣ*. Нечего и говорить, что такія инструкціи часто могутъ отмѣнять правила устава о содержащихся подъ стражей, какъ это и свидѣтельствуетъ отчасти инструкція отъ 9 апрѣля 1831 г. Изданіе законовъ есть актъ величайшей важности, и нигдѣ въ Европѣ не допускается административное ихъ изданіе, равно какъ ни въ одномъ государствѣ нѣтъ той странности, чтобы для одного и того же учрежденія, объ одномъ и томъ же предметѣ, существовали рядомъ два спеціальныя закона.

Далѣе, изъ главы устава объ управленіи мѣстъ заключенія мы узнаемъ, что „главное завѣдываніе тюремною частію гражданскаго вѣдомства сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по главному тюремному управленію и совѣту по тюремнымъ дѣламъ“, тогда какъ прежде главное завѣдываніе принадлежало также и министерству юстиціи. Что касается главнаго тюремнаго управленія, то оно прежде носило болѣе скромное названіе—*попечительнаго о тюрьмахъ общества*, состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, *которому принадлежало попеченіе о всѣхъ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства*. Общество съ такимъ же названіемъ и съ той же функціей дѣятельности и теперь существуетъ, по изъ него выдѣлилось *главное тюремное управленіе*, гдѣ, въ лицѣ его „начальника“, сосредоточивается главный и, можно сказать, единственный надзоръ за всѣми тюрьмами гражданскаго вѣдомства, съ подчиненіемъ ему попечительныхъ комитетовъ и

отдѣлений въ губерніяхъ и областяхъ. Ниже мы увидимъ, какія неудобства и даже, можно сказать, бѣдствія для заключенныхъ происходятъ отъ того, что министерство юстиціи устранено отъ высшего надзора за тюрьмами. „Высшій надзоръ, продолжаетъ уставъ, за всѣми мѣстами заключенія, предназначенными для содержанія подъ стражею государственныхъ преступниковъ и лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, имѣетъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, заведующій полиціей“. Кстати замѣтить, что этимъ же товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ издаются и особые правила для содержанія лицъ данной категоріи, каковы напр. правила отъ 9 апрѣля 1885 года.

Попечительное о тюрьмахъ общество, президентомъ котораго *номинально* ¹⁾ состоитъ и теперь министръ внутреннихъ дѣлъ, и по новому уставу имѣетъ предметомъ свои занятій улучшение, какъ нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ, такъ и мѣстъ заключенія, и въ сихъ видахъ получаетъ въ свое распоряженіе отпускаемыя на содержаніе заключенныхъ и тюремъ деньги (56). Программа общества, какъ и раньше было, весьма широкая. Кромѣ вышеозначенной цѣли, комитеты и отдѣленія, состоя изъ членовъ обоего пола *благороднаго*, духовнаго и купеческаго званій, имѣютъ не только постоянное наблюденіе за правильнымъ размѣщеніемъ арестантовъ, но и заботятся о скорѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи. Члены вербуются вице-президентами, которыми въ губернскихъ городахъ обыкновенно бываютъ губернаторы. Слѣдовательно попечительному обществу принадлежитъ широкая административная власть. Но уже по уставу изд. 1886 г. с.-петербургскіе комитеты освобождены отъ участія въ управленіи и хозяйствѣ мѣстами заключенія, состоящими въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управленія, и ограничиваются въ отношеніи къ симъ мѣстамъ дѣятельностію исключительно благотворительною (38). По уставу вообще эти общества, на будущее время, предполагается оставить „при дѣятельности исключительно филантропической (15 примѣч.). Наконецъ, въ упомянутомъ уже законѣ, августъ, 1887 г. (Собр. узак. 1887 г. ст 738), есть пунктъ

¹⁾ Мы говоримъ номинально, потому что переписка министра внутреннихъ дѣлъ по званію президента общества возлагается на канцелярію главнаго тюремнаго управленія (ст. 62) и вообще министръ внутреннихъ дѣлъ только въ рѣдкихъ случаяхъ сносится съ комитетами и отдѣленіями.

гдѣ говорится, что за комитетами и отдѣленіями временно сохраняются, на существующихъ основаніяхъ, обязанности по содержанію священно и церковнослужителей, врачей и фельдшеровъ при тюрьмахъ общаго устройства. Если только къ этимъ двумъ обязанностямъ сводится теперь дѣятельность попечительнаго общества, то въ новомъ уставѣ о содержаніи подъ стражею должны остаться недѣйствующими многія статьи, при отсутствіи въ то же время новыхъ правилъ, ихъ замѣняющихъ. Такъ напримѣръ, кто долженъ заботиться теперь о продовольствіи арестантовъ и снабженіи ихъ одеждою, за исправнымъ состояніемъ тюремныхъ зданій — неизвѣстно.

Въ попеченіи о тюрьмахъ принимаютъ участіе также и земскія учрежденія, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи... Прокуроры и судьи наблюдаютъ, чтобы кто либо не содержался подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ и не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Независимо отъ сего, на лицъ прокурорскаго надзора возлагается пріемъ, просмотръ и отправленіе бумагъ, писанныхъ содержащимися подъ стражею, и наблюденіе за размѣщеніемъ подслѣдственныхъ арестантовъ и успѣшнымъ ходомъ арестантскихъ дѣлъ“. Въ прежнемъ уставѣ о наблюденіи судей за тюрьмами ничего не говорилось, но въ отношеніи прокуроровъ была такая статья (17): „Въ порядкѣ управленія мѣстнаго, *особенный* надзоръ за мѣстами содержанія подъ стражею и попеченіе о заключенныхъ ввѣряется прокурорамъ и стряпчимъ. Они должны посѣщать всѣ мѣста заключенія, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю“. Статья эта давала тотъ широкій просторъ прокурорской власти надъ тюрьмами, который по справедливости долженъ ей принадлежать, какъ блюстительницѣ законовъ въ имперіи, а слѣдовательно и тюремнаго устава. Тогда заключенные находили или, по крайней мѣрѣ, могли находить управу на притѣсненія тюремной администраціи; но нынѣшній уставъ, сводя дѣятельность лицъ прокурорскаго надзора къ просмотру бумагъ, писанныхъ арестантами, да къ наблюденію за правильнымъ размѣщеніемъ подслѣдственныхъ арестантовъ, лишаетъ заключенныхъ возможности приносить жалобы на тюремные порядки, потому что жаловаться на полицію самой полиціи, хотя бы это было главное тюремное управленіе, само собою, бесполезно. Что новый уставъ неблагоклонно относится къ посѣщенію прокурорами тюремъ, это видно и изъ того прибавленія къ ст. 17, гдѣ говорится,

что лица мѣстнаго прокурорскаго надзора имѣютъ, во всякое время, безпрепятственный входъ въ тюрьмы, съ тѣмъ, чтобы они имѣли всегда при себѣ билетъ, служащій удостовѣреніемъ ихъ личности“, но отъ кого долженъ получаться этотъ билетъ—неизвѣстно. По старой инструкціи тюремному смотрителю, послѣдній долженъ ежедневно являться къ прокурору съ отчетомъ о состояніи тюрьмы; лица прокурорскаго надзора считаются непремѣнными директорами мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ; ихъ въ городѣ всѣ знаютъ, и вдругъ какой нибудь тюремный смотритель можетъ теперь не пускать ихъ въ замокъ, если они не имѣютъ или забыли входной билетъ. За то функція начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій шире и общѣ функціи лицъ судебного вѣдомства по отношенію къ тюрьмамъ. Они, по словамъ статьи, имѣютъ безпрепятственный входъ въ тюремныя заведенія, для осмотра положенія содержащихся тамъ арестантовъ; о билетѣ ихъ въ статьѣ не упоминается. Правило это, положимъ, не новое, оно было и въ старомъ уставѣ, но его слѣдовало бы исключить, потому что, казалось бы, что начальники жандармскихъ управленій, за исключеніемъ политическихъ заключенныхъ, вообще къ арестантамъ никакого отношенія имѣть не могутъ.

„Губернаторы, градоначальники, губернскія правленія и полиціи имѣютъ наблюденіе за благоустройствомъ въ мѣстахъ заключенія и за исполненіемъ всѣхъ постановленій закона о порядкѣ содержанія арестантовъ. Для внутренняго надзора за порядкомъ въ тюремныхъ замкахъ состоятъ смотрители, надзиратели и другіе чины по штатамъ. При назначеніи въ тюрьмы смотрителей, ихъ помощниковъ и другихъ лицъ, мѣстное начальство (какое?) предварительно сносится съ тюремными комитетами и отдѣленіями“. Какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ уставѣ не опредѣляется порядокъ избранія смотрителей; они прежде назначались губернаторами, обыкновенно, изъ низшихъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Должность смотрителя была вполнѣ зависима отъ мѣстной полицейской власти; но 1 сентября этого года опубликованъ законъ (Собр. узак. 1887 г. ст. 738), имѣющій цѣлю, повидимому, возвысить должность тюремнаго смотрителя, который отнынѣ переименовывается въ *начальника* тюрьмы.

Законъ этотъ гласитъ слѣдующее: „министръ внутреннихъ дѣлъ есть главный начальникъ лицъ, образующихъ управленія отдѣльными мѣстами заключенія и тюремной стражи; ближайшее же за-

вѣдываніе ими вѣряется: общее по всей имперіи — начальнику главнаго тюремнаго управленія, а мѣстное — губернатору. Распредѣленіе должностныхъ лицъ управленія отдѣльными мѣстами заключенія и тюремной стражи по губерніямъ и областямъ принадлежитъ начальнику главнаго тюремнаго управленія. Въ предѣлахъ каждой губерніи или области распредѣленіе сіе по мѣстамъ заключенія зависитъ отъ губернатора или начальника области. Помощники начальниковъ тюремъ и смотрительницы женскихъ въ нихъ отдѣленій назначаются также по усмотрѣнію начальника главнаго тюремнаго управленія“. Что значитъ распредѣленіе должностныхъ лицъ управленія и тюремной стражи по губерніямъ и областямъ — неясно, но изъ того, что помощники и помощницы начальниковъ тюремъ назначаются начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, можно думать, что онъ же назначаетъ и самихъ начальниковъ тюремъ.

„Военные чины допускаются также къ занятію должностей начальниковъ тюремъ и ихъ помощниковъ“. Можно замѣтить, что въ этомъ отношеніи и прежде не было запрета, и отставные офицеры довольно часто занимали смотрительскія должности. „Тюремные надзиратели назначаются и увольняются начальниками мѣстъ заключенія и состоятъ въ полномъ ихъ подчиненіи“, тогда какъ прежде утвержденіе ихъ въ должности и увольненіе зависѣло отъ тюремныхъ комитетовъ.

Тѣмъ же закономъ вводится новый *временной* тюремный штатъ, причемъ жалованье тюремнымъ начальникамъ назначается по разрядамъ: максимумъ—1500 и минимумъ—400 руб. Всѣхъ разрядовъ 6. Начальникамъ самаго многочисленнаго 5 разряда (ихъ въ имперіи 459, начальниковъ 1 разряда—три) жалованья—600 руб., начальникамъ 4 разряда (ихъ 114)—800 руб., 3 разряда—1000 (ихъ 33), 2—1200 руб. (ихъ 8) и 6—400 руб. (ихъ 38). Помощники получаютъ максимумъ 800 руб., минимумъ—400 руб. Квартира натурою. Размѣръ жалованья надзирателямъ не опредѣленъ и, вѣроятно, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія тюремнаго начальника. Начальники тюремъ и ихъ помощники и помощницы пользуются сокращенными сроками службы на пенсію, по расчету 25 лѣтъ за 35. Въ случаѣ увѣчья, причиненнаго имъ арестантами или неизлечимой болѣзни, предоставляется имъ право на усиленную пенсію, а семейства убитыхъ получаютъ пенсію безъ расчета лѣтъ и, сверхъ того, единовременныя пособія. Тюремные надзиратели также получаютъ пен-

сін, а исправно прослужившимъ 5 лѣтъ окладъ жалованья увеличивается $\frac{1}{3}$, черезъ 10 лѣтъ—еще $\frac{1}{3}$, а черезъ 15 лѣтъ дается двойной окладъ жалованья; они же награждаются еще медалями и не призываются въ ряды арміи, если поступили въ тюремную стражу изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

„По мѣрѣ введенія въ дѣйствіе означенныхъ правилъ и штатовъ—освобождать войска отъ окарауливанія тюремъ гражданскаго вѣдомства, сохраняя военные караулы лишь при нѣкоторыхъ, особенно значительныхъ тюрьмахъ, гдѣ содержаніе ихъ будетъ признано необходимымъ на случай надобности въ предупрежденіи и подавленіи беспорядковъ. Для содержанія тюремныхъ чиновъ по штату предположено израсходовать на 1888 годъ 2.362,697 руб., а затѣмъ вносить въ смѣту на тотъ же предметъ ежегодно 2.444,862 руб.“.

Считать ли изложенный законъ о тюремныхъ должностныхъ лицахъ существенной реформой тюремнаго дѣла? — Мы этого не думаемъ, и постараемся изложить свой взглядъ ниже, когда будемъ говорить о внутреннихъ порядкахъ, а пока отмѣтимъ ту странность, что ни въ новомъ уставѣ, ни въ этомъ законѣ ничего не говорится о тюремныхъ инспекторахъ, учрежденныхъ въ февралѣ 1879 г., съ цѣлью осмотра и ревизіи учреждений, входящихъ въ составъ тюремной системы.

III.

Какихъ же системъ заключенія или принциповъ придерживается нашъ уставъ о содержащихся подъ стражею? Содержаніе подъ стражей, говорится въ 1 статьѣ его, употребляется: 1) какъ мѣра пресѣченія лицамъ, обвиняемымъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда; 2) какъ мѣра исправленія и наказанія; 3) какъ мѣра, примѣнимая къ неисправнымъ должникамъ, и 4) какъ мѣра, принимаемая относительно пересыльных арестантовъ. Въ виду того, что задержаніе за долги скоро, вѣроятно, будетъ совсѣмъ отмѣнено (теперь пока сажаютъ за злостное и неосторожное банкротство ¹⁾), мы рассмотримъ лишь три изъ указанныхъ мѣръ.

¹⁾ Во Франціи законъ о взятіи подъ стражу за долги отмѣненъ въ 1867 г., 22 июня. У насъ же, къ сожалѣнію, сажаютъ даже за несчастную несостоятельность. Сначала посадятъ должника, а потомъ уже судомъ разсматривается вопросъ о свойствѣ его несостоятельности. Это, конечно, обясняется небрежностью судовъ.

Представляется весьма важный вопрос: какъ должны содержаться арестованные; допускаетъ ли нашъ законъ одиночное заключеніе? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, по случаю встрѣчающихся въ уставѣ множества неясностей и противорѣчій. Съ одной стороны, въ немъ говорится, что присужденные къ заключенію въ тюрьмѣ, въ наказаніе за преступленія и проступки, содержатся *отдѣльно* отъ тѣхъ, кои состоятъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, точно также и присужденные къ аресту содержатся *отдѣльно* отъ прочихъ заключенныхъ (166, 167). Важные преступники должны быть содержимы *отдѣльно* отъ неважныхъ (168). Отсюда естественно предположить, что обвиняемые, пока они содержатся какъ послѣдственные, должны находиться въ общихъ помѣщеніяхъ. Тоже самое относится и вообще къ обвиняемымъ потому, что до произнесенія судебного приговора нельзя еще сказать, кто важный преступникъ и кто неважный, и даже это названіе преступника не можетъ относиться къ обвиняемымъ. Статья 245 указываетъ на то, что осужденные къ заключенію въ тюрьмѣ должны быть содержимы *отдѣльно* отъ тѣхъ, которые подвергаются сему заключенію по другимъ причинамъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, разумѣются категоріи заключенныхъ; причемъ, напримѣръ, не слѣдуетъ смѣшивать отбывающихъ тюремное заключеніе съ каторжными или подслѣдственными; подразумевается, что до осужденія никакихъ категорій быть не можетъ, а потому и содержатся всѣ обвиняемые вмѣстѣ. Что это такъ, подтверждается и ст. 171, которая говоритъ, что обвиненные судомъ, по объявленіи имъ приговора, немедленно устраняются отъ сообщества съ прочими арестантами и помѣщаются особо.

И такъ, значитъ, нашъ уставъ, съ одной стороны, какъ бы не допускаетъ системы одиночнаго заключенія. Между тѣмъ, въ немъ есть правило, что во всѣхъ тюремныхъ замкахъ и помѣщеніяхъ при полиціи должны быть отдѣльныя камеры для одиночнаго содержанія слѣдственныхъ арестантовъ (172). Эта статья устава противорѣчитъ и тѣмъ его статьямъ (328, 329), гдѣ говорится, что обязательному занятію работами въ мѣстахъ заключенія не подлежатъ... 4) находящіеся подъ стражею во время слѣдствія и суда, впредь до обращенія состоявшихся о нихъ приговоровъ къ исполненію. Арестанты, неподлежащіе, согласно этой статьѣ, обязательнымъ работамъ, могутъ, въ случаѣ собственнаго желанія, принимать участіе въ заведенныхъ при мѣстахъ заключенія работахъ,

или же, съ дозволенія начальства, избирать и другія занятія, не нарушающія внутренняго порядка въ тюрьмѣ. И далѣе—на работы внѣ тюремной ограды не могутъ быть назначаемы: 1) осужденные къ заключенію въ тюрьмѣ, если они сами не изъявляютъ на то желаніе; 2) лица женскаго пола; 3) лишенные всѣхъ правъ состоянія, и 4) бродяги (336). Слѣдовательно, такъ какъ о послѣдственныхъ арестантахъ здѣсь не упоминается, то и они имѣютъ право на работы внѣ тюремной ограды, что не можетъ не предполагать общенія какъ съ прочими заключенными, такъ, пожалуй отчасти, и съ свободными людьми, а слѣдовательно объ одиночномъ заключеніи обвиняемыхъ не можетъ быть и рѣчи.

Приведенныя неясности и противорѣчія закона представляютъ, конечно, большой просторъ произволу тюремнаго начальства, которое, по своему усмотрѣнію, можетъ подвергать арестованныхъ общему или одиночному заключенію, что въ дѣйствительности и бываетъ. Мы знаемъ случаи, что смотритель подвергалъ одиночному заключенію присужденныхъ даже къ тюремному заключенію,—и постоянно практикуется эта мѣра къ присужденнымъ въ каторгу, къ ссылкѣ на поселеніе или на житье, пока такіе не попадутъ въ разрядъ пересылаемыхъ.

Очевидно, наше законодательство во взглядѣ на систему одиночнаго заключенія находится въ колебательномъ состояніи. Съ одной стороны, видятъ, что какъ будто и необходимо подвергать одиночному заключенію арестантовъ извѣстной категоріи, а съ другой—осуществленію этой мысли мѣшаетъ какъ матеріальная невозможность настроить достаточно тюремъ по одиночной системѣ, такъ и невозможность помирить послѣднюю съ неотъемлемымъ правомъ заключеннаго на физическій трудъ, который, въ нашихъ тюрьмахъ, пока не можетъ быть организованъ такъ, чтобы заключенный работалъ въ своей кельѣ. Но несомнѣнно, что колебаніе нашего законодательства, въ данномъ случаѣ, основано и на примѣрѣ съ запада, гдѣ теперь рядомъ практикуются обѣ эти системы,—одиночнаго и общаго заключенія.

На западѣ одиночная система примѣняется, какъ мѣра карательно-исправительная, для отбывающихъ наказаніе, чего нашъ уставъ не допускаетъ, и въ этомъ отношеніи его преимущество

передъ многими иностранными уставами ¹⁾. Правда, въ заграничныхъ тюрьмахъ одиночное заключеніе (срочная или пожизненная каторга) много облегчается черезъ то, что тамъ заключенный можетъ у себя въ камерѣ заниматься какимъ либо мастерствомъ, а благодаря возможности получать книги изъ тюремной библіотеки, аккуратно гулять въ извѣстный часъ, и видѣть ежедневно множество посѣщающихъ его должностныхъ лицъ, тѣмъ самымъ облегчаетъ скуку своего положенія ²⁾. Система одиночнаго заключенія за границей, какъ видно изъ статьи г. Дриля, теперь какъ бы отживаетъ свой вѣкъ, уступая свое мѣсто все болѣе и болѣе смѣшанной системѣ, т. е. системѣ, при которой каждый изъ арестантовъ, имѣя свою собственную келью, днемъ можетъ находится въ полномъ общеніи съ прочими заключенными, а на ночь удалиться въ келью или въ дортуаръ. Таковы въ Парижѣ: La Grande Roquette или *Depôt des condamnés*, La prison de la santé—въ ней 800 келій, и 817 мѣстъ общаго помѣщенія,—La prison de Sainte и *Depôt de la prefecture de police*. Большая часть арестантовъ *Depôt* содержится въ совмѣстномъ, а меньшая—въ одиночномъ заключеніи. Въ келіи помѣщаютъ малолѣтнихъ лицъ, проявляющихъ признаки душевнаго разстройства, и обвиняемыхъ въ важныхъ преступленіяхъ. Mazas—тюрьма одиночнаго заключенія; въ ней существуетъ 1230 келій, въ которыя, главнымъ образомъ, помѣщаютъ подслѣдственныхъ. Въ Парижѣ, въ Melon'ской тюрьмѣ существуетъ небольшое число одиночныхъ келій, въ которыя помѣщаютъ лицъ, почему либо нетерпимыхъ въ совмѣстномъ заключеніи или же добровольно заявившихъ желаніе отбывать наказаніе въ одиночномъ заключеніи. Такихъ, говорить г. Дриль, очень немного, не смотря на сокра-

¹⁾ Недавно и у насъ вышелъ законъ, который вводитъ одиночное заключенія для отбывающихъ наказаніе. Ниже мы приведемъ этотъ законъ и рассмотримъ его.

²⁾ Заключенные, говорить Du Camp о Mazas'ѣ, здѣсь не находятся въ полномъ уединеніи. Служащіе, подмастерья, директоръ тюрьмы, адвокаты, которые имѣютъ частные разговоры съ заключенными, священники, имѣющіе частыя съ ними общенія, и нѣтъ того дня, чтобы двери келій не открывались нѣсколько разъ въ день. Кромѣ того, необходимость заставляетъ избирать пзъ среды заключенныхъ, наиболѣе искусныхъ въ какихъ либо мастерствахъ, подмастерій, келіи которыхъ не запираются весь день, и которые находятся въ постоянномъ общеніи, какъ съ товарищами, такъ, отчасти, и съ свободными людьми.

щеніе срока для подвергаемыхъ одиночеству. Это большей частью духовные, осужденные за *attentant à la pudeur*. Ангер'ская тюрьма устроена также по одиночной системѣ.

Въ германскихъ государствахъ рядомъ существуютъ тюрьмы одиночной и смѣшанной системы. Такъ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ преобладаетъ одиночная система, но такъ, что при одиночныхъ тюрьмахъ есть и общія отдѣленія, въ которыя, по истеченіи трехъ лѣтъ, могутъ быть переводимы заключенные, согласно ихъ желанію. Въ королевствѣ Саксонскомъ тюрьмы тоже смѣшанной системы, но въ численномъ отношеніи преобладаетъ совмѣстное заключеніе, при строгомъ молчаніи.

Наиболѣе строго проводится система одиночнаго заключенія въ бельгійскихъ тюрьмахъ, хотя въ Бельгіи есть тюрьмы и общаго заключенія, какова напр., гандская тюрьма. Въ большой лувенской тюрьмѣ имѣется 596 келій, которыя расположены по обѣ стороны и въ три яруса, въ шести корридорахъ или лучахъ, расходящихся отъ центральнаго пункта. Для прогулокъ имѣется сто отдѣльныхъ двориковъ. Заключенные не должны не только знать, но и видѣть и слышать другъ друга. Всѣ они имѣютъ капюшоны изъ рѣдкой бумажной матеріи съ отверстіями для глазъ (въ германскихъ тюрьмахъ тоже употребляются „маски“). Эти капюшоны они должны опускать на лицо при выходѣ изъ кельи и даже при входѣ въ нее посѣтителей. При богослуженіи они сидятъ въ отдѣльныхъ шкафчикахъ, открытыхъ лишь въ сторону алтаря (подобное устройство существуетъ и у насъ въ московской военной тюрьмѣ). Во время школьныхъ занятій, производимыхъ въ тѣхъ же церковныхъ шкафчикахъ, обучающіеся не говорятъ ни слова, а лишь пишутъ, говорятъ одинъ только обучающій.

О вліяніи одиночной системы на здоровье заключенныхъ г. Дриль сообщаетъ слѣдующее. По словамъ директоровъ *Sainte Pelagie* и *Mazas'a*, она вреднѣе совмѣстной и легко можетъ дурно отражаться на людяхъ предрасположенныхъ. Директоръ *La Santé* прибавилъ, что система одиночнаго заключенія вовсе непригодна для людей мало образованныхъ и что рабочіе безъ крайняго нравственнаго ущерба не могутъ переносить ее. Также самое подтвердилъ и очень опытный *brigadier* той же тюрьмы, который находилъ эту систему пригодной лишь для самыхъ краткосрочныхъ наказаній и то потому только, что при ней заключенный въ послѣдствіи не можетъ быть узнаваемъ своими сотоварищами по тюрьмѣ. Лица, долго слу-

жившія при одиночныхъ тюрьмахъ, утверждали, что къ концу заключенные становятся обыкновенно гораздо раздражительнѣе и озлобленнѣе, нежели при началѣ наказанія. Въ большой лувенской тюрьмѣ въ Бельгіи, поразившей русскаго наблюдателя своимъ благообразіемъ, и гдѣ санитарное состояніе сравнительно благопріятно, заболѣваемость громадна (болѣе 48%) и значительная доля многочисленныхъ органическихъ разстройствъ должна быть отнесена на счетъ разрушительно дѣйствующей одиночной системы заключенія, которая ставитъ человѣка въ несвойственныя ему условія полнѣйшей оторванности отъ общества. Съ этимъ вполне были согласны и врачи гандской тюрьмы, имѣвшіе возможность совмѣстно наблюдать вліяніе на здоровье обѣихъ системъ заключенія. Они рѣшительно утверждали, что золотуха, туберкулезъ и душевныя болѣзни, при одиночной системѣ заключенія, развиваются быстрѣе и въ значительно большей степени, нежели при системѣ совмѣстнаго заключенія. Директоръ тюрьмы въ Цвикау (въ Саксоніи) служащій въ оной около 30 лѣтъ, утверждалъ, что у заключенныхъ въ кельяхъ развиваются болѣзненныя предрасположенія, появляется общее разслабленіе и преждевременная дряхлость. Люди съ ограниченнымъ умомъ въ ней становятся слабоумными, а люди съ пылкимъ темпераментомъ легко наживаютъ острыя формы душевныхъ разстройствъ, съ нерѣдкой склонностью къ самоубійству. Опытный и тоже весьма давно служащій директоръ другой обширной саксонской тюрьмы въ Вальдхеймѣ г. Schilling также считаетъ одиночную систему весьма опасной. По его мнѣнію, она противна природѣ человѣка и вредна для заключенныхъ. Люди, бѣдные духомъ, въ кельѣ окончательно душевно разрушаются. Она нужна лишь для небольшого числа лицъ, почему либо опасныхъ въ обществѣ сожителствѣ. Исправленіе человѣка, говоритъ онъ, должно состоять не въ отлученіи отъ общества, а въ приспособленіи его къ правомѣрной жизни въ немъ, что въ кельѣ, конечно, не достигается.

Въ гандской тюрьмѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже былъ составленъ медицинскій отчетъ по общему и одиночному заключенію, причемъ оказалось, что во второмъ относительное число больныхъ вдвое болѣе. Сходныя наблюденія подѣ вліяніемъ одиночной системы сообщилъ и *gardien chef* гандской тюрьмы, прослужившій 24 года по тюремной администраціи. По его словамъ, люди въ кельѣ разрушаются значительно быстрѣе, нежели въ обществѣ заключенія. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указалъ на нѣсколькихъ аре-

стантовъ изъ тяжкихъ преступниковъ, пробывшихъ въ общемъ заключеніи болѣе 20 лѣтъ и все еще сравнительно крѣпкихъ, тогда какъ въ одиночномъ заключеніи подобныхъ примѣровъ не встрѣчается. Онанизмъ у келейныхъ арестантовъ развитъ въ значительно большей степени.

По словамъ директора Паул'я, по крайней мѣрѣ половина совершившихъ преступленія въ тюрьмѣ люди особыя: сумасшедшіе— не сумасшедшіе, но весьма странные. Нерѣдко случается, что такіе люди сами обращаются съ просьбою посадить ихъ въ карцеръ. Посѣтивъ много заключенныхъ въ гандской тюрьмѣ, г. Дриль замѣтилъ, что всѣ они производятъ впечатлѣніе крайне нравственной подавленности. У многихъ замѣчается отупѣлость, особая приниженность и лстивость. Впоследствии подтвержденіе этого наблюденія г. Дрилю пришлось слышать въ бельгійскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ для бродягъ и нищихъ. Многіе изъ пансіонеровъ колоній бывали прежде въ одиночныхъ тюрьмахъ и на всѣхъ такихъ, по словамъ доктора колоніи, лежитъ особый отпечатокъ: всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, становятся тѣмъ, что называется *loqués* или тронутыми. Они сами сознаютъ это вліяніе одиночнаго заключенія и о бывшихъ въ кельѣ обыкновенно говорятъ: „il a reçu un coup de cellule“, т. е. онъ получилъ ударъ кельи.

Наконецъ г. Дриль приводитъ выдержки изъ записокъ одного одиночно заключеннаго.

„Что можетъ быть ужаснѣе, пишетъ онъ, какъ съ утра до вечера, и съ вечера до утра, быть одному съ своими мыслями, съ своимъ горемъ, а иногда и съ укорами своей совѣсти. Если сонъ приходитъ сократить эту муку, то ночь еще проходитъ какъ нибудь, но за то день кажется долгимъ и безконечнымъ. Когда приходитъ утро и слышится звонъ будящаго колокольчика, тогда невольно является мысль, что въ этомъ одиночествѣ нужно оставаться до самаго вечера. Эта мысль всегда приводитъ меня въ ужасъ. Какъ этотъ часъ (прогулки) на этомъ маленькомъ дворикѣ, гдѣ слышится лѣніе птицъ и кое какіе звуки, проходитъ скоро и съ какою болью и сожалѣніемъ входишь послѣ того въ ту могилу, которая тогда кажется еще печальнѣе. Келья вечеромъ представляется какимъ то могильнымъ склепомъ и невольно вызываетъ мысль о смерти. Я не знаю, чему приписать эти мысли о смерти, которыя являются ежеминутно и усиливаютъ боль и тоску; онѣ скоро перешли бы въ мысль о самоубійствѣ, если бы религія и ра-

зумъ не приходили на помощь. Постоянная мысль о женѣ, о дѣтяхъ, постоянныя заботы о ихъ существованіи и воспоминанія о моихъ счастливыхъ дняхъ, безпрестанно врываются въ мой умъ и грозятъ сдѣлать меня помѣшаннымъ“.

Если такъ гнетуще дѣйствуетъ на заключеннаго одиночество въ образцовой бельгійской тюрьмѣ, гдѣ и гуманное обращеніе тюремной администраціи, гдѣ и очень хорошая пища, гдѣ допускается въ кельѣ физическій трудъ, который можно чередовать съ умственными, гдѣ, наконецъ, можно провести часъ въ садикѣ, полномъ зелени и цвѣтовъ, то что сказать о состояніи духа одиночно заключеннаго въ русской тюрьмѣ, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго! Кто посѣщалъ наши тюрьмы, тотъ можетъ представить себѣ такую обстановку: грязная конура, почти безъ свѣта, съ небольшимъ окномъ, на высотѣ 1½ или двухъ аршинъ отъ пола, и въ которомъ больше дерева и желѣза, чѣмъ стекла; стѣны, выкрашенныя до половины въ черную краску, всѣ въ кровавыхъ пятнахъ отъ раздавленныхъ клоповъ, міриады всякихъ насѣкомыхъ, ночью не дающихъ вамъ уснуть, отсутствіе мебели, исключая скамьи, на которой, вмѣсто постели, лежитъ до нельзя грязный, старый мѣшокъ, съ остатками соломенной трухи; пронизывающій зимою холодъ, грязное и вшивое арестантское бѣлье и халатъ, попавшіе на васъ неизвѣстно съ чьего плеча, полнѣйшее отсутствіе физической работы, отсутствіе книгъ, письменныхъ принадлежностей, даже клочка бумаги; эту тишину, нарушаемую днемъ развѣ слышной руганью надзирателя въ корридорѣ, да звяканіемъ цѣпей изъ сосѣдней камеры, а ночью надоедливой игрой мышей, осмѣливающихся забираться даже въ вашу постель; это ежеминутное сознаніе безправности своего положенія, сознаніе, что вы не человѣкъ, а какая-то вещь, которую бросили въ чуланъ, заперли и сказали: пусть лежитъ до востребованія,—представьте себѣ все это читатель и вы поймете весь ужасъ російской одиночки. Сначала своего поступленія заключенный отъ сильнаго нервнаго возбужденія начинаетъ ходить взадъ и впередъ по своей кѣлтѣ, точъ въ точъ какъ это приходится наблюдать въ звѣринцахъ передъ кормленіемъ звѣрей; онъ ходитъ до изнеможенія, пока не наступитъ полнѣйшій упадокъ силъ и тогда съ головою болью опускается на свое ложе и засыпаетъ. Но сонъ тревоженъ и прерывистъ: забывшись на нѣсколько минутъ, заключенный, при первомъ проблескѣ сознанія, видитъ весь ужасъ своего положенія, онъ вскакиваетъ и снова

первно начинаетъ ходить, ему страшно хочется покурить, но нечего, табакъ считается здѣсь запретнымъ плодомъ; обезсиленный, онъ снова ложится и такъ проходитъ ночь, которая кажется вѣчностью. Но возбужденное состояніе можетъ продолжаться только нѣсколько дней, потомъ поступаетъ какая то отупѣлость, равнодушіе къ самому себѣ и ко всему окружающему. Думаемъ, что для человѣка интеллигентнаго одиночное заключеніе должно быть ужасно, ибо чѣмъ болѣе кто сознаетъ свое человѣческое достоинство, тѣмъ болѣе долженъ страдать, когда находится въ положеніи вещи. Несомнѣнно, что этотъ родъ заключенія наиболѣе губительно долженъ отзываться на сильно чувствующихъ натурахъ, быстро разрушая ихъ силы, здоровье или доводя до сумасшествія, какъ и свидѣтельствуешь о томъ статистика. Крестьяне же и рабочіе въ одиночкѣ, говорили намъ, окончательно отупѣвъ и обезсмысливъ, погружаются въ безконечную спячку, просыпаясь лишь для того, чтобы поѣсть или выпить чаю, если таковой имѣется. Какимъ долженъ выйти человѣкъ изъ этой „живой могилы“, по выраженію арестантовъ, погребенный на многіе мѣсяцы и годы, можно себѣ представить. И что сказать о гуманности тѣхъ теоретиковъ и практиковъ, которые требуютъ примѣненія одиночнаго заключенія къ осужденнымъ на многолѣтнюю каторгу.

Было бы, поэтому, весьма желательно, чтобы данный видъ заключенія вовсе исчезъ изъ устава о содержащихся подъ стражею, при „общемъ преобразованіи тюремной части въ Имперію“, какъ это обѣщается въ 22 статьѣ устава, а слѣдовательно и при новомъ пересмотрѣ послѣдняго; иначе говоря, необходимо извѣстныя статьи устава такъ формулировать, чтобы не было сомнѣнія о недопустимости у насъ одиночнаго заключенія и для подслѣдственныхъ. Будучи убійственнымъ для души и тѣла арестанта, одиночное заключеніе, примѣняемое у насъ, какъ мѣра предварительнаго заключенія, не вызывается необходимостью и не оправдывается никакой разумной цѣлью. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть какая надобность и какой смыслъ въ тюрьмѣ для заключеннаго устраивать еще другую тюрьму, запирая его въ тѣсное помѣщеніе, днемъ и ночью, на замокъ. Если предполагается, что только при подобномъ закуриваніи человѣка, онъ не убѣжитъ, то для чего тогда и толстыя стѣны тюрьмы, для чего внутренняя и внѣшняя стража и многочисленный тюремный надзоръ, стоящіе не мало денегъ?

У насъ, въ прежнее время, одиночное заключеніе не было

известно и введено сравнительно недавно, подъ влияніемъ западныхъ теорій. Если еще въ уставѣ о содержащихся подъ стражею издан. 1857 года (ст. 7) предписывается нанимать зданія для одиночнаго помѣщенія арестантовъ, впредь до новаго устройства тютемъ въ семь родѣ, то значить ранѣе подобнаго рода тюремъ не было. Статья эта вошла и въ новый уставъ (8). За границей система одиночнаго заключенія введена потому, что тамъ юристы и законодатели держались или держатся той ложной теоріи, будто изолированіе человѣка отъ себя подобныхъ можетъ исправить его ¹⁾).

¹⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на западѣ въ примѣненіи системы одиночнаго заключенія повинны не столько юристы или законодатели, сколько администрація. Ни наука юридическая, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, ни законодатели, не одобрили ея. Достаточно убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ Франціи. Идея одиночнаго заключенія, говоритъ Du Camp, противна нашимъ правамъ, она проникла къ намъ изъ странъ протестантскихъ—Америки и Англіи. Около 30-хъ годовъ пришли къ тому выводу, что необходимо раздѣлять заключенныхъ на категоріи, по качеству совершенныхъ ими преступленій. Въ 1831 году общій совѣтъ д-та Сены рѣшилъ, чтобы новая строившаяся тюрьма Grande Force, состоящая изъ 8 отдѣленій, была расположена такимъ образомъ, чтобы каждая категорія заключенныхъ была раздѣлена. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ то же время предложилъ, чтобы подсѣдственные содержались въ полномъ уединеніи. Въ маѣ мѣсяцѣ 1840 г. въ палату депутатовъ былъ внесенъ проектъ закона реформы тюремъ, съ примѣненіемъ системы одиночнаго заключенія; но оный не удостоился одобренія, такъ какъ дѣлались возраженія, что одиночное заключеніе есть болѣе деморализующее средство, чѣмъ существующая система общаго заключенія. Тогда префектъ полиціи M. Gabriel Delessert приступилъ къ практическому осуществленію системы одиночнаго заключенія и обратилъ свое вниманіе на рокетскую тюрьму, куда отдавались молодые люди для исправленія по желанію родителей. Префектъ полиціи предписалъ для рокетской тюрьмы трудъ, уединеніе, и приставилъ къ дѣтямъ наставниковъ для элементарнаго обученія. Результаты получились, по доставленной имъ статистикѣ, благоприятные; рецидивистовъ стало меньше. Послѣ этого администрація снова вноситъ проектъ въ палату, которая и приняла его 18 мая 1844 г., а кассационная палата и король утвердили. Но не смотря на это проектъ закона объ одиночныхъ тюрьмахъ не получилъ законодательной формулы, безъ чего онъ не могъ быть внесенъ въ кодексы. Переходя изъ портфеля въ портфель, и снова переработанный, проектъ этотъ 24 апрѣля 1847 г. былъ одобренъ палатою перовъ, но наступившая февральская революція помѣшала дальнѣйшему его движенію. Наконецъ, уже при Наполеонѣ III. вопросъ о системѣ одиночнаго заключенія получилъ практическое осуществленіе просто въ силу министерскаго распоряженія и приказовъ изъ префектуры. Но администрація не могла послѣдовательно провести эту систему, за отсутствіемъ въ ея распоряженіи денежныхъ средствъ. Все зависѣло оттого, помѣщалась ли тюрьма въ старомъ

Поэтому, тамъ одиночное заключеніе практикуется, главнымъ образомъ, какъ мѣра наказанія, какъ средство исправительно-карательное. У насъ же оно допускается по преимуществу какъ средство пресѣченія обвиняемому способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда. Но справедливо ли въ этомъ смыслѣ примѣненіе одиночнаго заключенія? Извѣстно, что до осужденія еще никто не можетъ считаться виновнымъ, а невинный не долженъ страдать или подвергаться наказанію. Таковъ принципъ, положенный въ основаніе современной теоріи уголовного права и современныхъ кодексовъ. Этотъ же принципъ, хотя не высказанъ прямо въ нашихъ судебныхъ уставахъ, но несомнѣнно и въ нихъ подразумѣвается.

Тюремное заключеніе, по своему назначенію, есть мѣра карательная, есть наказаніе. Если же оно допускается какъ способъ неуклоненія обвиняемому отъ слѣдствія и суда, то, очевидно, оно должно ограничиваться только этою цѣлью и устранить все, что ведетъ къ ненужному стѣсненію личности, что предполагаетъ карательный элементъ. Нашъ уставъ уголовного судопроизводства знаетъ нѣсколько мѣръ неуклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда, именно: отобраніе вида на жительство, или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства, отдача подъ особый надзоръ полиціи, отдача на поруки, взятіе залога, домашній арестъ и, наконецъ, взятіе подъ стражу, допускаемое въ отношеніи лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, при условіи, однакожъ, несомнѣнности признаковъ виновности. Слѣдовательно, если при той же предполагаемой степени виновности лицо можетъ находиться на свободѣ, со взятіемъ съ него залога или поручительства, или же подъ домашнимъ арестомъ, то ясно, что и въ стѣнахъ тюрьмы оно должно пользоваться настолько свободой, насколько это позволяетъ тѣсное пространство тюремнаго зданія, оно не должно находиться въ одинаковомъ положеніи съ

аббатствѣ, древней замкѣ или вновь была построена. Тамъ, гдѣ можно было примѣнять систему, по расположенію тюремнаго зданія, тамъ ее и примѣняли. Однако скоро убѣдились, что она приводитъ къ сумасшествію и другимъ вреднымъ послѣдствіямъ, а потому министерскимъ циркуляромъ отъ 7 августа 1853 г. приказано не практиковать ее болѣе. Слѣдовательно, во Франціи система одиночнаго заключенія, не получила законодательной санкціи и если въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ примѣняется, то это благодаря лишь разъ введенной рутинѣ.

отбывающими наказаніе за доказанныя преступленія, не должно подчиняться режиму общаго тюремнаго устава. Между тѣмъ, подвергая обвиняемыхъ лицъ одиночному заключенію, соединенному съ лишеніемъ общенія не только съ прочими заключенными, но и съ запрещеніемъ свиданія съ родными и знакомыми, съ лишеніемъ права переписки, права носить собственную одежду, имѣть собственную постель-¹⁾ и пищу, законъ тѣмъ самымъ налагаетъ на подозреваемаго въ преступленіи наказаніе неизмѣримо высшее, чѣмъ то, которое несутъ доказанные преступники. Если бы еще у насъ предварительныя слѣдствія и судъ продолжались нѣсколько дней, тогда было бы менѣе несправедливо примѣненіе данной карательной мѣры къ обвиняемымъ, но у насъ и прежде дѣла не оканчивались ранѣе семи, десяти мѣсяцевъ, а теперь они нерѣдко тянутся по годамъ.

Подвергать обвиняемыхъ одиночному заключенію, кромѣ того, что несправедливо, не вызывается еще необходимостью, потому что разъ лицо лишено свободы, посажено въ тюрьму, то предполагается, что для него уже прекращена возможность уклониться отъ слѣдствія и суда. Что же касается до сокрытія слѣдовъ преступленія, возможной стачки со свидѣтелями, то въ уставѣ уголовнаго судопроизводства не сказано, что съ этою еще цѣлью примѣняется взятіе подъ стражу. Но этой цѣли въ немъ не можетъ и подразумеваться. Ибо если допустить, что обвиняемый, будучи въ тюрьмѣ, уже лишенный свободы, имѣетъ возможность входить въ стачку съ свидѣтелями, или скрыть слѣды преступленія, то общественная власть, въ лицѣ слѣдователя, располагающаго широкой свободой дѣйствія, тѣмъ болѣе имѣетъ возможность собранія для суда доказательствъ отъ противнаго, возможность возстановленія истины, изобличенія самого обвиняемаго и свидѣтелей. Прежде, при господствѣ въ судопроизводствѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, можно было еще опасаться со стороны обвиняемаго сокрытія слѣдовъ преступленія, но въ настоящее время, при существованіи суда совѣсти, внутренняго убѣжденія, всѣ подобныя опасенія излишни. Не случается ли присяжнымъ оправдывать человѣка, при полной наличности формальной виновности, и обвинять—при отсутствіи формальныхъ уликъ, часто на основаніи одного лишь разсказа потерпѣв-

¹⁾ Имѣть собственную постель и носить собственную одежду разрѣшено закономъ 7 іюля нынѣшняго года, о чемъ будетъ говорено ниже.

шаго или поведенія обвиняемаго на судѣ, такъ что труды слѣдователей и прокуроровъ бываютъ потрачены почти даромъ. Государство, обладая могучими средствами защиты интересовъ правосудія, не можетъ и не должно прибѣгать къ ненужнымъ стѣсненіямъ личности. Вотъ почему уставъ уголовного судопроизводства, допуская взятіе обвиняемаго подъ стражу, имѣетъ въ виду только охраненіе личности, прегражденіе ей возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, что согласно и съ 1 статьей устава о содержащихся подъ стражею. Поэтому всѣ статьи этого устава о содержаніи подслѣдственныхъ арестантовъ на особо стѣснительномъ положеніи, должны быть выброшены, какъ должна быть выброшена изъ него и статья о томъ, что если бы присутственное мѣсто, препровождая кого-либо въ тюремный замокъ, требовало, чтобы во время содержанія его въ ономъ не допускать къ нему безусловно никого, то исполнять сіе во всей точности (139 инструкціи). Подъ присутственнымъ мѣстомъ въ настоящее время слѣдуетъ разумѣть судебного слѣдователя. Но если такое право не предоставлено слѣдователю уставомъ уголовного судопроизводства, то ему не должно быть мѣста и въ тюремномъ уставѣ.

Точно также несправедливо примѣненіе одиночнаго заключенія и какъ мѣры карательной. Нашъ уставъ о содерж. подъ страж. ее не знаетъ, но 4 августа нынѣшняго года, въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства (ст. 681) появился законъ, подъ заглавіемъ „объ установленіи порядка сокращенія срока *тюремнаго заключенія* для лицъ, отбывающихъ оное въ одиночныхъ тюрьмахъ ¹⁾“. Вышеприведенными примѣрами пагубнаго вліянія на заключенныхъ одиночной системы и свидѣтельствами компетентныхъ лицъ достаточно было разъясненъ весь вредъ и вся жестокость этой системы; мы видѣли

¹⁾ *Вотъ текстъ этого закона:* „Лица, приговоренныя къ тюремному заключенію, могутъ быть поощаемы для отбытія сего наказанія въ тюрьмы, устроенныя по системѣ одиночнаго содержанія арестантовъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ. Время, проведенное означенными лицами въ сихъ тюрьмахъ не свыше года, зачитывается имъ въ срокъ наказанія, полагая три дня содержанія въ одоночной тюрьмѣ за 4 дня опредѣленнаго приговоромъ суда тюремнаго заключенія. Когда же одиночное заключеніе продолжительнѣе года, то каждыя два дня содержанія въ одиночныхъ тюрьмахъ, сверхъ сего срока, засчитываются за три дня опредѣленнаго судомъ заключенія“. Видно также, что проектъ этого закона внесенъ въ государственный совѣтъ министромъ юстиціи и что въ государственномъ совѣтѣ по поводу проекта высказывались разныя мнѣнія.

также, что она на Западѣ держится только временно, уступая все болѣе и болѣе свое мѣсто системѣ смѣшаннаго или общаго заключенія, и конецъ ея исчезновенія есть, безъ сомнѣнія, вопросъ ближайшаго будущаго. Слѣдовательно, у насъ система одиночнаго заключенія вводится, такъ сказать, заднимъ числомъ. Но не въ этомъ одномъ дѣло, а и въ томъ еще, что означеннымъ закономъ право примѣнять одиночное заключеніе дѣлается административнымъ правомъ, такъ какъ говорится, что лица, приговоренныя судомъ къ тюремному заключенію *могутъ быть* помѣщаемы для отбытія сего наказанія въ тюрьмы, устроенныя (?) по одиночной системѣ. Если одиночное тюремное заключеніе становится отнынѣ особымъ видомъ наказанія, то это наказаніе должно бы занять мѣсто въ уложеніи о наказ., въ лѣстницѣ наказаній, потому что только судъ компетентенъ опредѣлить къ какимъ лицамъ *можетъ быть* примѣнено то или другое наказаніе. Такъ какъ всякое наказаніе соотвѣтствуетъ извѣстному проступленію и дѣло суда рѣшать, заслуживаетъ или не заслуживаетъ такой-то виновный болѣе строгаго или менѣе строгаго наказанія,—то никто не станетъ отрицать, что одиночное заключеніе, хотя бы съ сокращенными сроками, какъ мѣра болѣе строгая, чѣмъ общее заключеніе должно быть назначаемо только судомъ. Предоставленіе права такого сужденія тюремной администраціи, не можетъ не повести къ произволу. При томъ слѣдовало бы, устанавливая законъ объ одиночномъ заключеніи, опредѣлить, въ чемъ оно заключается, иначе одинъ смотритель запретитъ заключенному то, что дозволить другой. Интересно бы, наконецъ, знать, гдѣ у насъ эти тюрьмы, устроенныя по системѣ одиночнаго заключенія? Мы знаемъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ Петербургѣ, да нѣкоторыхъ крѣпостей, нѣтъ болѣе такихъ тюремъ, а есть только „секретныя камеры“ при тюрьмахъ или острогахъ, а этихъ камеръ будетъ недостаточно для принятія даже сотой части всѣхъ отбывающихъ тюремное заключеніе. Очевидно, новый законъ ни на что не рассчитанъ, противорѣчитъ закону объ обязательныхъ работахъ заключенныхъ, и изданъ развѣ для того, чтобы санкціонировать будущіе проекты или отдѣльные случаи, которые практиковала до сихъ поръ администрація.

Желательна тоже отмѣна и другой мѣры, допускаемой въ настоящее время въ тюрьмахъ, съ цѣлью предотвращенія побѣговъ арестантовъ, именно — заковываніе въ кандалы. Въ предупрежденіе

побѣговъ, говорится въ уставѣ, содержащіеся подѣ стражею, по обвиненію въ тяжкихъ преступленіяхъ, исключая лицъ, въ слѣдующей статьѣ означенныхъ, могутъ быть, по состоянію дѣлъ, заковываемы въ кандалы. Въ особенности же должны быть заковываемы въ кандалы всѣ осужденные къ ссылке въ каторжныя работы, когда судебныя о нихъ приговоры вошли окончательно въ законную силу. Не могутъ быть заключаемы въ оковы: малолѣтніе обоюбого пола и всѣ лица, по закону изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній. Сіи послѣдніе, смотря по важности преступленія, содержатся подѣ строгимъ карауломъ, со всѣми мѣрами предосторожности, кромѣ тѣлесныхъ наказаній, къ коимъ причисляется заключеніе въ оковахъ. Кандалы суть ручныя и ножныя. Тѣ и другіе могутъ быть налагаемы только на лицъ мужскаго пола. Вѣсъ кандаловъ долженъ быть отъ 5 до 5½ фунтовъ. Подѣ обручи ножныхъ кандаловъ надѣваются подкандальники, по образцу, утвержденному министромъ, внутреннихъ дѣлъ. Если у арестантовъ найдены будутъ орудія, могущія служить къ совершенію побѣга, или усмотрѣны будутъ инныя доказательства намѣренія ихъ бѣжать, то въ тоже время производится строгое слѣдствіе между ними и всѣ виновные въ умыслѣ сему заковываются въ кандалы и содержатся подѣ строгимъ присмотромъ (217—222).

И такъ, заковываніе въ кандалы ¹⁾ какъ видъ тѣлеснаго наказанія, примѣняются: во 1-хъ, ко всѣмъ обвиняемымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и неизъятымъ по закону отъ тѣлесныхъ наказаній; во 2-хъ, ко всѣмъ осужденнымъ въ каторжныя работы, съ момента вступленія приговора о нихъ въ законную силу.

Не говоря уже о томъ, что заковываніе въ кандалы есть мѣра въ высшей степени позорная, унижающая человѣческое достоинство и давно уже отмѣненная въ цивилизованныхъ странахъ, ее несправедливо примѣнять къ лицамъ, обвиняемымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ потому только, что у нихъ найдены орудія, могущія служить къ совершенію побѣга или усмотрѣны инныя доказательства намѣренія ихъ бѣжать. Желаніе освободиться—это естественное желаніе всякаго заключеннаго, и предупреждать побѣги

¹⁾ Нелишне отмѣтить здѣсь прогрессъ новаго устава, въ которомъ уже не упоминается о бритьѣ половины головы у той же категоріи арестантовъ; только странно, что уставъ сохранилъ эту мѣру для отбывшихъ исправителей. арест. отдѣленія при слѣдованіи въ Сибирь, и для остающихся, въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, вмѣстѣ съ заковываніемъ въ кандалы.

какими либо варварскими средствами, по меньшей мѣрѣ, странно, коль скоро лицо находится въ учрежденіи, которое на то и существуетъ, чтобы предупреждать побѣги. Если персоналъ лицъ, представленныхъ для надзора за арестантами, не досмотрѣлъ арестанта, далъ ему возможность приготовиться къ побѣгу или бѣжать, то его и слѣдуетъ карать за оплошность, а никакъ не арестанта, пользующагося этой оплошностью. Особенно странно наказывать заковываніемъ въ кандалы за одно только намѣреніе бѣжать. Но если заковываніе употребляется какъ мѣра предупрежденія побѣговъ, то почему эта мѣра прилагается только къ обвиняемымъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, да и при чемъ тутъ вообще привилегія изъятія отъ тѣлеснаго наказанія? Наконецъ, по какому основанію заковываніе въ кандалы можетъ примѣняться ко всѣмъ осужденнымъ въ каторжныя работы?

Тѣлесное наказаніе, по уложенію о наказаніяхъ, давно уже не значится въ числѣ наказаній ни уголовныхъ, ни исправительныхъ, и только наказаніе розгами допускалось взамѣнъ рабочаго дома и тюрьмы, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть въ нихъ виновнаго заключенію, по причинѣ отсутствія достаточнаго помѣщенія (78). Статья эта, имѣвшая еще мѣсто въ уложеніи изд. 1866 года, отмѣнена въ 1884 г. и въ изданіи уложенія 1885 г. уже не значится. Слѣдовательно, если наложеніе оковъ относится уставомъ о содерж. подъ стражею къ числу тѣлесныхъ наказаній, то совершенной отмѣной таковыхъ по уложенію, эта мѣра должна исчезнуть и изъ устава, иначе было бы нелогично допускать въ одномъ кодексѣ то, что отмѣнено въ другомъ. Съ отмѣной статей о кандалахъ въ уставѣ о содерж. подъ стражею и въ уставѣ о ссыльныхъ, слѣдуетъ сдѣлать соответствующую отмѣну и въ воинскомъ уставѣ о препровождаемыхъ арестантахъ, на основаніе коего допускается заковка въ пути даже по двое въ наручни, что ужъ слишкомъ отдаетъ средними вѣками. Между тѣмъ этой мѣрѣ подвергаются всѣ пересылаемые, въ томъ числѣ и административно ссылаемые по приговору обществъ.

Наконецъ, слѣдуетъ запретить устройство въ тюрьмахъ неуказанныхъ въ законѣ помѣщеній, въ родѣ желѣзныхъ клѣтокъ (безъ печи), каковыя существуютъ напр. въ тульскомъ острогѣ, устроенная неизвѣстно съ чьего разрѣшенія.

IV.

Во вторыхъ, содержаніе подъ стражей употребляется какъ мѣра исправленія и наказанія. Что составители устава о содерж. подъ стражей дѣйствительно задавались цѣлью исправленія арестантовъ— на это въ немъ есть не мало указаній. „При попеченіи объ арестантахъ, комитеты и отдѣленія, заботясь, совокупно съ подлежащимъ начальствомъ, объ участи заключенныхъ, содѣйствуютъ къ тому, чтобы заключеніе вело арестантовъ къ нравственному исправленію, а не служило къ ихъ ожесточенію“. Исправленіе нравственности заключенныхъ—это основное правило общества попечительнаго о тюрьмахъ (82--89). „Къ обязанности смотрителя и всѣхъ лицъ, въ пособіе ему данныхъ, относится, поколику возможно, и попеченіе о исправленіи незаконнѣлыхъ преступниковъ, въ особенности несовершеннолѣтнихъ, впадшихъ въ преступленія по неопытности и незрѣлости разсудка; къ сему требуется непремѣнно и содѣйствіе священника поученіями и наставленіями“ (210 инстр.).

Не ограничиваясь заботливостію о нравственности заключенныхъ, предписывается еще гуманное отношеніе къ нимъ со стороны тюремной администраціи. Смотритель обходится съ находящимся подъ надзоромъ его арестантами кротко и человѣколюбиво, онъ старается пріобрѣсти ихъ къ себѣ довѣренность спрашиваніемъ о нуждахъ каждаго, доставленіемъ иногда нѣкоторыхъ пособій (?), ласковыми при трудахъ разговорами, но въ исполненіи своихъ обязанностей поступаетъ со всею точностію и твердостію (205 инстр.).

Казалось бы, что если законъ ставитъ цѣлью тюремнаго заключенія, между прочимъ, исправленіе нравственности заключенныхъ, если онъ предписываетъ человѣколюбивое обращеніе съ ними и заботится, какъ увидимъ, о физическомъ ихъ состояніи. то слѣдовало бы для достиженія этихъ цѣлей установить и цѣлесообразныя средства. Извѣстно, что всякое учрежденіе можетъ функціонировать хорошо только тогда, если оно, во первыхъ, хорошо обставлено матеріально; во вторыхъ, если лица, въ немъ служащія, обладаютъ необходимыми качествами; въ третьихъ, если существуетъ разумный контроль надъ этими лицами и строго установлена ихъ отвѣтственность, и въ четвертыхъ, если уставъ или инструкція, данныя въ руководство служебному персоналу, написаны въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, недопускающихъ произвольныхъ или превратныхъ толкованій. Но совмѣщаетъ ли нашъ тюремный уставъ всѣ

или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ условій? Дальнѣйшее разсмотрѣніе покажетъ, что неприглядная тюремная дѣйствительность зависитъ именно оттого, что всѣ указанныя условія въ уставѣ отсутствуютъ. Но чтобы яснѣе представить себѣ недостатки нашего тюремнаго устройства, посмотримъ на порядки, существующіе въ заграничныхъ тюрьмахъ.

V.

Въ послѣднихъ особенное вниманіе обращается на санитарную часть. Большая лувенская, напр., тюрьма въ Бельгіи, обоедаяся государству 1.800,000 франковъ, содержится, по словамъ г. Дриля, въ необыкновенной чистотѣ и хорошо вентилируется. Посреди каждаго двора разбита клумбочка съ деревомъ и цвѣтами. Боковыя каменные стѣны двора въ лѣтѣ закрыты вьющимися растеніями, а задняя и передняя—рѣшетчатая и черезъ первую виднѣется зеленѣющій огородъ, что придаетъ дворику болѣе веселый и привѣтливый видъ. Вообще устройство новыхъ тюремъ въ Бельгіи, говоритъ г. Дриль, настолько хорошо, что при настоящемъ уровнѣ экономическаго развитія невозможно и желать ничего лучшаго. Въ Германіи, какъ тюремныя зданія, такъ и сами заключенные, въ большинствѣ тюремъ содержатся весьма чисто и приученіе заключенныхъ къ чистотѣ составляетъ одну изъ цѣлей тюремнаго воспитанія. Тюрьмы Дрездена и Лейпцига „хороши, но обошлись, впрочемъ, весьма дорого при постройкѣ“. Особенно хороша по своей постройкѣ тюрьма въ Фрейбургѣ. Швейцарскія тюрьмы отличаются своими особенными достоинствами. Первое, что поражаетъ въ нихъ, особенно послѣ германскихъ тюремъ—это отсутствіе военнаго караула¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ грозныхъ атрибутовъ тюремъ. Обходятся одними своими служащими, которые, въ невшательской тюрьмѣ напр., и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ заключенныхъ и работаютъ совместно съ ними въ тюремныхъ мастерскихъ. Неменѣе поражаетъ и отсутствіе слишкомъ крѣпкихъ запоровъ, существующихъ въ другихъ тюрьмахъ. Рѣшеткою обнесенный передній дворъ цюрихскаго и лозанскаго пенитенціаріевъ, съ одной стороною привратника, какъ-то странно поражаетъ

¹⁾ Мы видѣли, что теперь и у насъ снимаются военные караулы, съ оставленіемъ однако таковыхъ при нѣкоторыхъ, наиболѣе значительныхъ тюрьмахъ.

глазъ, привыкшій къ тюремнымъ башнямъ, да тяжелымъ и глухимъ тюремнымъ воротамъ.

О внутреннемъ устройствѣ и порядкахъ въ заграничныхъ тюрьмахъ г. Дриль сообщаетъ слѣдующее. Во французскихъ тюрьмахъ, въ каждой кельѣ помѣщаются: откидная кровать, столъ, табуретъ и полочка для вещей. Карцеры суть маленькія комнаты, которыя, посредствомъ закрытія ставенъ, дѣлаются совершенно темными, но въ нихъ есть деревянныя нары съ такимъ же изголовьемъ. При тюрьмахъ для заключенныхъ существуютъ обязательныя работы (подслѣдственные арестанты въ Mazas'ѣ работаютъ только по собственному желанію), которыя производятся въ теченіи 10 часовъ въ день. Работы въ парижскихъ тюрьмахъ очень разнообразны (портняжное и сапожное ремесла, приготовленіе мебели, цвѣтной бумаги, клееніе коробокъ, пакетовъ и т. д.) и доставляются подрывчиками. Поступающіе въ тюрьму безъ знаній ремесла приспособляются къ какому нибудь занятію уже въ самой тюрьмѣ. Отдѣльные арестанты, смотря по ремесламъ и способностямъ, зарабатываютъ различно отъ 4—5 су до нѣсколькихъ франковъ въ день. Изъ заработныхъ денегъ въ пользу арестанта отчисляется отъ $\frac{1}{10}$ — $\frac{6}{10}$ включительно, смотря по тяжести отбываемаго наказанія, по числу предшествующихъ осужденій и по поведенію; остальное поступаетъ въ пользу государства. Изъ причитающейся арестанту части, половина выдается ему на руки, которою онъ свободно можетъ располагать въ тюрьмѣ, а половина—при выходѣ его изъ тюрьмы. Работы во всѣхъ тюрьмахъ Франціи, гдѣ только можно найти поставщиковъ, доставляются ими. Они же поставляютъ и все нужное для тюрьмы, а взамѣнъ того получаютъ всѣ заработанные деньги, причитающіяся на долю государства. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, наоборотъ, еще сами приплачиваютъ. Всѣ работы находятся въ ихъ полномъ завѣдываніи. Такая система въ значительной мѣрѣ придаетъ тюрьмѣ характеръ фабрики. Каждый заключенный обязывается опредѣленнымъ урокомъ, составляющимъ установленный мінімумъ работы. Этотъ урокъ, какъ и самый родъ занятій, опредѣляется при поступленіи въ тюрьму, когда прибывшаго осматриваетъ врачъ и опредѣляетъ его физическія способности. Если въ началѣ пребыванія заключенный ничего не заявитъ о непосильности для него урока, то послѣдній остается и на будущее время. Невыполненіе урока влечетъ за собою болѣе или менѣе тяжкое наказаніе, смотря по тому, чему приписывается оно

Средній размѣръ образующагося запаса въ Clermont'ской тюрьмѣ былъ 150 фр. Отдѣльныя личности накапливали иногда до 1500 фр. Средній заработокъ въ мелонской тюрьмѣ былъ 1 фр. 43 сент. въ день; въ Clermont'ской — 1 фр. 30 сент., въ Caillon'ской — 1 фр. 32 сент. Продолжительность работъ во французскихъ тюрьмахъ простирается до 12 часовъ ежедневно.

Въ бельгійскихъ тюрьмахъ поставщиковъ не существуетъ; всѣми работами завѣдываетъ исключительно тюремная администрація. Работаютъ тюрьмы преимущественно на армію и на государственныя учрежденія вообще. Частныхъ заказовъ бываетъ немного. Работы производятся въ теченіи 10—12 часовъ въ день, смотря по времени года. Производства довольно разнообразны. Поступающіе незнающими ремесла обучаются въ тюрьмѣ исключительно сапожному или портняжному. Средній заработокъ отъ $\frac{3}{10}$ до $\frac{5}{10}$. Слѣдующая заключенному часть заработка дѣлится пополамъ: половина отдается ему на руки, а половина поступаетъ въ запасную сумму, которая выдается только при выходѣ. Въ теченіи 5 лѣтъ (средній мінімумъ пребыванія въ большой лувенской тюрьмѣ) запасная сумма достигаетъ отъ 91 до 250 фр. Въ теченіи 15 лѣтъ (средній максимумъ пребыванія въ той же тюрьмѣ) она достигаетъ отъ 274 до 886 фр. Арестанты одиночнаго заключенія работаютъ въ своихъ кельяхъ, въ которыхъ помѣщаются и рабочіе инструменты. Кромѣ жилыхъ келій, есть еще кельи рабочія. Послѣднія двойныхъ размѣровъ и въ нихъ производится только нѣкоторыя ремесла (кузнечное, столярное), требующія большаго помѣщенія.

Въ германскихъ тюрьмахъ весь заработокъ заключеннаго, въ принципѣ, принадлежитъ карающему его государству. Невыполнившій урока подвергается наказанію; а выполнившій получаетъ въ видѣ награды отъ 2 до 10 пфенинговъ (пфенингъ около $\frac{1}{2}$ коп.). Сработавшій сверхъ урока получаетъ, кромѣ того, часть заработной платы за излишекъ. Хорошо ведущимъ себя въ тюрьмѣ дозволяется иногда, сверхъ того, покупать на свои деньги матеріалъ и работать въ праздничные дни на продажу. Выходящіе обыкновенно уносятъ съ собой марокъ 20 или 30 (10—15 руб.) и только рѣдкіе до 200. Число рабочихъ часовъ 13 (сюда же зачисляется время школьныхъ занятій, поученій священника и присутствіе при церковной службѣ въ теченіи недѣли). Работы, особенно въ Саксоніи, организованы весьма хорошо и тюрьмы представляютъ собою

въ полномъ смыслѣ обширныя фабрики самыхъ разнообразныхъ производствъ.

Въ Швейцаріи, изъ заработанныхъ денегъ, прежде всего, вычитается стоимость пищи, одежды и вообще содержанія заключенныхъ и только остатокъ, если онъ не превышаетъ 20 сантимовъ, поступаетъ въ ихъ пользу.

Пища въ парижскихъ тюрьмахъ сравнительно удовлетворительна, но дается въ недостаточномъ количествѣ. На каждого арестанта отпускается въ день 750 грам. полубѣлаго хлѣба. Утромъ дается $\frac{1}{2}$ литра супу, который два раза въ недѣлю бываетъ мясной, а на обѣдъ $\frac{1}{2}$ литра разварныхъ овощей, сухихъ или свѣжихъ, смотря по времени года. Въ четвергъ и воскресенье, сверхъ того, дается 125 грам. разварной говядины изъ утренняго супу. Лицамъ, которымъ эта порція оказывается недостаточной, по заключенію врача, дается добавочная порція, состоящая изъ 350 грам. хлѣба на два дня. Для восполненія очевидныхъ недостатковъ тюремной пищи, при тюрьмахъ существуютъ лавочки (*cantines*), въ которыхъ арестанты могутъ покупать на заработанныя деньги (изъ той половины, которая выдается на руки) различные съѣстные припасы и въ томъ числѣ вино, въ размѣрѣ не болѣе одного литра въ день.

При бельгійскихъ тюрьмахъ также существуютъ лавочки или *cantines*, но содержатся не частными предпринимателями, какъ во Франціи, а устраиваются администраціей тюрьмы. Въ этихъ лавочкахъ изъ съѣстнаго продается только хлѣбъ и пиво не (болѣе $\frac{1}{2}$ литра заразъ); кромѣ того, въ нихъ продается табакъ, бумага, тетрадки, чернила, карандашы, мыло, гребенки и прочее. Покупать въ лавочкѣ приговоренные къ *reclusion* (тюремное заключеніе) могутъ два раза въ недѣлю, а приговоренные къ *travaux forcés* (каторжныя работы) только одинъ разъ. Пища въ бельгійскихъ тюрьмахъ дается три раза въ день. Утромъ дается 600 грам. хлѣба и кофе. Въ 12 часовъ дается $1\frac{1}{2}$ литра супу. Четыре раза въ недѣлю супъ бываетъ мясной, причемъ мясо рубится и примѣшивается къ супу. Вечеромъ также дается супъ, приправленный саломъ или масломъ. Супъ бываетъ рисовый, картофельный или изъ бобовъ. Если эта обыкновенная порція недостаточна, то, по заключенію врача, дается добавочная порція хлѣба (360 грам.) и добавочная порція кушанья.

Въ германскихъ тюрьмахъ заключенный получаетъ 750 грам. хлѣба въ день. Утромъ онъ получаетъ $\frac{1}{2}$ литра супу (въ воскре-

сенье кофе), за обѣдомъ также $\frac{1}{2}$ литра супу и $\frac{1}{2}$ литра разварныхъ овощей (бобы, чечевица и проч.), да вечеромъ снова $\frac{1}{2}$ литра супу. Говядина долгосрочнымъ арестантамъ дается черезъ день. Кромѣ того, заключеннымъ первыхъ двухъ классовъ (въ третій классъ зачисляются вновь вступающіе рецидивисты, въ него же переводятся и дурно ведущіе себя въ тюрьмѣ) дозволяется покупать на заработанныя деньги (въ размѣрѣ до $\frac{1}{3}$) пиво, молоко, масло, овощи, нюхательный табакъ, а съ особаго разрѣшенія директора—и говядину.

Вознагражденіе, получаемое лицами тюремной администраціи во Франціи, если не роскошное, то все же достаточное. Такъ, директоръ перваго класса получаетъ 6000 франковъ въ годъ (столько, сколько у насъ судебный слѣдователь), при квартирѣ съ отопленіемъ; директоръ втораго класса 5000 франковъ, третьяго—4000 франковъ; brigadier 2000 франковъ, sous-brigadier 1800 франковъ, gardier 1500—1600 франковъ. Директора назначаются изъ тюремныхъ инспекторовъ или изъ отставныхъ военныхъ, и есть между ними не мало лицъ достаточно образованныхъ и понимающихъ свое призваніе. Что достоинства той или другой системы, говоритъ г. Дриль, зависятъ не отъ стѣнъ и регламентовъ, а отъ личностей административнаго персонала, въ этомъ можно было убѣдиться, посѣтивъ тюрьму *Dépôt de condamnés*, гдѣ бываетъ сосредоточено 400—600 самыхъ тяжкихъ и уже осужденныхъ преступниковъ, которые содержатся совмѣстно, безъ оковъ и безъ всякихъ подраздѣленій по степени присужденій, и гдѣ порядокъ въ тюрьмѣ ничѣмъ не нарушался и наказанія прилагаются сравнительно рѣже, нежели въ другихъ тюрьмахъ. Этимъ тюрьма обязана своему директору г. *Beauquesn'ou*, который пользуется большимъ уваженіемъ среди тюремной администраціи. Со времени его поступленія, въ теченіи 7—8 лѣтъ не было еще случая возстанія и нанесенія ранъ служителямъ, что случалось прежде нерѣдко. *Beauquesne* достигъ такихъ результатовъ, главнымъ образомъ, нравственнымъ вліяніемъ; физической силой, по его словамъ, среди этихъ людей ничего не подѣлаешь. Онъ держится правила никогда не наказывать сгоряча и одинаково подвергать взысканіямъ какъ осужденныхъ, такъ и служащихъ, если послѣдніе виноваты. Заключенные это хорошо знаютъ и уважаютъ справедливость въ его дѣйствіяхъ, а это уваженіе дѣлаетъ уже все остальное. Кромѣ того, онъ всегда старается дѣйствовать на ихъ нравственную сторону. Ему случалось

довѣрять имъ на слово и въ такихъ случаяхъ никогда еще ни одинъ не обманулъ его“. Melon'ская тюрьма сравнительно многими своими улучшениями обязана теперешнему ея директору г. Nivell'ю, человѣку горячо преданному своему дѣлу и поставившему себѣ задачей возможное исправленіе заключенныхъ. Своимъ гуманнымъ отношеніемъ г. Nivell успѣлъ заслужить довѣріе заключенныхъ и тѣмъ въ значительной мѣрѣ облегчилъ себѣ возможность вліянія на нихъ. Нужно умѣть, говорилъ онъ, заставить звучать всѣ нравственныя фибры каждаго изъ составляющихъ тюремное населеніе и нужно, поскольку возможно, создавать даже развлеченія какъ для отдѣльных лицъ, такъ и для массы, чтобы утилизировать, согласно характерамъ и условіямъ, тѣ небольшія средства, которыя находятся въ распоряженіи. Тотъ же Nivell, въ выпущенной имъ брошюрѣ *de la recidivité*, справедливо замѣчаетъ, что дѣйствительная гарантія пенитенціарной системы заключается не въ законахъ (?) и регламентахъ (?), а въ качествахъ служебнаго персонала. Для подготовки этого послѣдняго онъ предлагаетъ ввести экзаменъ и послѣдующее за нимъ временное, сверхштатное прикомандированіе къ той или другой тюрьмѣ для практической подготовки. Директоръ Froideval, въ разговорѣ съ Дрилемъ, настаивалъ на необходимости болѣе мягкаго и заботливаго отношенія къ заключеннымъ, которое, какъ онъ говорилъ, дѣлаетъ душу человѣка болѣе доступной добрымъ возрождающимъ вліяніямъ. По его мнѣнію, многое дурное въ поведеніи заключенныхъ есть лишь результатъ необдуманности, а подчасъ и раздраженія. Поэтому, онъ находилъ, что всегда слѣдуетъ дѣйствовать на разумъ заключенныхъ и давать имъ время одуматься и успокоиться, а не запираетъ ихъ прямо въ карцеръ, который въ такихъ случаяхъ лишь повышаетъ раздраженіе и порождаетъ озлобленность. Срокомъ, наиболѣе соответствующимъ цѣлямъ исправленія, онъ считалъ 2—5 лѣтъ, смотря по индивидуальности.

Въ Бельгіи, для лучшаго ознакомленія *gardiens* съ ихъ обязанностями и съ приемами воздѣйствія на заключенныхъ, въ тюрьмахъ два раза въ мѣсяцъ устраиваются конференціи подъ руководствомъ директора. Директоръ большой лувенской тюрьмы старается дѣйствовать болѣе путемъ убѣжденія, нежели наказаній. О директорѣ въ Врухзалѣ, г. Дриль отзывался какъ о весьма развитомъ и симпатичномъ человѣкѣ, находившемъ, что одиночная система противна природѣ человѣка.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1888 г.

3

Невѣштательскій пенитенціарій, замѣчательный не своими внѣшними формами, а самымъ строемъ отношеній и царствующимъ въ немъ духомъ и который нужно видѣть для того, чтобы оцѣнить по достоинству, всего лучше доказываетъ, какъ много значать для всякаго дѣла качества человѣческой личности.

Но заграничныя тюремныя директора, если бы и не обладали особенно симпатичными качествами, не могутъ принести большаго вреда, потому что власть ихъ поставлена въ разумныя границы, а существующій надъ ними контроль не можетъ допустить безнаказанныхъ злоупотребленій. Весьма важно то, что во французскихъ напр. тюрьмахъ наказанія налагаются не единоличною властію директора, а въ *pretoires de justice disciplinaire*. Въ засѣданіяхъ этихъ *pretoires* принимаютъ участіе инспекторы, учитель, священникъ и *gardien chef*. Засѣданіе происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора, который и назначаетъ наказанія, по выслушаніи мнѣній остальныхъ членовъ. Въ засѣданіе призывается обвиняемый, который и даетъ свои объясненія. Назначенныя наказанія заносятся въ *bulletins de statistique moral*. По окончаніи разбирательства, директоръ выслушиваетъ просьбы отдѣльныхъ заключенныхъ и даетъ соотвѣтствующія распоряженія. Наказанія въ *pretoires* назначаются слѣдующія: выговоръ, штрафъ, лишеніе прогулокъ, лишеніе того или другаго блюда, содержаніе на хлѣбъ и водѣ, *salle de discipline* (хожденіе между тумбочками), запрещеніе свиданій и перепаски съ родными, запрещеніе покупать въ *cantin'e* и заключеніе въ *cachot*, гдѣ каждыя три дня наказанный получаетъ только хлѣбъ и воду, а на четвертый обыкновенную порцію. Заключеніе до одного мѣсяца можетъ быть назначаемо въ *pretoires*, а свыше этого срока съ утвержденія министра.

Въ бельгійскихъ тюрьмахъ наказанія назначаются директоромъ во время доклада, который бываетъ утромъ отъ 10 до 11 часовъ. При докладѣ присутствуютъ помощники директора, священники, учителя, *gardien chef* и всѣ старшіе *gardiens*. Наказаніями за проступки въ тюрьмѣ служатъ: запрещеніе свиданій и переписки съ родственниками, запрещеніе курить, лишеніе прогулокъ, запрещеніе покупать въ *cantin'e*, лишеніе кофе или какого либо блюда, содержаніе на хлѣбъ и водѣ и, наконецъ, заключеніе въ *cachot* на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Назначенныя наказанія заносятся въ книгу такъ называемой нравственной статистики.

Недурно постановлена въ заграничныхъ тюрьмахъ и образова-

тельная часть. Во Франціи безграмотные арестанты обучаются въ школахъ въ теченіи одного часа ежедневно. Преподается чтеніе, письмо, счетъ, священная исторія и элементарныя свѣдѣнія по географіи и исторіи Франціи. Для чтенія при тюрьмахъ существуютъ весьма удовлетворительныя библіотеки, состоящія изъ сочиненій классическихъ французскихъ писателей, изъ путешествій, изъ книгъ естественно-научнаго и историческаго содержанія. Въ тюрьмахъ общаго заключенія книги выдаются съ субботы вечеромъ до утра понедѣльника, а въ одиночныхъ тюрьмахъ онѣ остаются у арестантовъ въ теченіи всей недѣли. Къ несчастію, замѣчаетъ г. Дриль, это средство развлеченія, при полной непривычкѣ большинства заключенныхъ жить умственною жизнью и при неудовлетворительной постановкѣ дѣла школьнаго обученія въ тюрьмахъ, не оказываетъ того благотворнаго вліянія, котораго можно бы ожидать отъ него при другихъ условіяхъ. Въ Мелон'ской тюрьмѣ, благодаря Nivell'ю, для желающихъ и хорошо себя ведущихъ устроены еще спеціальныя курсы по исторіи, географіи, автографіи, англійскаго языка, коммерческаго счетоводства и рисованія. Изъ отчета объ этихъ курсахъ директора тюрьмы префекту видно, что изъ освобожденныхъ уже арестантовъ въ классѣ рисованія обучалось 4 человѣка и всѣ они обществомъ патроната ¹⁾ размѣщены въ качествѣ рисовальщиковъ у частныхъ лицъ, зарабатываютъ отъ 10 до 15 фр. въ день и ведутъ себя прекрасно. Также хорошо размѣщены и хорошо ведутъ себя трое обучавшихся въ классѣ коммерческаго счетоводства. Одинъ, обучавшійся англійскому языку, благодаря этому, получилъ хорошее мѣсто въ Америкѣ и приобрѣлъ тамъ хорошее положеніе. Наконецъ, при Clermont'ской и Melon'ской тюрьмахъ для пѣнія существуютъ еще очень хорошія хоры. Въ этой послѣдней, съ разрѣшенія высшей тюремной администраціи, сформированъ изъ заключенныхъ и оркестръ музыки. По воскресеньямъ оркестръ играетъ на дворѣ. Запрещеніе ходить на музыку счи-

¹⁾ Эти общества во Франціи возникли изъ комисіи, образованной въ 1819 г. и состоявшей изъ профессоровъ, публицистовъ, адвокатовъ, администраторовъ и депутатовъ. Цѣлью комисіи было изученіе состоянія тюремъ и указаніе правительству улучшеній въ дѣлѣ тюремномъ. Введя многія прекрасныя улучшенія въ тюремномъ дѣлѣ, комисія прекратила свое существованіе въ 1829 г. Общества патроната во Франціи никакой административной властію, въ родѣ нашихъ попечительныхъ о тюрьмахъ обществъ, никогда не пользовались.

тается заключенными однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній. По словамъ *gardien chef* оркестръ замѣняетъ ему много надзирателей. Со времени его введенія проступки и назначаема за нихъ наказанія значительно уменьшились въ числѣ.

Въ Бельгiи въ тюремныхъ школахъ преподають чтеніе, письмо и начальныя правила ариѳметики. Каждый обучающійся имѣетъ въ недѣлю три урока по часу. При тюрьмахъ существуютъ довольно хорошія библіотеки. Выданныя изъ нихъ книги остаются у заключенныхъ во всѣ дни недѣли, когда они бываютъ свободны отъ работъ.

Какъ доказательство заботливости о заключенныхъ тюремной администраціи въ заграничныхъ тюрьмахъ, можетъ служить то, что напр. въ лувенской тюрьмѣ директоръ дѣлаетъ 25 визитовъ въ день, причѣмъ онъ заявляетъ каждому заключенному, что тотъ можетъ обращаться къ нему всегда, когда будетъ чувствовать въ томъ нужду. Два помощника директора дѣлають каждый по 25 визитовъ (содержащіеся въ карцерахъ осматриваются директоромъ ежедневно). Каждый изъ трехъ священниковъ дѣлаетъ по 50 визитовъ въ день. Кромѣ того, визиты дѣлають и *gardien*ы. Всѣхъ посѣщеній приходится на каждого заключеннаго по одному часу.

Къ изложеннымъ сообщеніямъ г. Дриля о французскихъ тюрьмахъ можно прибавить еще слѣдующее:

Дворы въ парижскихъ тюрьмахъ широкіе, усаженные деревьями (*cours plantées d'arbres*), для того, чтобы арестанты могли въ нихъ гулять и дышать воздухомъ. Въ образцовой Мазанской тюрьмѣ, обошедшейся государству въ 5,000,000 франковъ (построена въ 1850 г.) широкій дворъ покрытъ великолѣпными вьющимися растеніями, скрывающими печальный видъ стѣнъ. Гулянье дозволяется два раза въ день: съ 9 до 10 утра и съ 3 до 4 вечера, а общимъ заключеннымъ, насколько позволяетъ мѣсто, можно быть весь день на дворѣ. Если заключенный почему либо отказывается отъ гулянья, то тюремная администрація должна содѣйствовать на него убѣжденіемъ, представивъ ему весь вредъ такого отказа для здоровья. Общія камеры никогда не запираются ни днемъ, ни ночью. На дворѣ ночью ставятся часовые, которые однако не должны имѣть заряженныхъ ружій. Законъ, запрещающій имѣть часовымъ заряженныя ружья, вышелъ (декабря 1856 г.) послѣ того, какъ одинъ безразсудный (*malavisé*) солдатъ убилъ въ домѣ заключенія одного американца, содержавшагося за долги и высунувшаго го-

лову изъ окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Поэтому, часовые довольствуются тѣмъ, что могутъ сдѣлать тревогу, въ случаѣ замѣченнаго ими покушенія къ побѣгу. Мастерскія, спальни (dortoirs) и столовыя (refectoires) находятся въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, обширны и съ достаточнымъ количествомъ свѣта и воздуха. Въ помѣщеніяхъ дубовый паркетъ и чистота. Длина кельи 3,60 метра, ширина 1,95, высота 2,85 метровъ. Вместимость воздуха 20 кубич. метровъ. Въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, повидимому отсутствуютъ, такъ М. Du Сэмпр., подробно описывающій тюремныя помѣщенія, ничего о нихъ не упоминаетъ; говоря же о побѣгѣ одного заключеннаго, онъ говоритъ, что тотъ снялъ замазку окна, а не говоритъ, что пропилилъ рѣшетку. Вообще, тюремная келья, по его словамъ, напоминаетъ монастырскую келью. Изъ мебели столъ, два стула, или скамейка, кровать съ матрацомъ, простыней, одѣяломъ (зимой двумя), полка для посуды и вещей арестанта, рукомойникъ и плевальница. На стѣнахъ кельи расклеены разныя правительственныя и частныя объявленія или афиши, тюремный уставъ, объявленіе о цѣнахъ продуктовъ, продаваемыхъ въ сантіа'ѣ и альманахи, писанные священниками. Одежда и бѣлье доставляются администраціей, какъ то: носки, башмаки, панталоны, куртка, шапка изъ сѣроватаго драпа, пара простынь—каждый мѣсяць, рубашка на каждую недѣлю изъ прочнаго (solide) полотна. Какъ скоро арестантъ принятъ, его тотчасъ ведутъ въ баню, которую затѣмъ онъ можетъ брать когда угодно, по желанію. Пища: 75 грам. полубѣлаго хлѣба, который не казался дурнымъ по качеству. Въ воскресенье и четвергъ по утрамъ дается 5 децелитровъ бульона и порція горячей говядины въ 125 грам. Въ остальные дни 5 децелитровъ постнаго супа и 4 децелитра полупостнаго, т. е. гороха, фасоли, чечевицы, картофеля. Образчикъ хлѣба ежедневно особымъ чиновникомъ посылается въ префектуру для освидѣтельствованія. Когда заключенный бѣденъ и не знаетъ никакого ремесла, дающаго ему возможность зарабатывать достаточно денегъ для покупки свѣстныхъ припасовъ въ тюремной лавочкѣ, и когда порція недостаточна для утоленія его голода, то врачъ приказываетъ дѣлать ему дополненіе къ пищѣ, въ чемъ никогда не отказывается. Заключеннымъ не запрещается получать обѣдъ и извнѣ. Поэтому, многіе заключенные, семейства которыхъ находятся въ Парижѣ, получаютъ свою пищу изъ дому; не запрещается также курить табакъ. Производства самыя разнообразныя, съ введеннымъ боль-

шимъ раздѣленіемъ труда. Въ Sainte-Pélagie дѣлались, между прочимъ, тѣ прекрасные шиньоны, которыми украшали себя дамы парижскаго grand mond'a. Заработная плата заключенныхъ регулируется, на основаніи заключенія, даваемого коммерческой палатой. Антрепренеръ, получившій отъ префекта дозволеніе на устройство въ тюрьмѣ какого либо производства, получаетъ половину заработной платы заключеннаго, но за то на немъ лежитъ обязанность содержанія дома. Другая $\frac{1}{2}$ составляетъ собственность рабочаго. Всѣ тюрьмы Парижа снабжены библіотеками, причемъ, каждый годъ на пополненіе ихъ изъ префектуры отпускается извѣстная сумма (въ 1869 г. 2,500 франковъ).

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ прекрасномъ обычаѣ, существовавшемъ во Франціи при Наполеонѣ III, по отношенію къ осужденнымъ заключеннымъ. Директоромъ тюрьмы каждый годъ представлялся въ комитетъ милости (comité des grâces) списокъ осужденныхъ, которые своимъ хорошимъ поведеніемъ заслуживаютъ прощенія. Этотъ комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ тюремныхъ директоровъ, тщательно провѣривъ списокъ, представлялъ его, черезъ министра юстиціи, императору, который и изощрялъ на немъ свое право помилованія (exerce son droit de grâce, la plus belle et la plus noble prérogative de la souveraineté, какъ говоритъ Du Camp).

Таковы положительныя стороны европейскихъ тюремъ, которыя въ общемъ могутъ считаться поставленными довольно удовлетворительно. Многіе рецидивисты попадаютъ въ тюрьмы десятки разъ и становятся ихъ завсегдатаями. Спрошенные по этому поводу г. Дрилемъ лица тюремной администраціи согласно указывали, что главная причина частаго рецидива заключается въ томъ, что, къ несчастію, слишкомъ многимъ на волѣ живется гораздо хуже, нежели въ тюрьмѣ, которая, поѣтому, часто и представляется для нихъ желаннымъ убѣжищемъ въ тяжелыя минуты ихъ беспросвѣтной жизни. Г. Saulon директоръ Conciergerie прибавилъ даже: „будь въ тюрьмахъ режимъ нѣсколько помягче, мы не знали бы куда и помѣстить всѣхъ желающихъ“. Въ Dépôt de la Prefecture, brigadier пояснилъ, что зимой, когда работы поменьше и жизнь подороже, немѣлющіе пристанища пролетаріи совершаютъ незначительныя преступленія съ единственною цѣлью попасть въ тюрьму.

**ОБЯЗАНЪ-ЛИ БАНКЪ ПРИОСТАНОВИТЬ ПЛАТЕЖЪ ПО ЧЕКУ,
ВСЛѢДСТВІЕ СВОЕВРЕМЕННО ЗАЯВЛЕННАГО О СЕМЪ ТРЕВО-
ВАНІЯ ЧЕКОПОДПИСАТЕЛЯ?**

Текущій счетъ и связанный съ нимъ правовой институтъ, извѣстный подъ названіемъ *чека*, возникли на иностранной почвѣ. Въ нашемъ законѣ о *текущемъ счетѣ* и о *чекѣ* никакихъ постановленій не содержится. Объ этихъ предметахъ законъ нашъ лишь только упоминаетъ, именно: о текущемъ счетѣ—въ описательныхъ статьяхъ (518 и слѣд. устава торг.) о купеческихъ (конторскихъ) книгахъ, веденіе которыхъ обязательно для торгующихъ, а о чекахъ (кассовыхъ ордерахъ)—въ уставѣ о гербовомъ сборѣ (ст. 67) и въ дѣйствующемъ алфавитномъ перечнѣ документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ (№№ 154 и 266). Понятно, поэтому, что за отсутствіемъ по указаннымъ предметамъ законовъ, развитіе правилъ о сихъ предметахъ всецѣло предоставлено торговому обычаю. Но въ виду сравнительной новосты у насъ этого дѣла, торговые обычаи о немъ еще не успѣли выработаться съ достаточною опредѣлительностью.

Существующія общества взаимнаго кредита и акціонерные банки выработали для себя о *текущемъ счетѣ* и о *чекѣ* правила, большею частью позаимствованныя изъ правилъ о семъ государственнаго банка. Но всѣ эти правила оказываются нерѣдко на практикѣ весьма недостаточными для разрѣшенія возникающихъ вопросовъ. При такомъ положеніи дѣла возникающія въ торговомъ быту недоумѣнія по вопросамъ, касающимся текущего счета и чека, должны быть разрѣшаемы по общему смыслу законовъ. Поэтому, полагаю, что и вопросъ о приостановленіи платежа по чеку, вслѣдствіе своевременнаго заявленія чекоподписателя, долженъ быть также разрѣшенъ не только на основаніи тѣхъ или другихъ правилъ, установленныхъ частными банками, но и по общему разуму законовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, частные банки, по примѣру государственнаго, установили правило, что не принимаютъ на себя отвѣтственности за послѣдствія потери и покражи чековъ, если они не были предупреждены о потерѣ или покражѣ заблаговременно. Такимъ образомъ выходитъ, что приостановленіе выдачи денегъ по чеку можетъ, будто бы, имѣть мѣсто при наличности въ распоряженіи вкладчика на его текущемъ счету соотвѣтствующей для оплаты

чека суммы только въ случаяхъ заявленія имъ о потерѣ или покражѣ чека. Но очевидно, что такое правило совершенно недостаточно. Не говоря уже о необходимости пріостановленія для банка платежа по чекамъ вкладчика, впаваго въ несостоятельность или умершаго, надлежитъ еще замѣтить, что *покража* чека, предусмотрѣнная правилами банковъ, далеко не исчерпываетъ случаевъ преступнаго изыятія чека изъ обладанія чекоподписателя. Такъ, напр., возможно похищеніе чековой книжки съ подписанными въ ней формулами чековъ не только посредствомъ кражи, т. е. тайнымъ способомъ похищенія, но и открытымъ разбоемъ и грабежемъ, или даже путемъ мошенничества и подлоговъ. Для различенія между этими случаями похищенія чека и покражею онаго врядъ-ли есть какое-либо правильное основаніе.

Если же это такъ, то становится яснымъ, что банкъ въ отношеніи пріостановленія выдачи платежа по чеку долженъ руководствоваться не исключительно указанными въ его правилахъ случаями заявленій вкладчика о потерѣ имъ чека или о покражѣ таковаго у него, но и другими его заявленіями, сдѣланными, конечно, своевременно, ибо изъ существа отношеній между банкомъ и вкладчикомъ по текущему счету вытекаетъ то безспорное положеніе, что всякое заблаговременное заявленіе вкладчика относительно пріостановленія платежа по его чеку, если оно сдѣлано съ точнымъ обозначеніемъ онаго, т. е. нумера, числа и суммы таковаго, должно имѣть для банка рѣшающее значеніе.

Съ открытіемъ текущаго счета, банкъ становится кассиромъ вкладчика. На семъ основаніи банкъ производитъ, между прочимъ, платежи по ордерамъ (чекамъ) вкладчика изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи послѣдняго по его счету. Такимъ образомъ, производя платежъ, банкъ тѣмъ самымъ исполняетъ приказъ вкладчика. Но кто далъ извѣстный приказъ, тотъ не лишенъ права взять его обратно до приведенія онаго въ исполненіе, отвѣчая, конечно, самъ за послѣдствія своихъ дѣйствій. Банку, какъ принявшему на себя обязанности кассира по отношенію къ вкладчику, нѣтъ дѣла до того, чѣмъ вкладчикъ руководствуется, отмѣняя данный имъ приказъ. До тѣхъ поръ, пока вкладчикъ имѣетъ въ банкѣ текущій счетъ, банкъ, въ качествѣ кассира, не долженъ отказывать ему въ пріостановленіи платежа по данному имъ же ордеру (чеку), ибо отвѣтственность въ семъ случаѣ всецѣло падаетъ на вкладчика. Если же банкъ находитъ, что вкладчикъ, ко-

торый, пользуясь своимъ правомъ приостановить исполненіе, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, по даннымъ имъ же ордерамъ, причиняетъ лишніе хлопоты и безпокойства банку, то банкъ, безъ сомнѣнія, властенъ отказаться быть для такого вкладчика кассиромъ, т. е. закрыть его текущій счетъ, но до закрытія такового нельзя отказаться отъ исполненія своевременного заявленнаго вкладчикомъ контръ-ордера.

И такъ, слѣдовательно, кто далъ приказъ, тотъ вправе его взять обратно. Такое правило, хотя прямо и не выражено въ нашихъ законахъ, но нельзя не признать, что это начало не противно разуму русскихъ законовъ.

Въ иностранныхъ законодательствахъ существуютъ ясныя по сему предмету постановленія, которыя, конечно, нелишніе имѣть въ виду, въ особенности тогда, когда рѣчь идетъ объ институтахъ права, выросшихъ, какъ и въ данномъ случаѣ, на иноземной почвѣ.

Такъ, напримѣръ, въ саксонскомъ гражданскомъ уложеніи постановлено (ст. 1330) слѣдующее правило:

„Пока приказополучатель прямо или фактически, производствомъ удовлетворенія по приказу, не принялъ такового по отношенію къ приказодержателю, приказодатель имѣетъ право по отношенію къ приказополучателю взять приказъ обратно. Приказъ прекращается также, если приказодатель умираетъ до принятія приказа приказополучателемъ“.

Независимо отъ сего, надлежитъ обратить вниманіе еще на то, что на чекъ, позаимствованный нами изъ практики иностранныхъ государствъ, законодательства послѣднихъ смотрятъ какъ на переводный вексель. Въ новѣйшихъ вексельныхъ уставахъ, между прочимъ, въ вексельномъ уставѣ Англіи,—этой странѣ возникновенія и безпримѣрнаго процвѣтанія чековъ,—въ связи съ постановленіями о траттахъ излагается положеніе о чекахъ, а затѣмъ уже о простыхъ векселяхъ. Точно также въ швейцарскомъ законѣ правила о чекахъ излагаются вслѣдъ за постановленіями о векселяхъ. При этомъ въ швейцарскомъ законѣ (ст. 836), а равно и въ англійскомъ вексельномъ уставѣ (ст. 73) содержится, между прочимъ, правило о томъ, что опредѣленія о переводныхъ векселяхъ, поскольку они не противорѣчатъ правиламъ о чекахъ, примѣняются и къ послѣднимъ.

Сверхъ сего, въ англійскомъ вексельномъ уставѣ (ст. 75) прямо

выражено, что обязанность и уполномочіе банкира производить платежъ по выданному на него кліентомъ его чеку прекращается: 1) контръ-ордеромъ касательно платежа (Countermand of payment) и 2) извѣстіемъ о смерти кліента.

Этотъ взглядъ на чекъ слѣдуетъ усвоить, конечно, и у насъ, съ одной стороны—въ виду позаимствованія сего института нами, какъ указано выше, изъ заграницы, а съ другой—потому, что переводный вексель и по русскому вексельному праву имѣетъ также много общаго съ чекомъ. Правда, послѣдній является бумагою на предъявителя, между тѣмъ какъ платежъ по векселю долженъ быть произведенъ опредѣленному лицу, но вѣдь и вексель превращается въ бумагу на предъявителя, путемъ учиненныхъ на немъ бланковыхъ надписей.

Если же это такъ, т. е. если чекъ можетъ быть приравненъ къ переводному векселю, то, конечно, къ нему слѣдуетъ примѣнить, между прочимъ, также содержащееся въ нашемъ вексельномъ уставѣ (ст. 639) правило о правѣ векселедателя воспретить плательщику принимать его вексель.

Это правило гласитъ буквально такъ: „векселедатель можетъ, по неполученію валюты, воспретить плательщику принимать его вексель, если онъ еще имъ не принятъ; но въ семъ случаѣ онъ отвѣтствуетъ участвующимъ въ векслѣ за всѣ послѣдствія, и никакое посредничество ни въ принятіи, ни въ платежѣ не можетъ уже имѣть мѣста“.

Ссылаясь на приведенный законъ, профессоръ Цитовичъ, въ своемъ изданномъ въ текущемъ году „Курсъ вексельнаго права“, между прочимъ (стр. 146 и 147 прим. 571), справедливо замѣчаетъ, что „въ ст. 639 уст. торг. указано лишь на одинъ изъ мотивовъ воспрещенія (отмѣна, контръ-ордеръ); но воспрещеніе можетъ быть сдѣлано и по другимъ мотивамъ—между ними и по капризу, все равно оно сохраняетъ свое дѣйствіе“.

Такимъ образомъ оказывается, что принятіе переводнаго векселя можетъ быть векселедателемъ воспрещено плательщику по всякимъ основаніямъ.

Понятно, поэтому, что если это возможно по отношенію къ такому формальному документу, какъ вексель, то весьма мало есть основаній ограничивать въ семъ отношеніи права чекодателя, который, во всякомъ случаѣ, одинъ и будетъ отвѣчать за послѣдствія неправильной приѣстановки имъ платежа по выданному имъ же

чеку, точно также какъ онъ долженъ отвѣчать и въ томъ случаѣ, когда чекъ не оплачивается банкомъ по отсутствію у вкладчика на его текущемъ счетѣ соотвѣтствующей для таковой оплаты суммы.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я прихожу къ тому выводу, что если банкъ не уважить своевременно поданнаго заявленія вкладчика о невыдачѣ платежа по опредѣленному его ордеру (чеку), то самъ рискуетъ отвѣчать по суду платежомъ убытковъ предъ чекодателемъ.

Если же существующія у насъ возрѣнія на чекъ, какъ на деньги, требуютъ въ интересахъ банка, на кассу котораго выданъ чекъ, а равно въ интересахъ чекодержателей, чтобы были по возможности ограничены случаи отиѣны вкладчикомъ его ордеровъ (чековъ), то о такомъ ограниченіи слѣдовало бы постановить точное опредѣленіе въ правилахъ о текущемъ счетѣ, которыми руководствуется банкъ, съ постановленіемъ о семъ въ извѣстность вкладчиковъ. Но этотъ предметъ находится въ связи вообще съ вопросомъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ банковыхъ правилъ о текущемъ счетѣ, которыя, по мнѣнію моему, требуютъ дополненій и во многихъ другихъ еще отношеніяхъ.

М. Шафиръ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ. Раздѣлъ I. 1883 года. Раздѣлы II, III и IV 1884 и 1885 г. Цѣна **40** к. съ пересылкою **60** к.

2) УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІЙ 1884 г. Цѣна **40** к.

3) УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ. Цѣна **25** к.

4) ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ. Цѣна **25** к.

5) А. Ф. КИСТЯКОВСКИЙ И ЕГО УЧЕННЫЕ ТРУДЫ. Рѣчь В. М. Володимірова. Цѣна **25** к.

6) О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОБѢ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ. Соч. А. Фонъ-Резона. Цѣна **1** р. вмѣсто **1** р. **50** к.

7) РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ. Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна **1** р. **25** к. Выпускъ II. Цѣна **75** к. Выпускъ III. Цѣна **75** к. Цѣна за всѣ три выпуска, составляющіе большой томъ въ 41 печатный листъ **2** р. **50** к. Для гг. студентовъ, а равно и для подписчиковъ журнала Гражданскаго и Уголовнаго права **2** р.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣляется уступка 25%; при покупкѣ же на 100 руб. 40%.

У КОММИСИОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

АНИСИМОВА

въ С.-Петербургѣ и Москвѣ только что отпечатаны и поступили въ продажу

КАЛЕНДАРЬ НА 1888 ГОДЪ**И СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ ЮРИСТОВЪ.**

Составленный В. Балашевымъ и В. Маркевичемъ, редакторами департамента министерства юстиціи. С. П.-Б. 1887 г. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Нофаль И. Курсъ мусульманскаго права, в. I. С. П.-Б. 1886 г., ц. 3 р.
Сабо Н. Справочная книга для отбывающихъ воинскую повинность.

Х. 1887 г., ц. 50 к. с.

Янсонъ Ю. Теорія статистики, изд. 2-е. С.-П.-Б. 1887 г. ц. 3 р. 50 к.

Павловъ А. 50-я глава Кормчей книги. М. 1887 г. ц. 3 р. с.

Г. Вл. Дворянское землевладѣніе въ связи съ мѣстной реформой.
В. 1887 г. ц. 60 к.

Чулковъ Н. О правахъ крестьянъ всѣхъ наименованій. М. 1888 г. 1 р.

Наумовъ А. Права военно-служащаго какъ война и какъ гражданина. С.-П.-Б. 1888 г. ц. 5 р. с.

Горяиновъ С. Уставы о воинской повинности, изд. 4-е. С.-П.-Б. 1888 г.
ц. 5 р. с.Шимановскій М. О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи, вып. I. О. 1887 г.
ц. 50 к. с.

Аидогскій И. Сборникъ узаконеній о земскихъ учрежденіяхъ съ приложеніемъ Годоваго Положенія. С.-П.-Б. 1888 г. ц. 4 р. 50 к.

Мехелинъ Л. Конституція Финляндіи. С.-П.-Б. 1888 г. ц. 1 р. с.

Бѣляевъ И. Лекціи по исторіи русскаго законодательства изд. 2-е
М. 1888 г. ц. 3 р. с.Пукаловъ. Объ опредѣленіи наказаній по преступленіямъ. Х. 1887 г.
ц. 1 р.Сергѣевскій Н. Наказаніе въ Русскомъ правѣ XVII в. С.-П.-Бургъ
1888 г. ц. 2 рРеймеръ Ю. Наставленіе объ оплатѣ гербовымъ сборомъ счетовъ,
квитанцій и т. д. С.-П.-Б. 1887 г. ц. 25 к.

Спиро А. Сборникъ узаконеній по страхованію. М. 1888 г. ц. 1 р. 65 к.

Лукашинъ А. Руководство къ производству дознаній и слѣдствій о
проступкахъ священно-церковно-служителей, изд. 5-е. П. 1887 г.
ц. 1 р.Загурскій Л. Элементарный учебникъ Римскаго права, ч. общаѣ
Х. 1887 г. ц. 2 р.

Башиловъ А. Русское торговое право, вып. I. С.-П.-Б. 1887 г. ц. 2 р.

Евренновъ В. Гражданское чиновничество въ Россіи. С. П.-Б.
1888 г. ц. 1 р. с.*За пересылку означенныхъ книгъ взимается особо 15% съ рубля.*

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
 въ 1888 году.

(Годъ двадцатый).

Согласно съ утвержденною программю, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, критику и библиографію замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разныя извѣстія, замѣтки и корреспонденціи и проч.—Кругъ предметовъ правовѣдѣнія журнала понимается въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ этотъ послѣдній установленъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*, при ближайшемъ участіи въ редакціи *Н. А. Каблукова*.

Цѣна восемь р. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки семь р.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговыя линіи, контора Н. Н. Пенчиковской, и въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Въ Одессѣ: у В. В. Скидана, Греческая улица, д. № 9, кв. № 8.

Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886 и 1887 годъ высылаются по 8 р., отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за три года и болѣе, благоволятъ высылать по расчету *шести* руб. за годъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕКАБРЬСКОЙ КНИГИ.

I. Психологія преступности (окончаніе) Д. А. Дриля. II. Сокращенные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи. Н. В. Муравьева. III. Частно-владѣльческое хозяйство въ Россіи (по земскимъ статистическимъ даннымъ) (окончаніе). В. Распопина. IV. Первый съѣздъ международнаго статистическаго института въ Римѣ. А. И. Чупрова. V. Присяжная адвокатура и конкурсная дѣла. Н. М. VI. Дисциплинарный судъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты (изъ отчета совѣта за 1886—87 г.). VII. Библиографія. VIII. Разныя извѣстія и замѣтки. IX. Матеріалы журнальной статистики: Юридическій Вѣстникъ въ 1887 году. X. Оглавленіе XXVI тома.

1888

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1888

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(ИЗДАНИЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1835 ГОДА).

53 Нумера, выходящихъ еженедѣльно. Каждый нумеръ въ два листа большаго формата съ 7—8 больш. рисунк., изъ конхъ нѣкоторые печатаются въ два и три тона.

13 Литературныхъ приложеній, выходящихъ ежемѣсячно отдѣльными книжками, въ объемъ до 10-ти печатныхъ листовъ въ 8-ю долю. Сюда войдутъ:

I. *Оригинальные романы и повести русскихъ писателей.* Эти произведенія въ 1888 г. не будутъ дробиться, а появятся цѣлыми книжками.

II. *Переводные романы и повести.* Произведенія иностранныхъ писателей будутъ помѣщаемы по возможности въ цѣломъ объемѣ въ одной книжкѣ.

III. *Классическія произведенія одного изъ любимѣйшихъ европейскихъ писателей.*

Изъ перечисленныхъ отдѣловъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ концѣ года, у каждаго изъ гг. подписчиковъ журнала „Живописное Обозрѣніе“ составитъ довольно цѣнная бібліотека избранныхъ беллетристическихъ произведеній, въ нѣсколько томовъ, стоимостью не менѣе **10—12** рублей.

13 Нумеровъ „Новѣйшихъ парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемѣсячно, въ первое воскресенье послѣ 1-го числа. При нумерахъ модъ предлагаются особые листы:

I. *Выкройки* (въ натуральную величину) съ новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, заслуживающихъ вниманія по своему изяществу и практичности. II. *Выкройки, узоры и мѣтки для бѣлья* (отъ простаго до изящнаго). III. *Образцы изящныхъ рукодѣлій*, какъ наприм., вышивка шелкомъ, шерстью, шнурками, бисеромъ и проч. IV. *Образцы и рисунки разнаго рода вязаній.* V. *Образцы вышивочныхъ работъ* и друг.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ—копій съ картинъ лучшихъ русской и иностранной школъ (печатается въ нѣсколько тоновъ).

СТѢННОЙ КАБИНЕТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1888-й годъ, изящно отпечатанный (на одну сторону). Разсылается при первомъ номерѣ.

см. слѣд. стран.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ на 1888 годъ—большая эффектная и художественно-исполненная картина-олеография въ 28 красокъ, изображающая написанный съ натуры русскій пейзажъ:

„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“

(Размѣръ картины: длина—полтора аршина, высота—одинъ аршинъ).

Художественная сторона журнала пользуется достаточною извѣстностью, что и свидѣлствуютъ наши лучшіе органы періодической печати, въ своихъ вѣстныхъ для нашего изданія отзывахъ (См. „Новое Время“, „Новости“, „Спб. Вѣд.“, „Рус. Газ.“ „Бирж. Вѣд.“ „Пет. Лист.“ и друг.

Блестящій успѣхъ нашего журнала за послѣдніе годы, даетъ намъ возможность и въ наступающемъ году продолжать дальнѣйшее дѣло изданія съ постояннымъ улучшеніемъ и пополненіемъ, какъ литературныхъ, такъ и художественныхъ отдѣловъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—съ пересылкою 8 р.— Безъ доставки 6 р 60 к.—
За границую 10 р.

Значительное повышеніе таможеннаго тарифа и новыя почтовые правила, недопускающія разсылки печатныхъ произведеній большаго размѣра подъ бандеролью—неизбѣжно вызываютъ увеличеніе платы за доставку преміи, а именно:

Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію съ доставкою цѣнною посылкою, задѣланною въ холстъ и накатанною на скалку, благоволятъ выслать на доставку *рубль*. *Мелкія суммы* (копѣйки) просятъ высылать *почтовыми*, а не *перевозными* марками.

Безъ упомянутой приплаты премія высылаться не будетъ.

Премія уже изготовлена и выдается въ Главной Конторѣ городскимъ подписчикамъ тотчасъ при подпискѣ, а иногороднымъ высылается немедленно, по очереди поступленія требованій.

За редактора-издателя С. Добродѣевъ.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій просп. у Аничкина моста, д. № 68—40.

Поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ Анисимова,
Новаго Времени и др.

НОВАЯ БРОШЮРА:

ВОПРОСЫ АДВОКАТСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Цѣна 40 коп.

Складъ изданія въ конторѣ *Русскихъ Вѣдомостей*.

ВОЛЬШАЯ, ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(изданіе основано въ 1812 году).

Вступивъ съ 4-го числа октября 1887 года въ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ, газета, съ этого юбилейнаго дня, вновь реформирована, значительно дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ (*безъ повышенія подписной цѣны*) и, по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, какъ изъ русской, такъ и иностранной жизни, можетъ вполне замѣнить собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

При воскресныхъ нумерахъ разсылается приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

въ который войдутъ: историческіе и современные ПОВѢСТИ, РОМАНЫ, РАЗСКАЗЫ (оригинальные и переводные), ПОРТРЕТЫ современныхъ и историческихъ дѣятелей, РИСУНКИ бытовые, историческіе и современные, преимущественно изъ русской жизни, а также КАРРИКАТУРЫ.

Ежемесячно при одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ прилагаются къ домашнему производству „МОДЫ и РУКОДѢЛЬЕ“ съ приложеніемъ образцовъ *вышивокъ, вязаній и другихъ дамскихъ рукодѣлій*, а также и вышивочныхъ работъ, при объясненіи производства работъ и указаніи материала.

Гг. подписчики, выславшіе сполна годовую подписную плату до 1 января, имѣютъ право получить на выборъ ОДНУ изъ ТРЕХЪ нижеозначенныхъ картинъ-олеографій, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ. 1) „КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ“ (издана въ виду наступающаго 900-лѣтія—15 юлія 1888 г.). Размѣръ карт. 1 арш. 2 верш., выс. 14 верш. 2) „СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА“ (изданіе второе, тождественное съ первымъ) Размѣръ картины: 1 аршинъ, высота $\frac{3}{4}$ аршина. 3) „ДВѢЧНИКЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“ (съ кат. профес. А. Маковского). Размѣръ картины длина $1\frac{1}{2}$ аршина, высота 1 аршинъ. Желающіе получить, кромѣ одной (безплатной) картины—остальные ДВѢ, благоволятъ выслать за каждую по 1 р. и на доставку прибавить по 10 к. за экз. (если требованіе трехъ картинъ будетъ одновременно). ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ еженедѣльными и ежемесячными иллюстрирован. приложеніями:

Безъ доставки и пересылки: На годъ 7 руб.—на 6 мѣс. 3 руб. 60 коп.

Съ доставкою и пересылкою: На годъ 8 руб.—на 6 мѣс. 4 руб. 50 коп.

Желающіе получить картину-олеографію, благоволятъ выслать 80 к. Безъ этой приплаты премія не высылается. Въ разсылкѣ олеографій соблюдается очередь поступленія требованій.

За редактора **М. КУПЛЕТСКІИ.**

Издатель **С. ДОБРОДѢВЪ**

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій пр., у Анничкина моста, д. № 68—40

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, «Новаго Времени»
и друг. продаются:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній.

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. II по гражданскому судопроизводству съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. III по гражданскому праву и судопроизводству съ 1876 г. по 1879 г. Цѣна 1 р. Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за 1879 г. Цѣна 75 к. Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за 1880 г. Цѣна 75 к. Т. VI, по гражданскому праву и судопроизводству за 1881 и 1882 годы. Цѣна 1 руб. Желающіе приобрести отъ составителя полный экземпляръ систематическаго сборника платятъ за всѣ томы 3 руб. 50 коп.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воровъежскаго Окружнаго Суда).

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ СЪ РАЗЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Законы о личномъ задержаніи; объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ; о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, переходящихъ по крѣпостнымъ актамъ; о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ кредитныхъ установленій. Составилъ Г. Вербловскій.

ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ АВСТРІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

перевелъ Г. Вербловскій (изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданского уложенія) цѣна 2 руб. 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ

О СОВѢТѢ ПО ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫМЪ ДѢЛАМЪ И ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка 20%.

X ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ.

ГОДЪ X.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ разными даровыми приложениями и великолѣпными преміями.

Выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и печатается на прекрасной бумагѣ; каждый номеръ заключаетъ въ себѣ множество великолѣпно исполненныхъ полиטיפажей. Съ № 1-го въ журналѣ начнется печатаніе большаго историческаго романа изъ XII вѣка, соч. А. Рудина, подъ названіемъ:

„ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ“

Всѣ подписчики «Иллюстрированнаго Мира» получаютъ въ теченіи года бесплатно.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

Полный рукодѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину; съ рукодѣльными и вышивочными работами. Въ теченіи года дается масса полиטיפажныхъ рисунковъ, рукодѣльныхъ работъ, разнообразныхъ буквъ, ннціаловъ и пр. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются отдѣлы: Модный Курьеръ, Описание рисунковъ, Хозяйство и Кухня, Совѣты и рецепты, Смѣсь, Почтовый ящикъ и проч.

Всѣ годовые подписчики получаютъ на выборъ ОДНУ изъ нижеслѣдующихъ двухъ великолѣпныхъ премій:

1. АЛЬБОМЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

полюбный разосланному въ 1886 г. и состоящій изъ ДВАДЦАТИ совершенно новыхъ великолѣпныхъ фототипій съ выдающихся произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ; каждая картина сопровождается подробнымъ описаніемъ и біографіею художника. „Альбомъ Художественныхъ произведеній“ представляетъ артистическое сокровище для любителей изящнаго и художественнаго.

2. ВЫБОРЪ ЦАРСКОЙ НЕВѢСТЫ

Большая олеографическая картина (величина 1 арш. 2 вер. + 13 верш.), исполненная 26 красками въ извѣстномъ *Королевскомъ Олеографическомъ заведеніи А. Кауфмана* въ Берлинѣ, по оригиналу, писанному масляными красками. На картинѣ изображена сцена выбора невѣсты юнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ представшихъ передъ нимъ красивѣйшихъ дѣвушекъ, собранныхъ со всей русской земли. — Подобной богатой олеографіи не выдавалъ еще ни одинъ журналъ. Картина „Выборъ царской невѣсты“ выдается городскимъ подписчикамъ тогчасъ при подпискѣ, а иногороднымъ разсылается съ № 1 журнала. Желающіе получить картину цѣнною посылкою, зашитую въ холстъ, присылаютъ на пересылку 60 к.

Съ № 1-мъ журнала выдается всѣмъ годовымъ подписчикамъ отпечатанный двумя красками

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1888 годъ.

Допускается подписка въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му іюля 1 р. и къ 1-му сентября 1 руб.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи журнала „Иллюстрированный Міръ“ въ С.-Петербургѣ, по Литейному просп., д. № 51 (графа Шереметева).

ОТЕРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 г. (*VII годъ изданія*).

НА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ“

„РОДНИКЪ“ въ 1888 году [будетъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ минувшія 6 лѣтъ.

„Родникъ“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками большого формата, со многими картинками,

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ и одобренъ Учен. Комит. при Свят. Синодѣ, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденію Императрицы Маріи и Мин. Нар. Просвѣщенія. Циркуляромъ по Мин. Нар. Просв. (отъ 12 Мая 1887 г. № 789) предложено на случай выписки для библіотекъ низшихъ городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ мужскихъ и женскихъ Учебн. Заведеній, какъ журналъ вполне отвѣчающій требованіямъ русской семьи и школы, и служащій богатымъ источникомъ нравственнаго чтенія, проникнутаго духомъ религіи и преданности отечеству. Годовые подписчики на „Родникъ“ изданія 1888 года получаютъ вмѣстѣ съ № 1.

„СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ“,
составленный изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ,
со многими рисунками худ. М. Михайлова.

Для взрослыхъ вмѣстѣ съ „Родникомъ“ высылается ежемѣсячно педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“,
посвященный разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и практикѣ учебниковъ, учебн. пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

Условія подински на 1888 годъ:

„РОДНИКЪ“ съ листкомъ „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ,	
съ дост. и перес.	6 руб.
„РОДНИКЪ“ безъ листка „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ,	
съ дост. и перес.	5 руб.
„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“ отдѣльно, на годъ, съ дост.	2 руб.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, уголъ Знаменской и Баскова пер. д. 14—24.

Кромѣ того, подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ Фену и К^о. въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, и въ „Русскомъ книжномъ магазинѣ“, *въ Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ „Сотрудникъ Школъ“, Воздвиженка, д. Армандъ и въ книжномъ магазинѣ „Начальная Школа“ на Кузнецкомъ мосту.

Редакторъ-Издательница *Е. Сысоева*.

Редакторъ *Алексѣй Аммединенъ*.

Подробная программа „Родника“ и листка „Воспитаніе и Обученіе“ съ каталогомъ изданій редакціи высылаются, по требованію, бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“
НА 1888 ГОДЪ.

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго собранія и тотчасъ по опубликованіи всѣхъ свѣдѣній объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть: пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для головныхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Юридическая консультація: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п., производится или въ отдѣлѣ

„Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Цѣна: на годъ 7 руб.; на 6 мѣс. 4 р. 50 к.; на 3 мѣс. 3 руб. и на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу 10 руб. въ годъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Заграницу подписка въ разсрочку не принимается.

Разсрочка въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 руб. и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

При просрочкѣ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

Для пользованія разсрочкою необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ, № 24; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, уголь Невскаго просп. и Екатерининскаго канала, у Казанскаго моста, при Центральной международной конторѣ объявленій Маттисена, д. № 28—21.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ

Редакторъ-издатель Ф. В. Де-ВЕКИ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ

ГРУЗИНСКАГО ЦАРЯ ВАХТАНГА VI.

Подъ редакціею Д. З. Бакрадзе.

Изданіе А. С. Френкеля.

Тифлисъ 1887 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

который будетъ выходить въ 1888 году подъ той же редакціей и по той же программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — »
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	. 13 » 50 »
Съ доставкой въ Петербургъ	12 » 50 »
За границу	15 » — »

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—5 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ—4 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 рубля.

Цѣна 12 книгъ 1886 года 10 руб.

— 4 — 1885 — 5 —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, уг. Николаевской и Кузнечнаго переулка д. № 26.— Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просить обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Издательница А. В. Сабашникова

Редакторъ А. М. Евремова,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

Большую Ежедневную Политическую, Литературную и Общественную Газету
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

М И Н У Т А

1888 — ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМОЙ — 1888

Въ 1888 году ГАЗЕТА „МИНУТА“ ВУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ БОЛЬШИМИ ЛИСТАМИ, ЕЖЕДНЕВНО, ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Редакція газеты „МИНУТА“ ставитъ себѣ задачей, въ наступающемъ году, дать своимъ читателямъ ежедневную газету, полную живаго интереса, помѣщая, одновременно съ другими изданиями, на своихъ страницахъ, въ краткомъ изложеніи, всѣ важнѣйшія правительственныя и частныя сообщенія, руководящія статьи по всѣмъ, вызывающимъ вниманіе общества вопросамъ, какъ внутренней, такъ и иностранной жизни, будутъ значительно увеличены и въ общемъ газета „МИНУТА“ дастъ своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій и разнаго интереснаго литературнаго матеріала для чтенія.

Въ портфель редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной столичной жизни, между прочимъ одинъ романъ изъ театральныхъ сферъ, который захватываетъ собою событія послѣднихъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ „МИНУТА“.

Безъ доставки:

Съ пересылкою во всея города Россіи:

На годъ 6 р. 50 к.—На 6 м. 3 р. 75 к. На годъ 9 руб.—На 6 мѣс. 5 руб.

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ:

За границу:

На годъ 8 р.—На 6 мѣс. 4 р. 75 к. На годъ 17 руб.—На 6 мѣс. 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородніе.

Адресъ Главной Конторы: С.П.Б., Невскій проспектъ, у Анничкина моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ ВЪ 1888 ГОДУ.

БИБЛЮГРАФЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

4-й годъ изданія.

Журналъ предназначенъ для любителей и собирателей книгъ. библиофиловъ, учебныхъ заведеній, библиотечарей и книгопродавцевъ.

Выходитъ ежемѣсячно — выпусками.

Ученымъ комитетомъ М-ства Народ. Просв. *рекомендованъ* для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. — Учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ *одобренъ* для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ справочной книги. — По распоряженію военно-ученаго комитета *помѣщенъ* въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Въ 1 отдѣлѣ журнала помѣщаются: 1) *историческіе матеріалы*: статьи, замѣтки, розысканія и сообщенія историко-литературныя, и библиофильскія; статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія, книжно-торговой и издательской дѣятельности; извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некрологи и проч.; 2) *техническія статьи* по части графическихъ искусствъ; 3) обзоръ *современныхъ* произведеній литературы, науки и искусства, отзывы и замѣтки о новыхъ книгахъ и т. п.; 4) разныя мелкія замѣтки и извѣстія.

Во 2 отдѣлѣ, преимущественно *справочномъ*, помѣщается *полная библиографическая лѣтопись*, въ которую входятъ: 1) *каталогъ новыхъ книгъ*; 2) *указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ*; 3) *Rossica*; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п.; 5) объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ достав. и пересыл. въ Россіи 5 руб., за границу 6 р. отдѣльно нумеръ 50 коп., съ перес. 60 коп.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран 6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензій.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ редакціи (Спб., Обуховскій просп., д. № 6, кв. № 13), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ — А. Суворина (Спб. Невскій просп., д. № 38), въ антикварной книжной торговлѣ „Посредникъ“ (Спб. Невскій

просп. д. № 34 (противъ думы) и въ антикварной книжной торговлѣ П. Шибанова (Москва, Старая площадь). Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Оставшіеся въ *ограниченномъ числѣ* полные комплекты „Библиографа“ за 1885 и 1886 гг. можно получать въ редакціи и въ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Тамъ же можно получать изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, № 1. Ц. 60 к. 2) Библиографическій указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ М. Н. Лисовскій.

ИЗВѢСТНАЯ СМИРДИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕРЕШЛА НЫНѢ ВЪ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Н. КИММЕЛЯ

Въ Ригѣ.

Библиотека содержитъ всѣ замѣчательныя книги на русскомъ языкѣ, напечатанныя со времени основанія гражданского шрифта и до 1854 года.

Только что изданъ каталогъ по Правовѣдѣнію, политикѣ, и политико-экономическимъ наукамъ.

Открыта подписка на 1888 г. на

„РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ“.

Еженедѣльное изданіе съ *рисунками* въ текстѣ и съ приложеніемъ сверхъ того *при каждомъ номерѣ не меньше двухъ листовъ* исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и проч. предметовъ по различнымъ *ремесленнымъ, кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ.*

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесл. Газетѣ“ будетъ помѣщенъ рядъ *описаній различныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ* и проч.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ *заграничныхъ новостяхъ*, редакція будетъ давать бесплатно, *ответы и советы* на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Контора изданія оказываетъ иногороднымъ гг. подписчикамъ бесплатное всевозможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ и по выпискѣ книгъ, инструментовъ и друг. предметовъ.

„Ремесленная Газета“ въ теченіи истекшихъ 3 лѣтъ успѣла приобрести *огромный составъ читателей*, не только въ виду ея характера и *крайней дешевизны*, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того ОБИЛІЯ полезнаго и необходимаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ.

БОЛѢЕ СТА листовъ приложеній къ „Рем. Гез.“ отдѣльно *стоятъ* въ розничной продажѣ СВЫШЕ 20 руб. сер., не считая 50 *печатныхъ листовъ убогистаго текста съ помитипажамъ.*

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ *многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.*

ЗА 5 РУБ. ВЪ ГОДЪ съ перес. и дост. (за полгода 3 руб.).

„Ремесленная Газета“ необходима технику, ремесленнику, кустарю, сельскому хозяину и всякому любителю ремеслъ.

Въ теченіе 1888 года редакціей особо будетъ изданъ рядъ *сборниковъ рисунковъ и чертежей по ремесламъ: столярному, токарному, кузнечному, литейному, сапожному, обойно-драпировочному, ювелирному и проч. и проч.*

А ДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ежедневная (кроме дней послѣпраздничныхъ), литературно-политическая и экономическая газета.

будетъ выходить въ будущемъ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) *Передовыя статьи* по вопросамъ политическимъ, хозяйств., педагогич., законодат., судебн., земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосах. промышл., лѣсоводство и проч.
- 2) *Телеграммы* внутреннія и заграничныя, причемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
- 3) *Корреспонденціи* внутреннія и заграничныя.
- 4) *Извѣстія изъ славянскихъ земель.* Этотъ отдѣлъ получить въ будущемъ году большее развитіе.
- 5) *Повѣсти рассказы и романы,* оригинальные и переводные.
- 6) *Бесѣды* по разнымъ вопросамъ дня (*Фельетонъ*).
- 7) *Обозрѣніе* русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
- 8) *Критика* литературная художественная и театральная.
- 9) *Внутренняя хроника:* законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
- 10) *Справочный отдѣлъ:* курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское слово“ съ доставкой и пересылкой на годъ—10 руб., на 9 мѣс.—6 руб., на 3 мѣс.—4 руб., на 1 мѣс.—1 руб. 50 к.: безъ доставки и пересылки—на годъ—8 руб., на 6 мѣс.—5 руб. на 3 мѣс.—3 руб., на 1 мѣс.—1 руб. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ доставкой и пересылкой при подпискѣ 5 руб. и къ 1 Іюня вторые 5 руб.; безъ доставки въ тѣже сроки по 4 руб. Другіе сроки не допускаются. Выписка газеты въ кредитъ допускается для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ чрезъ ихъ казначействъ. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иного роднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются: 1) въ редакціи „Кіевского Слова“, Кудравскій пер., д. № 6; 2) *Одессѣ*—въ книжн. магаз. Б. Корейво и Н. Розова; 3) въ *Петербургѣ* у Леона Петц, Никольская площ. № 8; 4) въ *Москвѣ*, у М. Пироне, Тверская, д. Полякова, и 5) въ *Парижѣ*, Société Havas, Laffite et Co, Place de la Bourse, 8. За напечатаніе объявленій платится за одну строку петита въ столбцѣ или же ея мѣсто: за 1 разъ по 20 к., за каждый слѣдующій разъ по 10 к. За всѣ объявленія впереди текста взимается двойная плата.

Редакторъ-издатель проф. А. Я. Антоновичъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1888 ГОДЪ

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

Старѣйшій и самый большой изъ русскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, „Всемирная Иллюстрація“ съ 1 января 1888 года вступаетъ въ 20-й годъ своего существованія и будетъ выходить также, какъ и въ прежніе годы, *ежедневно*, т. е. дастъ 52 нумера въ годъ, въ форматѣ двойнаго большаго листа специально изготовленной для „Всемирной Иллюстраціи“ бумаги.

Полный годъ „Всемирной иллюстраціи“ представляетъ два художественно исполненныхъ изящныхъ альбома (болѣе 1000 печатныхъ страницъ и болѣе 1800 рисунковъ) съ разными

БЕЗПЛАТНЫМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Какъ извѣстно, въ будущемъ 1888-мъ году Россія празднуетъ 900-лѣтіе своего крещенія—событія знаменательнаго, пролившаго на наше отечество свѣтъ божественнаго ученія Христова и приведшаго русскихъ къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ Византіею, которая представляла въ то время одинъ изъ главныхъ центровъ цивилизаціи.—Въ виду этого, Редакція „Всемирной Иллюстраціи“, не щадя заботъ и издержекъ, рѣшила дать на будущій годъ, какъ *главное художественное приложение* большую автогеліотипію (форм. 77×43 сант.) съ картины В. И. Навозова исполненную въ извѣстномъ художественномъ ателье Фр. Брукмана (въ Мюнхенѣ).

„КРЕЩЕНИЕ РУСИ“

Картина „Крещеніе Руси“ будетъ разослана подписчикамъ на 1888-й годъ при первомъ № журнала.

Цѣна годовому изданію „ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ на 1888 годъ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

СЪ ДОСТАВКОЙ:

Въ С.-Петербургѣ . . . 12 руб. Въ С.-Петербургѣ . . . 14 руб.

при подпискѣ въ главной конторѣ:

Большая Садовая № 16.

Въ Москвѣ безъ доставки 14 руб.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Въ отдѣленіяхъ конторы:

1) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга,

на Кузнецкомъ мосту, № 15.

2) Въ конторѣ Н. Н. Печковской,

Петровскія линіи.

Въ другіе гор. Росс. имп. 15 руб.

ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ ОТКРЫТА

Главная контора редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербурѣ, Большая Садовая, № 16.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„НЕДѢЛЯ“

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ЖУРНАЛОМЪ

„КНИЖКИ НЕДѢЛИ“

ВЪ 1888 ГОДУ.

Съ 1888 года „НЕДѢЛЯ“ вступаетъ въ двадцать первый годъ своего существованія. Стремясь постоянно къ тому, чтобы сдѣлать „НЕДѢЛЮ“ возможно болѣе *полной еженедѣльной газетой*, дающей подробные и осмысленные отчеты обо всемъ заслуживающемъ вниманія въ области политики, общественной жизни, науки, искусства, литературы и т. д., редакция всегда заботилась и о томъ, чтобы „НЕДѢЛЯ“ представляла серьезный *литературно-научный* интересъ. Не довольствуясь участіемъ въ „НЕДѢЛѢ“ ея постоянныхъ сотрудниковъ (къ выбору которыхъ редакция всегда относилась съ большимъ вниманіемъ), она пользовалась трудомъ и многихъ другихъ писателей, изъ числа которыхъ достаточно назвать: М. В. Авдѣева, К. К. Арсеньева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. И. Вагнера („Коть-Мурлыка“), князя А. И. Васильчикова, П. И. Вейнберга, А. Н. Веселовскаго, Д. К. Гирса, А. А. Головачева, Н. Я. Грота, А. Я. Ефименко, К. Д. Кавелина, Е. П. Карновича, А. Ф. Кони, барона Н. А. Корфа, Н. И. Костомарова, Евгенія Л. Маркова, Н. Н. Миклухо-Маклая, О. Ф. Миллера, Д. Л. Мордовцева, С. Я. Надсона, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонскаго, П. А. Ровинскаго, М. Е. Салтыкова, (Н. Щедрина), графа Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Гл. В. Успенскаго, Н. Флеровскаго, Ольги А. Шапиръ, С. С. Шашкова, Н. В. Шелгунова, Н. В. Яковлеву (Н. Ланскую), И. И. Янжула, и многихъ другихъ.

Что касается принциповъ, которыми руководствовалась „НЕДѢЛЯ“, то главнѣйшій изъ нихъ можно всего лучше опредѣлять словами глубоко-симпатичнаго писателя: *убавлять зло, направляя всѣ силы на подъемъ въ русской жизни всего, что стремится къ добру, къ свѣту и правдѣ*; призывать общество къ добру, ободрять его добрыя стремленія и всячески ихъ поддерживать.

„КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ составляютъ *литературный отдѣлъ* газеты „НЕДѢЛИ“, и въ нихъ помѣщаются лишь *выдающіеся* произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей. Не имѣя, по своему составу, ничего общаго съ такъ называемыми „приложеніями“, онѣ представляютъ собою вполне самостоятельный ежемѣсячный журналъ.

Въ 1888 году „НЕДѢЛЯ“ будетъ выходить еженедѣльно, а „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ разъ въ мѣсяцъ.

ЦѢНА „НЕДѢЛИ“ вмѣстѣ съ ежемѣсячными „КНИЖКАМИ“ ДЕВЯТЬ рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на 1888 годъ открыта.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, у Владимірской церкви, Ямская 6.

Редакторъ-издатель П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.

Поступилъ въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1888 годъ

М. Острогорскаго

съ записною книжкою на каждый день и аспидною табличкою съ карандашемъ-грифелемъ.

Календарь выпущенъ въ двухъ частяхъ съ весьма значительными добавленіями во всѣхъ отдѣлахъ.

Особая часть «Новыя узаконенія за годъ» содержитъ въ себѣ полный текстъ всѣхъ новыхъ законовъ, относящихся до судебной части.

Въ общей части помѣщено между прочимъ:

списки личного состава судебного вѣдомства (вне-сены впервые всѣ судебные слѣдователи Имперіи);

разнообразныя справочныя свѣдѣнія для судебныхъ практиковъ (районы судебныхъ округовъ, судебныя таксы, сборы и пр., указатель содержанія томовъ св. зак., подробный алфавитный указатель сроковъ къ судебн. уставамъ, улож. о наказ., X т. ч. 1 и уст. торг. и т. д. и т. д.);

опредѣленія Правит. Сената въ разъясненіе законовъ;

обозрѣніе движенія иностранныхъ законодательствъ;

служебныя свѣдѣнія (прогоны, пособія, пенсіи, эмеритура);

судебно-статистическія свѣдѣнія;

систематическій указатель новыхъ юридическихъ книгъ;

некрологи и т. д.

Цѣна въ изящномъ англійскомъ переплетѣ 1 руб.; съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

ОБЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1888 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей. Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго совѣта. 2) Новыя постановленія и распоряженія по университету. 3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4) Обзорнія преподаванія по полугодіямъ. 5) Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся. 6) Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ. 7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіеся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части университета. 8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній университета. 9) Годичные отчеты по университету. 10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями. 11) Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *legendi* и т. п., а также и самыя диссертации. 12) Рѣчи, произносимыя на годовичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13) Вступительныя пробы, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей. 14) Ученые труды преподавателей и учащихся. 15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*, отдѣлъ IV—*медицинскій*, отдѣлъ V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій, а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1888 году будутъ выходить, въ концѣ cadaго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ отъ 15—до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **ИЗВѢСТІЙ** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями съ своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Главный Редакторъ В. Иконниковъ.